

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

111

ИССЛЕДОВАНИЕ ПАМЯТНИКОВ
КАМЕННОГО ВЕКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

111

ИССЛЕДОВАНИЕ ПАМЯТНИКОВ
КАМЕННОГО ВЕКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1967

В статьях и публикациях рассматриваются общие вопросы древнейшей истории, каменной индустрии эпохи палеолита, неолита и энеолита, характера хозяйства древнеземледельческих племен. Наряду с публикацией материалов вновь открытых памятников древнекаменного Кавказа в выпуске представлены результаты исследований памятников эпохи мезолита и неолита Восточной Европы. Освещаются вопросы культурного взаимодействия племен Урала и Восточной Европы.

Значительный по территориальному охвату и хронологическому диапазону новый археологический материал является ценным источником для изучения древнейшей истории племен и формирования культурных общностей на территории СССР.

Книга представляет интерес не только для историков, археологов, но и для всех, кто занимается древнейшей историей нашей Родины.

Редакционная коллегия:

Ответственный редактор — доктор исторических наук *Т. С. Пассек*
Зам. ответственного редактора — доктор исторических наук *П. А. Раппопорт*

Члены редколлегии:

Н. Н. Воронин, Н. Н. Гурина, Х. И. Крис (отв. секретарь), К. Х. Кушнарёва
А. Ф. Медведев, Н. Я. Мерперт, Д. Б. Шелов, А. Л. Якобсон.

I. ДОКЛАДЫ И ДИСКУССИИ

А. П. ЧЕРНЫШ

О НОМЕНКЛАТУРЕ ПОЗДНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ ОРУДИЙ¹

За последнее время при решении многих проблем археологической науки широко стали применяться методы естественных и технических наук. Так, в частности, можно упомянуть радиоуглеродный, дендрохронологический, археомагнитный, статистический и другие методы.

В изучении палеолита широкую известность получил статистический метод, позволяющий на основании подсчета количества определенных типов кремневых орудий в комплексе изделий того или иного памятника получить процентные числовые данные. Эти данные в дальнейшем графически изображаются на диаграммах определенного типа (существует ряд вариантов таких диаграмм) и затем сравниваются между собой. Целью сравнения диаграмм различных памятников является определение особенностей памятников или их групп, уточнение хронологического места в кругу памятников определенной эпохи и территории.

Статистическому методу посвящена обширная литература². К сожалению, среди советских специалистов по палеолиту этот метод пока не получил должного признания. Объяснить это можно, с одной стороны, сложностью его применения, а с другой, — затруднениями в определении типов кремневых орудий в связи с тем, что основой статистического метода является тщательный типологический анализ комплексов кремневых орудий на основании их номенклатуры. Между тем таких общепринятых списков орудий позднепалеолитического времени до последнего времени не было.

Результаты подобного анализа, как указывалось выше, изображаются в виде различных диаграмм. Известно много вариантов диаграмм, но для позднего палеолита наиболее распространенными и общепринятыми являются типы диаграмм, предложенные Сонвиль-Борд и Перро. На основании методики Сонвиль-Борд и Перро проанализировано наибольшее количество позднепалеолитических памятников Европы. Это позволило многим исследователям сравнить диаграммы комплексов кремневых орудий этих памятников между собой и определить их сходство или отличия.

В связи с необходимостью типологического анализа при статистическом методе Сонвиль-Борд разработана номенклатура позднепалеолитических орудий, охватывающих 91 тип кремневых орудий, которые отражают почти все известные на различных этапах позднего палеолита типы орудий.

¹ Доклад, прочитанный на секции палеолита 2.IV 1964 г.

² D. de Sonneville-Bordes et J. Perrot. Essai d'adaptation des methodes statistique au Paleolithique superieur. «Bull. Soc. Preh. Française», t. L. Paris, 1955; B. Klim a. Statisticka metoda-pomocka pri hodnoceni paleolitickich kamennich industrii. «Pamatky archeologickent», XVII. Praha, 1956; A. Bohmers. Statistique et graphiques dans l'etude des industries lithiques prehistoriques. «Palaeohistoria», vol. VIII. Groningen, 1961; О. П. Черныш. Про статистичний метод у вивченні палеоліту та мезоліту. «Матеріали з археології Прикарпаття та Волині», т. II. Київ, 1959.

Это особенно важно потому, что до сих пор общепринятой унифицированной номенклатуры кремневых орудий не было, многие исследователи при определении типов орудий часто выражали лишь субъективные определения, которые не разделялись другими исследователями. Некоторые исследователи даже разработали свои классификации орудий, которые другие исследователи не приняли.

Примером таких, не получивших полного признания, классификаций позднепалеолитических орудий являются терминологии, предложенные В. А. Городцовым, С. Круковским и другими исследователями³.

При разработке диаграмм по статистическому методу классификации следует базироваться на общепринятой, унифицированной номенклатуре орудий. В противном случае разработанные диаграммы выразят лишь субъективные определения тех или иных исследователей и поэтому сравнение диаграмм станет беспредметным, оно не будет сравнением объективных данных о комплексах кремневых орудий.

Из всех существующих номенклатур типологическая Сонвиль-Борд наиболее обширна по количеству типов орудий. Учитывая это, а также большую распространенность статистического метода Сонвиль-Борд и Перро, мы кратко ее охарактеризуем, так как она позволяет разработать диаграммы и графики по статистическому методу также для территории СССР, где пока этот метод был применен лишь нами на некоторых памятниках позднего палеолита Приднестровья⁴.

Состоящий из 90 типов позднепалеолитических орудий типологический лексикон Сонвиль-Борд и Перро (рис. 91 — издание, не вошедшие в предшествующие 90) включает несколько групп орудий⁵.

Так, первой группой орудий являются скребки (1—15) и близкие к ним формы, второй — комбинированные орудия (17—22), далее проколки (23—26), резцы (27—44), остря (45—52), орудия с притупленными ретушью краями, орудия с усеченными ретушью концами, орудия с выемками, пластины с краевой ретушью, орудия на мелких пластинках и ряд других форм.

Всего Сонвиль-Борд и Перро выделяют девять групп орудий. Проводим номенклатурный список позднепалеолитических типов орудий, выделенных этими исследователями в нашем переводе, но с учетом тех терминов, которые уже существуют в нашей литературе и являются общепринятыми для советских исследователей.

1. Концевой скребок (*Grattoire sur bout de lame*) (рис. 1, 1).
2. Атипичный концевой скребок (*Grattoire sur bout de lame atypique*) (рис. 1, 2).
3. Двойной скребок (*Grattoire double*) (рис. 1, 3).
4. Стрельчатый скребок (*Grattoir ogival*) (рис. 1, 4).
5. Скребок с краевой ретушью (*Grattoir sur lame retouchee*) (рис. 1, 5).
6. Скребок на ориньякской пластине (*Grattoir sur lame aurignacienne*) (рис. 1, 6).
7. Веерообразный скребок (*Grattoir en éventail*) (рис. 1, 7).
8. Скребок на отщепе (*Grattoir sur éclat*) (рис. 1, 8).
9. Округлый скребок (*Grattoir circulaire*) (рис. 1, 9).
10. Ногтевидный скребок (*Grattoir unquiforme*) (рис. 1, 10).
11. Скребок Карене (*Grattoir coréné*) (рис. 1, 11).
12. Атипичный скребок Карене (*Grattoir caréné atypique*) (рис. 1, 12).

³ В. А. Городцов. Тимоновская палеолитическая стоянка. М.— Л., 1935; S. Krukowski. *Paleolit Polski*. «Encyklopedi j Polskiej», т. 4, 1939.

⁴ А. П. Черныш. Поздний палеолит Среднего Приднестровья. «Труды КИЧП», вып. XV. М., 1959.

⁵ D. de Sonneville-Bordes et J. Perrot. *Lexique typologique du Paléolithique supérieur*. «Bulletin de la Société Préhistorique Française», т. LI, № 7. Paris 1954; т. LII. № 1—2, 1955, т. LIII, № 7, 8, 9, 1956.

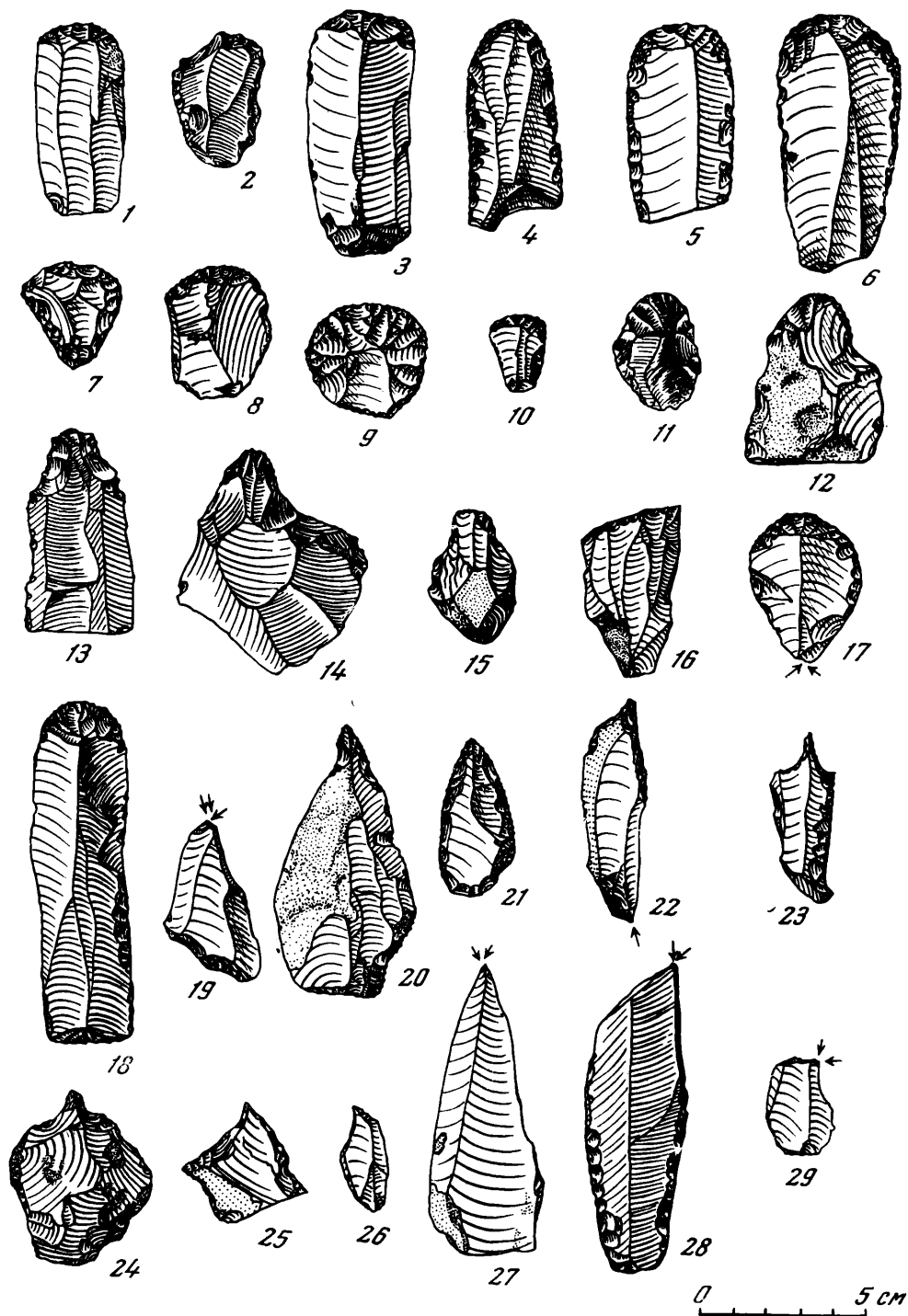

Рис. 1. Типы кремневых орудий:

1, 16, 22, 24, 27, 29 — стоянка Молодова V; 2, 8, 10, 15, 23 — стоянка Вороновица I; 9 — стоянка Бабин II;
 11—14, 17, 18, 20, 21, 29, 3—7 — стоянка Бабин I; 19 — стоянка Корман II; 25, 26 — стоянка Молодова I

13. Скребок с рыльцем (Grattoir a museau) (рис. 1, 13).
14. Атипичный скребок с рыльцем (Grattoir a museau atypique) (рис. 1, 14).
15. Нуклевидный скребок (Grattoir nucléiforme) (рис. 1, 15).
16. Скобель (Rabot) (рис. 1, 16).
17. Скребок-резец (Grattoir-burin) (рис. 1, 17).
18. Скребок-пластина с усеченным ретушью концом (Grattoir-lame tronquée) (рис. 1, 18).
19. Резец-пластина с усеченным ретушью концом (Burin-lame tronquée) (рис. 1, 19).
20. Проколка-пластина с усеченным ретушью концом (Perçoir-lame tronquée) (рис. 1, 20).
21. Проколка-скребок (Perçoir-grattoir) (рис. 1, 21).
22. Проколка резец (Perçoir-burin) (рис. 1, 22).
23. Проколка (Perçoir) (рис. 1, 23).
24. Атипичная проколка или клюв (Perçoir atipique ou bec) (рис. 1, 24).
25. Многолезвийная проколка (Perçoir multiple) (рис. 1, 25).
26. Микропроколка (Microperçoir) (рис. 1, 26).
- ✓27. Срединный резец (Burin dièdre droit) (рис. 1, 27).
- ✓28. Срединно-угловой резец (Burin dièdre dejeté) (рис. 2, 28).
- ✓29. Угловой резец (Burin dièdre d'angle) (рис. 1, 29).
- ✓30. Резец на углу сломанной пластины (Burin dièdre d'angle sur lame cassée) (рис. 2, 30).
- ✓31. Многолезвийный резец (Burin dièdre multiple) (рис. 2, 31).
- ✓32. Скошенный резец (тип Бюске) (Burin busqué) (рис. 2, 32).
- ✓33. Клювовидный резец (Burin bec-de-Perroquet) (рис. 2, 33).
34. Угловой резец на пластине с прямо отретушированным концом (Burin sur troncature retouchée concave) (рис. 2, 36).
- ✓35. Боковой резец (Burin sur troncature retouche oblique) (рис. 2, 35).
- ✓36. Угловой резец на пластине с отретушированной выемкой на конце (Burin sur troncature retouchée concave) (рис. 2, 36).
- ✓37. Уловой резец на пластине с дугообразно отретушированным концом (Burin sur troncature retouche convexe) (рис. 2, 37).
38. Резец супоневского типа (Burin transverse sur troncature laterale) (рис. 2, 38).
39. Поперечный резец на пластине с боковой выемкой (Burin transverse sur encoche) (рис. 2, 39).
40. Многолезвийный резец на пластине с поперечной ретушью на конце (Burin multiple sur troncature retouchée) (рис. 2, 40).
41. Многолезвийный комбинированный резец (Burin multiple mixte) (рис. 2, 41).
42. Резец типа Ноаль (Burin de Noailles) (рис. 2, 42).
- ✓43. Нуклевидный резец (Burin nucleiforme) (рис. 2, 43).
44. Плоский резец (Burin plan) (рис. 2, 44).
45. Острие типа Оди (Couteau de l'abri Audi) (рис. 2, 45).
46. Острие типа Шательперрон (Pointe de Châtelperron) (рис. 2, 46).
47. Атипичное острие типа Шательперрон (Pointe de Châtelperron atypique) (рис. 2, 47).
48. Острие типа Граветт (Pointe de la Gravette) (рис. 2, 48).
49. Атипичное острие типа Граветт (Pointe de la Gravette atypique) (рис. 2, 49).
50. Микрограветт (Microgravette) (рис. 2, 50).
51. Острие типа Вашон (Pointe de Vachons) (рис. 2, 51).
52. Острие типа фон Ив (Pointe de Font-Yves) (рис. 2, 52).
53. Пластина с боковым выступом (Pièce gibbeuse a bord abattu).
54. Стрела (Flèche) (рис. 2, 54).
55. Наконечник с черешком (Pointe à soie) (рис. 2, 55).

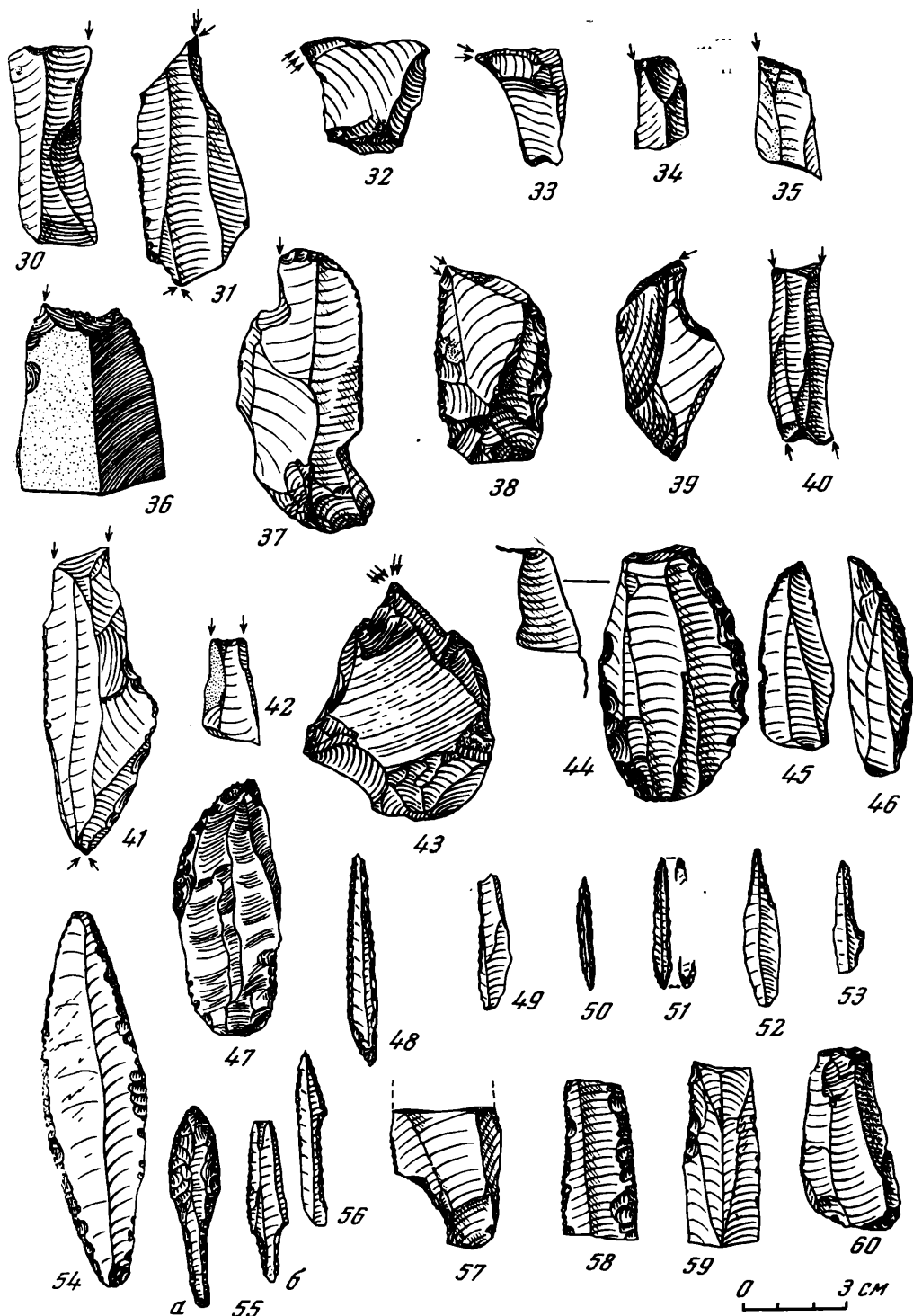

Рис. 2. Типы кремневых орудий:

30, 35, 41, 42, 48, 49, 51, 56 — стоянка Молодова V; 31, 34, 36, 37-40, 43, 44, 47, 50, 52, 57-60 — стоянка Бабин I; 32, 33, 54 — стоянка Вороновица I; 53 — стоянка Молодова I; 45, 46, 55a — французские стоянки (Оди, Лоссель); 55b — стоянка Оселивка

56. Атипичный наконечник с боковой выемкой (Pointe à cran atypique) (рис. 2, 56).
57. Пластина с боковой выемкой (Piese à cran) (рис. 2, 57).
58. Пластина с краевой ретушью (Lame à bord adattu total) (рис. 2, 58).
59. Пластина с частичной краевой ретушью (Lame à bord abattu partiel) (рис. 2, 59).
60. Пластина с прямо усеченным ретушью концом (Lame à troncature retouhcue droite) (рис. 2, 60).
61. Пластина со скошенным ретушью краем (Lame à troncature retouche oblique) (рис. 3, 61).
62. Пластина с отретушированной концевой выемкой (Lame á troncature retouchée concave) (рис. 3, 62).
63. Пластина с выпукло отретушированным концом (Lame à troncature retouchee convexe) (рис. 3, 63).
64. Пластина с двумя усеченными ретушью концами (Lame bitronquée) (рис. 3, 64).
65. Пластина с ретушью по одному краю (Lame é retouche continues sur un bord) (рис. 3, 65).
66. Пластина с ретушью на двух краях (Lame à retouches continues sur les 2 bords) (рис. 3, 66).
67. Ориньякская пластина (Lame aurignacienne) (рис. 3, 67).
68. Пластина с отретушированными выемками или сужениями (Lame à étranglement) (рис. 3, 68).
69. Листовидный наконечник с плоской ретушью (Pointe à face plane) (рис. 3, 69).
70. Лавролистный наконечник (Fenille de laurier) (рис. 3, 70).
71. Ивовый наконечник (Feuille de saule) (рис. 3, 71).
72. Наконечник с боковой выемкой (Pointe a cran τυρυque „solutrienne“) (рис. 3, 72).
73. Пикообразное орудие (Pic.) (рис. 3, 73).
74. Пластина с боковой выемкой (Piese à encoche) (рис. 3, 74).
75. Пластина-«пилочка» (Piese benticulee) (рис. 3, 75).
76. Изделие с подтеской (Piese esquille) (рис. 3, 76).
77. Скребло (Racloire) (рис. 3, 77).
78. Скребельце (Raclette) (рис. 3, 78).
79. Треугольник (Triangl) (рис. 3, 79).
80. Прямоугольник (Rectangl) (рис. 3, 80).
81. Трапеция (Trapeze) (рис. 9, 81).
82. Ромбовидное орудие (Rhombe) (рис. 3, 82).
83. Сегментобразное орудие (Segment de cercle) (рис. 3, 83).
84. Пластина с усеченным ретушью концом (Lamelle tronquée) (рис. 3, 84).
85. Пластина с притупленным краем (Lamelle à dos) (рис. 3, 85).
86. Пластина с притупленным краем и усеченным концом (Lamelle à dos tronquée) (рис. 3, 86).
87. Пластина с притупленным краем и отретушированными зубьями (Lamelle à dos denticulee) (рис. 3, 87).
88. Пластина с отретушированными зубьями (Lamelle denticulee) (рис. 3, 87).
89. Пластина с выемкой (Lamelle à coch) (рис. 3, 89).
90. Пластина с чередующейся ретушью (Lamelle à coche) (рис. 3, 90).
91. Азильское острие (Pointe azilienne) (рис. 3, 91).
- Прочие орудия (Divers) (рис. 3, 92).

К сожалению, не для всех французских терминов удалось подобрать краткие русские термины, отражающие их форму и назначение. Поэтому пришлось использовать название описательного характера. На прилагаемых таблицах иллюстраций к этому списку даны рисунки указанных кремневых орудий согласно порядковой нумерации в списке (рис. 1, 2, 3—№1—90).

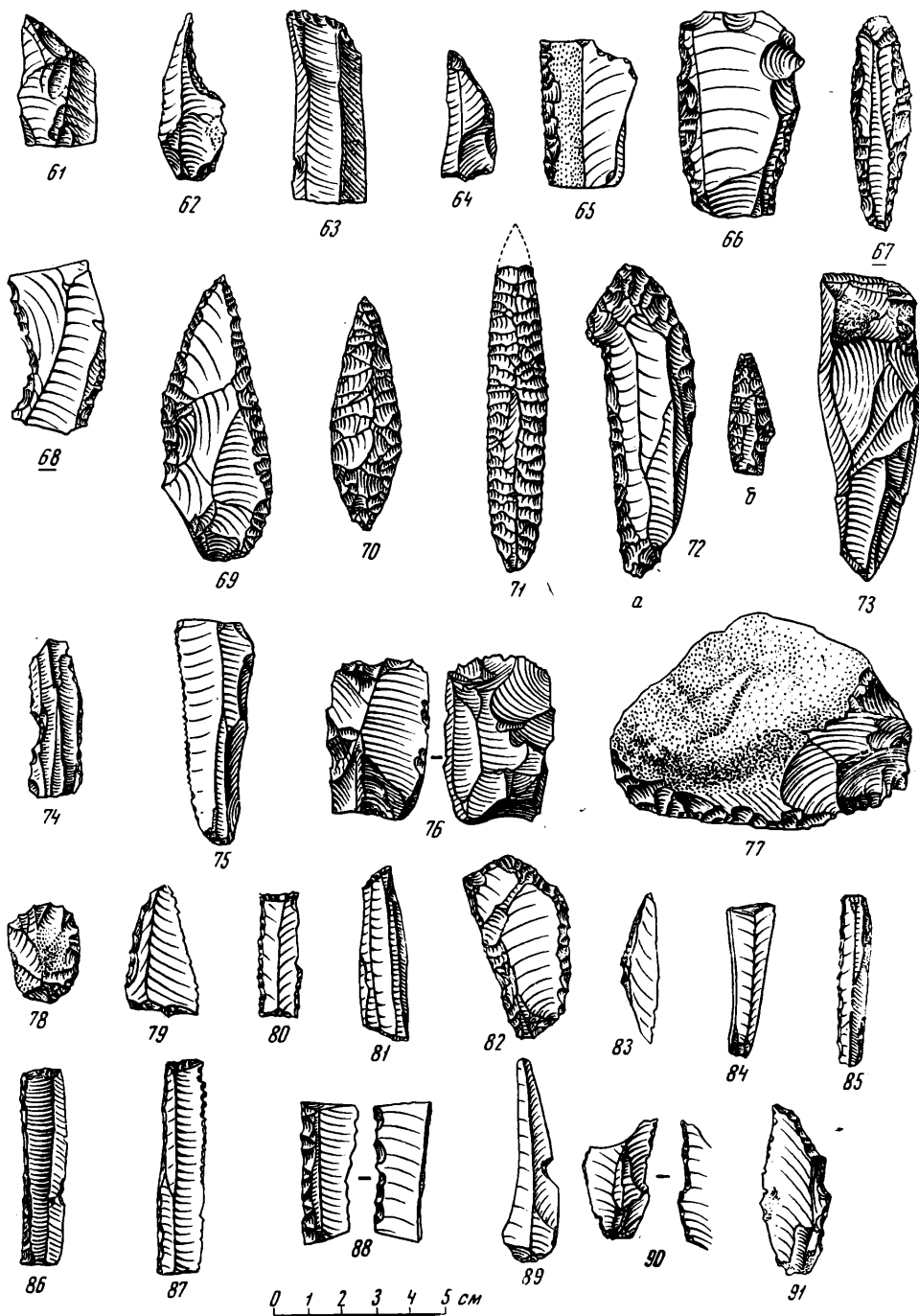

Рис. 3. Типы кремневых орудий:

61 — стоянка Бабин II; 73 — стоянка Бабин IV; 62, 80, 81, 88, 84, 89, 90 — стоянка Молодова V; 63 — стоянка Сокол I; 64—68, 73, 75—78, 85, 86 — стоянка Бабин I; 69 — стоянка Вороновца I; 70 — стоянка Бадегуль; 71 — стоянка Плакар; 72а — Костенки I (верхний слой); 72б — Костенки IV; 79, 91 — Подиванов Яр; 82 — Вермитка II; 87 — Грушевцы VI; 88 — Распопинцы I

Для иллюстрации этого списка нами использованы главным образом орудия, обнаруженные на Днестровских позднепалеолитических стоянках. Лишь в нескольких случаях нами использованы орудия из других районов. Так, под № 71а,б. нами даны рисунки наконечников из Костенок IV и Костенок I; а под № 45, 46 и 55 а даны изделия из Франции.

Указанные таблицы облегчают анализ состава кремневых орудий в комплексах стоянок нашей территории с целью разработки соответствующих диаграмм и дальнейшего их сравнения с диаграммами памятников других районов.

Следует заметить, что Сонвиль-Борд и Перро выделили серии орудий, характерных для некоторых этапов позднего палеолита или же для некоторых локальных вариантов. Так, в частности, ими были выделены типы, свойственные для ориньяка (4, 6, 11, 12, 13, 14, 32, 67, 68 номенклатурного списка), для перигора (45—64, 85—87) и для солютре (69, 70, 71, 72).

Практическое применение указанной номенклатуры позднепалеолитических орудий при разработке соответствующих диаграмм показало, что этот список имеет ряд положительных сторон. Прежде всего он включает почти полностью все позднепалеолитические орудия, известные на основании исследования позднепалеолитических стоянок. Этим обеспечивается комплексное определение культурно-исторического места позднепалеолитических памятников, что осуществляется главным образом на основании типов кремневых орудий. Использование этого списка устраняет также довольно частые ошибочные датировки ряда памятников на основании лишь отдельных предметов, часто являющихся случайными в определенных комплексах, не отражающими памятника в целом. А таких ошибочных датировок на основании отдельных находок, к сожалению, немало.

Одновременно укажем и на ряд недостатков, которые имеются в этом лексиконе позднепалеолитических орудий. Некоторые недостатки нами уже были указаны ранее в статье, посвященной статистическому методу⁶. Так, в частности, отмечалось, что в этом списке отсутствуют такие типы кремневых орудий, встречающихся на позднепалеолитических стоянках, как одинарные и двойные симметричные острия на пластинах, скребки-острия, остроконечники, дискообразные орудия, сверла, резцы-острия. Некоторые из этих орудий часто встречаются, а симметричные острия — одна из главных форм орудий ранней поры позднего палеолита.

Практическое применение этого списка показывает также, что в нем имеются такие типы изделий, которые почти неизвестны в позднепалеолитических памятниках, например орудие типа ромба (82). Кроме того, в этом списке имеются типы орудий, между которыми нет почти никакой разницы, и поэтому выделять их как отдельные типы не следовало бы, например пластины с краевой ретушью (58, 59, 65, 66). Между некоторыми типами разница лишь в размерах: пластины с выемками, пластины с отретушированными зубьями. Такое дублирование не всегда оправдано. Здесь следовало бы оставить по одному типу, а вместо дублирующих номеров поставить отсутствующие в списке орудия.

Несмотря на недостатки, данная типологическая номенклатура позднепалеолитических орудий, охватывая почти все встречающиеся на позднепалеолитических стоянках орудия, все же дает возможность обеспечить комплексный подход к составу кремневых орудий, наблюдающихся на том или ином позднепалеолитическом памятнике. Она позволяет высчитать процентное соотношение определенных типов орудий или же групп по отношению ко всему комплексу и позволяет полученные математические данные, отражающие комплекс изделий, использовать при построении различных диаграмм, графически отражающих состав орудий одного памятника или

⁶ О. П. Черниш. Про статистический метод у вивченні палеоліту та мезоліту.

нескольких. Это в свою очередь облегчает сопоставление памятников между собою с целью определения их хронологического места.

Применение статистического метода, основанного на комплексном подходе к кремневому инвентарю позднепалеолитических памятников, базирующемся на большом количестве разнообразных типов изделий, позволяет устранить ошибки в датировании памятников в тех случаях, когда они коренятся в субактивный подходе к определению орудий труда.

Использование разработанной номенклатуры позднепалеолитических орудий позволит и для памятников территории СССР разработать соответствующие диаграммы. Сопоставив такие диаграммы как графики по отдельным районам территории СССР, с графиками памятников позднего палеолита других стран Европы, можно проследить наличие общности или отличий в культурно-историческом и территориальном плане между этими памятниками, а также поможет уточнить их хронологическое положение. Применение статистического метода обеспечивает более всестороннее изучение материалов позднепалеолитических стоянок, особенно при их сопоставлении с памятниками других районов.

Э. А. АБРАМОВА

О ВКЛАДЫШЕВЫХ ОРУДИЯХ В ПАЛЕОЛИТЕ ЕНИСЕЯ¹

Вопросы датировки и относительной древности палеолитических памятников разрешаются всей совокупностью данных, не последнее место среди которых занимает типологический анализ. При сопоставлении палеолитических поселений Енисея из всех элементов инвентаря мы выбрали в первую очередь наиболее показательный — роговые орудия вкладышевой техники.

О прогрессивности вкладышевой техники, возникшей в Сибири в конце палеолита и получившей особое развитие в неолитическую эпоху, широко известно. «Преимущество вкладышевых орудий,— писал С. А. Семенов,— заключалось прежде всего в том, что была достигнута большая стойкость на удар и другие напряжения. Если отдельные вкладыши ломались или выпадали, их заменяли другими. Оружие продолжало служить человеку значительно дольше»². Материалы палеолитических стоянок Енисея подтверждают этот тезис о прогрессивности вкладышевой техники. Более того, они позволяют делать и определенные выводы об относительном возрасте тех палеолитических стоянок, на которых они найдены.

Во время раскопок палеолитического поселения Кокорево I на Енисее в 1964 г. был найден в 3-м культурном горизонте обломок наконечника копья из рога, оснащенного кремневыми вкладышами. Наконечник имеет уплощенную, овальную в сечении форму и заостренный конец, обработанный широкими стесами (рис. 4). Второй конец обломан, излом косой и неровный. Длина обломка 11 см, наибольшая ширина 1,6 см. На расстоянии 1,5 см от острого конца по одному краю идет узкий (1—2 мм) и глубокий (до 3 мм) паз, в котором плотно забиты землей мелкие кремневые пластинки, образующие неровный острый край, слегка (на 1 мм и меньше) выступающий над стенками паза. На расстоянии 3,3 см от острого конца находится первая пластинка — крошечный обломок, рядом с которым с интервалами расположены еще два небольших обломка. Острые края этих обломков были, видимо, сломаны в процессе использования. На расстоянии 5,1 см от острого конца начинается подлинное сплошное кремневое лезвие из шести сечений микропластинок длиной 9,7; 7,7; 5 и 6 мм — итого 4,1 см. Ширина пластинок — 4 мм. Они имеют параллельные грани, трехгранное сечение. Изготовлены пластинки из зеленого кремнистого сланца и не имеют никаких следов вторичной обработки. Это не первая находка палеолитического времени, где кремневые вкладыши сохранились в пазу в непотроженном состоянии. В двух работах имеется ссылка на устное сообщение В. И. Громова о подобной находке. В первой работе говорится, что при раскопках стоянки Афонтова гора III Г. П. Сосновский нашел наконечник с сохранившимися в пазу тремя миниатюрными пластинками без специальной обработки³, во второй, — что на стоянке Афонтова гора II, лично В. И. Громовым была обнаружена костяная оправа вкладышевого орудия.

¹ Доклад, прочитанный на заседании Сектора палеолита 16 декабря 1965 г.

² С. А. Семенов. Первобытная техника. МИА, № 45, 1957, стр. 234.

³ М. Д. Гвоздовер. Вкладышевый наконечник с палеолитической стоянки Талицкого. «Уч. зап. МГУ», № 158, 1952, стр. 207.

Рис. 4. Роговой наконечник копья с сохранившимися в пазу кремневыми вкладышами

«...в пазах которого сохранились 2 неретушированных ножевидных пластинок»⁴. По-видимому речь идет об одной находке, но место хранения этого орудия нам установить не удалось, поэтому ни о форме наконечника, ни о расположении вкладышей в пазу сказать ничего нельзя.

Плохая сохранность широко известного наконечника из стоянки Талицкого на Урале не позволяет судить о форме и сечении костяной оправы⁵. Вкладыши в виде кремневых пластинок довольно неправильных очертаний с притупленным краем, который и обращен к оправе, лежали по обе стороны от нее, что с полной очевидностью свидетельствует о симметричной форме наконечника и наличии двух продольных пазов по краям.

В Европе, исключая, конечно, находки мезолитического возраста, нам известно только одно орудие, у которого в пазу сохранились кремневые чешуйки. Это обломок округлого наконечника из рога из мадленского слоя грота Бланшар (Сен-Марсель, Франция), имеющего широкий и неглубокий округлый паз⁶. Форма паза и величина чешуек не позволяют с уверенностью говорить именно о составном вкладышевом орудии, но оно уже вошло в литературу и на нем необходимо было остановиться.

На поселении Кокорево I найден еще ряд наконечников с пазами. В том же 3-м культурном горизонте, недалеко от наконечника с вкладышами, лежал целый, но незаконченный обработкой наконечник из рога длиной 32 см. Он уплощен, имеет слегка изогнутую форму и одинаковые заостренные концы со следами широких не заполированных стесов. Вдоль одного края прослеживается паз, еще только намеченный прорезанием. Он начинается в 5,5 см от одного конца и кончается в 11 см от другого. Его неровные края и извилистые очертания показывают, что работа была оставлена мастером после первой, очевидно, неудачной попытки.

Обломок наконечника по форме близкий к наконечнику с вкладышами, застрял в лопаточной кости зубра, найденной в том же горизонте. По одному краю этого обломка идет узкий и глубокий паз⁷. Это наглядный пример использования наконечников подобного рода.

Ряд наконечников найден во 2-м культурном горизонте той же стоянки. Один наконечник длиной 11,6 см слегка обломан у основания. В 1,5 см от верхнего заостренного конца начинается широкий и глубокий паз (рис. 5, 1).

Второй наконечник длиной 13,1 см, уплощенный, односторонне-выпуклый имеет симметричную вытянутую форму. Концы его слегка обломаны. На одном из продольных краев находится неглубокий паз длиной 4 см (рис. 5, 4). Интересны также два обломка наконечников. Один длиной 9,3 см с заостренным и уплощенным тщательно обработанным концом имеет овальное сечение. На продольном краю в 4 см от основания начинается узкий и глубокий паз (рис. 5, 2). Второй по форме аналогичен предыдущему,

⁴ А. П. Окладников. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. МИА, № 18, 1950, стр. 180.

⁵ М. Д. Гвоздовер, Указ. соч.

⁶ J. Allain et J. Descouts. A propos d'une baguette à rainure armée de silex decouverte dans le magdalénien de Saint-Marcel. «L'Anthropologie», t. 61, № 5—6, 1958.

⁷ Э. А. Абрамова. К вопросу об охоте в верхнем палеолите. СА, 1964, № 4, рис. 1.

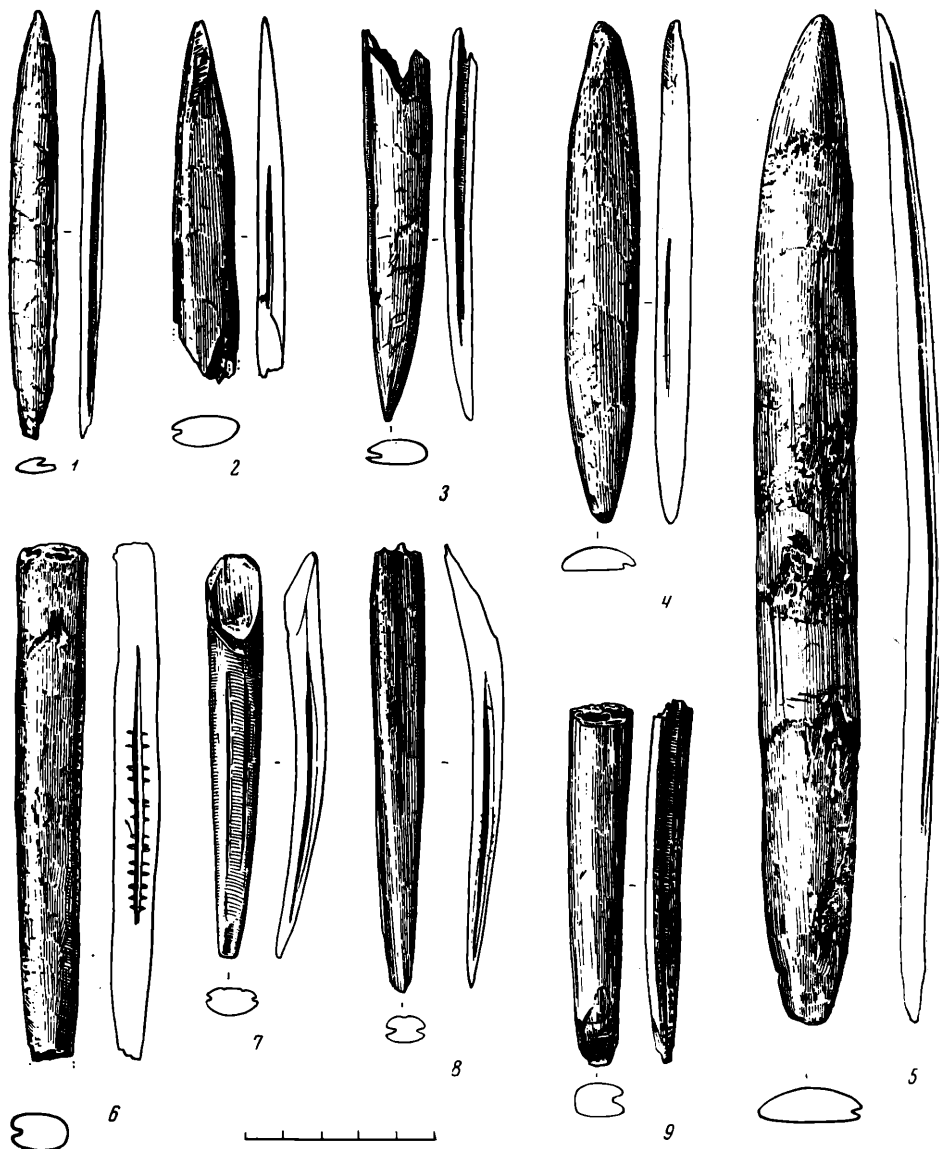

Рис. 5. Орудия вкладышевой техники из поселений Кокорево I (1—5) и Кокорево II (6—9)

но особенно близок к наконечнику с вкладышами. Длина его — 10,3 см. Конец треугольной формы слегка изогнут. По одному из продольных краев идет узкий и глубокий паз (рис. 5, 3).

Таким образом, мы видим, что наконечники копий из стоянки Кокорево I в целом однородны. Несмотря на различие в размерах, они имеют уплощенно-овальное сечение, заостренный конец и глубокий паз на одном из продольных краев, вполне пригодный для закрепления в нем вкладышей.

Вторая группа вкладышевых орудий из Кокорево I представлена кинжалами или ножами. Это крупные роговые орудия плоско-выпуклые или вогнуто-выпуклые в сечении довольно широкие, вдоль одного узкого края которых идет ровный и глубокий, тщательно прорезанный паз. Они слишком массивны, чтобы служить наконечниками копий, и их применение в качестве колющих или режущих орудий кажется более вероятным.

Характерным примером может служить плоско-выпуклое в сечении орудие, длиной 26,5 см, найденное в 3-м горизонте и изготовленное из наруж-

ной части слегка изогнутого ствола рога оленя. Один конец его асимметричный, с легким изгибом, второй — закругленный, плохо сохранившийся. Вдоль одного края идет узкий и глубокий паз, который начинается в 1,5 см от острия и кончается в 6 см от основания (рис. 5, 5).

Во 2-м горизонте найдено два аналогичных орудия, в 4-м — обломки таких орудий.

При сравнении вкладышевых орудий стоянок Кокорево I и Кокорево II видно, что **наконечники копий, представленные на обоих памятниках, существенно образом отличаются.** Наконечники с Кокорево II — значительно более массивные, округло-овальные в сечении. Пазы здесь менее тщательно прорезаны, часто они занимают только часть продольного края, а не всю его длину. Имеются наконечники и с двумя пазами, идущими по обоим продольным краям, и наконечники, снабженные дополнительными бороздками и желобками.

Интересны два обломка наконечников копий. Один — 10,5 см в длину имеет притупленный острый конец и косой излом в основании. Орудие слегка изогнуто, сечение его овальное, близ конца — уплощенное. Вдоль обоих продольных краев идут законченные неглубокие пазы длиной около 6 см. На одной из широких сторон (вогнутой) находятся две параллельные продольные бороздки, прямые и мелкие, длиной по 5 см (рис. 5, 7).

Второе орудие — длиной 11,5 см — во многом сходно с первым. У него также обломан один конец, от второго притупленного конца вдоль обоих узких краев идут широкие и глубокие пазы длиной 6,5 и 7 см. На вогнутой стороне расположена в центре одна прямая и неглубокая бороздка длиной 5 см, которая начинается в 5,5 см от конца (рис. 5, 8).

В одних случаях паз располагается в средней части орудия. Это наблюдается на роговом наконечнике длиной 13,9 см, шириной у основания 1,8 см, у обломанного острия — 1,1 см. Сечение округло-овальное. По одному из продольных краев идет узкий и глубокий паз длиной 7 см, который начинается в 2,8 см от основания. Поперек этого паза расположены короткие и глубокие параллельные нарезки на разных расстояниях (рис. 5, 6).

В других случаях паз расположен близ верхнего или нижнего конца орудия и имеет небольшую длину. На обломке наконечника длиной 10,6 см, видимо, представляющего нижний конец орудия, округло-овального в сечении по продольному краю, расположен паз длиной 6,8 см, который начинается в 2,4 см от конца и имеет вначале вид тонкой бороздки. Только на протяжении 3,5 см он имеет достаточную глубину для закрепления вкладышей.

Несомненно, для этой цели служил паз на обломке наконечника (нижнем конце) длиной 9,5 см. Паз глубокий и ровный идет по всей длине одного из узких краев орудий, на бортах — следы коротких поперечных нарезок, расположенных беспорядочно (рис. 5, 9).

Некоторые орудия и обломки с мелкими желобками и бороздками, которые едва ли могли служить для закрепления вкладышей. Видимо, пазы и бороздки имели различное назначение, этим и объясняется их расположение, форма и величина. Орудия типа кинжалов, встреченные в Кокорево I, в разных горизонтах, не находят себе аналогий ни в Кокорево II, ни в других палеолитических памятниках Енисея.

Материалы Таштыка II и Кокорево VI малочисленны для сравнения, но даже те немногие наконечники, которые там найдены⁸, позволяют говорить об их большем сходстве с наконечниками с Кокорево II, чем Кокорево I.

Единственный наконечник с Кокорево III, открытый Г. П. Сосновским,

⁸ Э. А. Абрамова. Раскопки палеолитических стоянок на речке Таштык в 1960 г. КСИА, вып. 92, 1962, рис. 22, 1, 10; Г. В. Григорьева. Новая палеолитическая стоянка Кокорево VI на р. Енисей. КСИА, вып. 101, 1964, рис. 20, 1.

ближе к наконечникам с Кокорево I⁹. Орудия, найденные А. Н. Липским в ямке-кладовочке на стоянке у оз. Харлоне-Кель, пока стоят несколько особняком, но обладают некоторыми общими чертами с наконечниками Кокорево II¹⁰.

Если сравнивать материалы стоянок Кокорево I и Кокорево II с материалами Афонтовой горы II и Афонтовой горы III, то можно заметить близость между собой последних трех памятников и их отличие от Кокорево I.

В Афонтовой горе II имеются два типа вкладышевых орудий. Это наконечники копий и костяные оправы ножей. Наконечники копий — продолговатые стержни, овальные в поперечном сечении, с одним заостренным концом. Другой конец скошен с одной или двух сторон. Средний размер этих орудий: длина 16 см, ширина 1,5 см, толщина 1 см. По одному из узких боковых краев проходит неглубокий паз, иногда по всей длине, иногда только у острия орудия, реже у основания¹¹.

Эти наконечники значительно ближе к наконечникам со стоянки Кокорево II, чем Кокорево I. Их сближает общая толщина (наконечники с Кокорево I более уплощены), форма и длина паза, часто очень короткого, и наличие поперечных нарезок на бортах паза. На некоторых орудиях из Афонтовой горы II у основания имеются небольшие мелкие желобки и перекрывающие их поперечные насечки — технический прием, хорошо представленный в Кокорево II и неизвестный в Кокорево I.

В Афонтовой горе II два изделия можно считать костяными оправками ножей¹², но они ни в коей мере не напоминают оправы кинжалов с Кокорево I и, возможно, являются первыми составными режущими инструментами, в то время как предметы с Кокорево I представляют уже весьма выработанный и устоявшийся тип орудия.

Наконечники копий с пазами с Афонтовой горы III аналогичны в целом наконечникам с Афонтовой горы II, хотя и несколько более уплощены. Пазы на них идут или по всей длине орудия только с одной стороны, или близ верхнего конца на очень коротком протяжении¹³. Имеются обломки орудий более широких, которые могли служить оправками для ножей и кинжалов, но пока не найдено ни одного целого орудия¹⁴.

Любопытно отметить наличие на поселениях Афонтова гора II и III и Кокорево II пластинок и микропластинок с ретушированным краем, в то время как на поселении Кокорево I за все годы раскопок не найдено ни одной микропластинки с ретушью. Имеются лишь пластинки со следами выщербинки и зазубринки, получившихся в процессе работы. Можно предположить, что ретушированные пластинки вставлялись в короткие и довольно широкие пазы, поскольку иначе трудно объяснить назначение пазов подобной формы на наконечниках с Кокорево II и Афонтовой горы II и III.

Совершенствование вкладышевой техники привело к использованию тончайших микропластинок без следов обработки. «Изготовление так называемых микропластинок позволило еще более уменьшить угол заострения лезвия, доведя его до угла заострения бритвы и оставляя без всякой ретуши рабочий край. Только благодаря костяной оправе, весьма хрупкое, малое

⁹ Г. П. Сосновский. Позднепалеолитические стоянки Енисейской долины. «Изв. ГАИМК», вып. 118, 1935, рис. 18.

¹⁰ А. Н. Липский. Ямка-кладовочка костенковского типа на р. Абакане. «Материалы и исследования по археологии, этнографии и истории Красноярского края». Красноярск, 1963, табл. 3 и 4.

¹¹ Н. К. Ауэрбах и Г. П. Сосновский. Материалы к изучению палеолитической индустрии и условий ее нахождения на стоянке Афонтова гора. «Труды КИЧП», I, 1932, стр. 82, табл. VIII, 6 и VII, 5.

¹² Там же, стр. 83, табл. X, 6 и VII, 8.

¹³ Н. К. Ауэрбах. Палеолитическая стоянка Афонтова III. «Труды Об-ва изучения Сибири и ее производительных сил». Новосибирск, 1930, стр. 28, табл. II, 2, б. 8, 10, 11, 13, 15.

¹⁴ Там же, табл. II, 9.

и тонкое кремневое лезвие получило широкое практическое применение»¹⁵. Более того, научились и закреплять пластинки без обработки в пазу орудия, как это показывают ровные, узкие и глубокие пазы на наконечниках с Кокорево I. Вывод о более молодом возрасте стоянки Кокорево I, по сравнению со стоянками Кокорево II, Афонтова Гора II и III, подтверждается и другими данными, на которых мы здесь останавливаться не будем.

Упомянем лишь, что в открытой А. П. Окладниковым неолитической мастерской на острове Каменном-Кежемском на Ангаре были найдены фрагменты костяных вкладышевых острий, в пазах которых сохранились сечения узких, тонких трехгранных микропластинок, точно таких же, как и в наконечнике с Кокорево I¹⁶.

Рассмотрим соотношение енисейских стоянок со стоянками других областей Сибири с точки зрения вкладышевой техники.

На ангарских стоянках — Мальте и Бурети, так же как и на Ачинской стоянке, эта техника неизвестна. Нет там и микропластинок, и нуклеусов-скребков. В Красном Яру в массе присутствуют правильные микропластинки и клиновидные нуклеусы, но нет костяных оправ, что может быть случайным. Из ангарских стоянок только на Верхоленской горе, которая, возможно, относится к послепалеолитическому времени, найден небольшой костяной наконечник длиной 6 см при ширине 1 см и толщине 0,5 см. Оба продольные края его имеют пазы в 2—3 см длиной. Г. И. Медведев не исключает, что это мог быть наконечник стрелы¹⁷.

В Забайкалье вкладышевая техника представлена на стоянке Ошурково, где найдены три костяных орудия с пазами. Два из них — плоские наконечники с ровными, узкими и глубокими пазами, проходящими вдоль обоих краев, начинаясь у самого острия и кончаясь на расстоянии в 1 см от насада. Третье орудие представляет костяную оправу ножа, у которого паз имеется только с одной стороны. «Таким образом, в Ошурково обнаружены оба типа вкладышевых клинков, которые затем становятся характерными для сибирского неолита: наконечники копий с двумя лезвиями и однолезвийные ножи»¹⁸.

Костяные наконечники с Ошурково — самые плоские из всех известных в палеолите Сибири — имеют два паза. По форме к ним близок обломок наконечника с Кокорево III, самой поздней из кокоревских стоянок, но там один продольный паз. С другой стороны, в Ошуркове и Верхоленской горе найдены гарпуны, аналогичные по форме и технике изготовления. Вкладышевые же орудия Ошурково наиболее совершенны, и наряду с другими данными это позволяет относить Ошурково к самому концу позднего палеолита.

Если рассматривать вкладышевые орудия более отдаленных территорий, то по форме, надо полагать, наконечник со стоянки Талицкого аналогичен ошурковским, хотя и примитивнее их.

Слишком отдаленные аналогии не могут привести к правильным выводам и поэтому мы воздерживаемся от сопоставления сибирских вкладышевых наконечников с подобными орудиями из европейских палеолитических стоянок, хорошие сводки которых составлены С. Н. Бибиковым¹⁹ и в

¹⁵ С. А. Семенов. Указ. соч., стр. 234.

¹⁶ А. П. Окладников. Мастерская каменного века на острове Каменном-Кежемском». «Уч. зап. ЛГУ», серия ист. наук, вып. 13, 1949, стр. 51, табл. II, 1, 3, 6.

¹⁷ Г. И. Медведев. Место культуры Верхоленской горы в археологической периодизации Прибайкалья. «Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока». Новосибирск, 1961, стр. 243, рис. 4, 31.

¹⁸ А. П. Окладников. Палеолит Забайкалья. «Археологический сборник БКНИИ», I, Ула-Удэ, 1959, стр. 16, табл. VI, 1, 4.

¹⁹ С. Н. Бибиков. Производственная роль костяного инвентаря в хозяйстве позднепалеолитических обществ Крыма. «Уч. зап. ЛГУ», серия ист. наук, вып. 13, 1949.

последнее время И. Г. Шовкоплясом²⁰, а также из мезолитических и неолитических местонахождений Европы. Заметим только, что И. Г. Шовкопляр приводит и предположения, существующие относительно назначения мелких и широких желобков, характерных для европейских палеолитических наконечников, которые не могли служить для закрепления вкладышей. Такие желобки могли способствовать большей устойчивости дротика при его полете в воздухе и для более легкого стекания крови раненого животного²¹. Оба эти предположения могут иметь место и при толковании различных желобков, расположенных асимметрично или слишком мелких на костяных наконечниках в палеолите Енисея.

²⁰ И. Г. Шовкопляр. Мезинская стоянка. Киев, 1965.

²¹ Там же, стр. 211.

С. Н. АСТАХОВ

ТЕСЛА В ПОЗДНЕМ ПАЛЕОЛИТЕ ЕНИСЕЯ

Время появления и первоначальное распространение тесла еще недостаточно изучены. Несколько лучше мы представляем себе историю или, скорее, схему развития топора.

Не претендуя на исчерпывающий характер обзора палеолитических рубящих орудий и истории вопроса о топорах, коротко остановимся на некоторых фактах.

Рассматривая историю топора, П. П. Ефименко выделяет следующие этапы: «Впервые в древнейшей своей форме рубящее орудие становится известным повсюду в виде грубого ручного рубила раннего палеолита. Но уже, видимо, в мустьерское время, под влиянием возникновения новых потребностей, вырабатывается другая, технически гораздо более совершенная форма рубящего орудия в виде острого кремневого вкладыша, укрепленного на конце прямого насада. Этот тип примитивного топора, несомненно, должен был удерживаться в течение очень долгого времени, совершенствуясь в отношении и собственно рабочей части и способа закрепления на рукояти, пока не был заменен знакомым нам топором коленчатого типа, что, вероятно, произошло в эпипалеолитическое время, хотя, как мы видели, массивные мотыгообразные орудия из кости и камня (в виде тесла) вошли в употребление значительно раньше» ¹ (*курсив мой.*— А. С.).

Таким образом, П. П. Ефименко высказывал предположение о возможности появления топора в среднем палеолите, хотя отмечал, что вполне достоверных доказательств этому нет ².

К более позднему времени, уже к верхнему палеолиту, относится топорик из Костенок I ³. Правда, еще и до его находки некоторые исследователи типологически выделяли топор как орудие палеолитического человека ⁴. Однако только изучение топорика из Костенок I и определение его функционального назначения позволило с уверенностью говорить о нем, как о настоящем топоре с рукоятью.

Топорик из Костенок I не единственный в данном памятнике. Кроме него, там уже имеются небольшие кремневые тесла ⁵, «обломок топорика со следами заполировки от употребления» ⁶, обломок костяного топорика и несколько тесел из бивня и кости ⁷.

¹ П. П. Ефименко. Первобытное общество. Киев, 1953, стр. 381.

² Там же, стр. 222.

³ С. А. Семенов. Топор в верхнем палеолите. КСИИМК, вып. XXXI, 1950, стр. 168—174.

⁴ Н. К. Ауэрбах, Г. П. Сосновский. Остатки древнейшей культуры человека в Сибири. «Жизнь Сибири», 1924, № 5—6, стр. 199—233.

⁵ П. П. Ефименко. Костенки I. М.—Л., 1958, стр. 281.

⁶ Там же, стр. 281.

⁷ Там же, стр. 291—296.

На стоянке Мезин И. Г. Шовкопляс выделяет серию топовидных инструментов; «отдельные из них имеют вид настоящих топориков, с несколько расширенным, дугообразно выгнутым острым лезвием»⁸. Д. Н. Лев более определенно говорит о наличии гопора в Самаркандской стоянке⁹. Слабая изученность этих орудий вряд ли связана с тем, что рубящие орудия занимали незначительное место в жизни первобытного охотника. Трудно представить себе его существование без использования, а следовательно без обработки дерева. Оно должно было применяться очень широко — строительство жилищ, изготовление древков копий, палиц, утвари. Не меньшее значение имело изготовление орудий из костей, рогов и бивней. Первоначальное членение этих материалов существенно облегчалось, если применялся топор или тесло. Недостаточная разработка вопроса о топорах и теслах в палеолите, видимо, связывалась с определенными трудностями, происходящими, во-первых, из-за того, что эти орудия были единичными, а, во-вторых, из-за того, что наиболее ранние формы топора и тесла типологически не всегда легко отличить от орудий другого назначения.

Попробуем рассмотреть этот вопрос применительно к материалам енисейского палеолита. Одним из доказательств существования рубящих орудий здесь служат следы рубки. Так как дерево из позднепалеолитических стоянок со следами рубки нам неизвестно, приходится искать их на костях, рогах, бивнях.

Такие следы обнаружены на некоторых стоянках Европы и Азии — Костенки I¹⁰, Мезин¹¹, Сунгирь¹², Афонтова Гора II¹³. Среди костного материала стоянки Кокорево IV (раскопки автора, 1961) удалось найти обломок рога северного оленя со следами рубки (рис. 6, 1). Изучение их показывает, что сначала по рогу был нанесен сравнительно слабый как бы примеривающийся удар, а затем второй, сильный. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что орудие двигалось по траектории, которую описывает лезвие тесла. Об этом ясно говорит вогнутость зарубки и прямолинейность следов на ней. Рельеф зарубки позволяет предположить, что ретушь лезвия (или следы забитости его) представляла собой небольшие, глубокие и, вероятно, короткие фасетки.

Просмотр других коллекций позволил выделить еще один предмет с аналогичными следами. Это пластина из бивня мамонта со стоянки Афонтова Гора II¹⁴. На ней имеется ряд нарезок, а также неглубоких и округлых ямок, продолбленных каким-то острием. Но для нас важны следы рубки средней части пластинки (рис. 6, 2). Здесь было нанесено четыре сильных удара. Форма краев зарубки показывает, что удары нанесены орудием, движение которого происходило, как и в предыдущем случае, в одном направлении. Орудие имело лезвие почти правильной дугообразной формы шириной около 35 мм. На одном краю оно слегка искривлено сильной забоиной. Оба эти фрагмента свидетельствуют о наличии тесел в позднем палеолите среднего Енисея.

Тщательный осмотр некоторых коллекций енисейских стоянок позволил выделить три типа рубящих орудий¹⁵. Первый тип орудий обычно относили к скреблам. Действительно, один или даже оба длинных края их обра-

⁸ И. Г. Шовкопляс. Мезинская стоянка. Киев, 1965, стр. 173.

⁹ Д. Н. Лев. Поселение древнекаменного века в городе Самарканде. Исследования 1958—1960 гг. «Тр. Самаркандского Университета», вып. 135, 1964, стр. 5—109.

¹⁰ С. А. Семенов. Топор в верхнем палеолите, стр. 168—174.

¹¹ И. Г. Шовкопляс. Мезинская стоянка. Киев, 1965.

¹² О. Н. Бадер. Палеолитическая стоянка Сунгирь на Клязьме. СА, 1959, № 1, стр. 144—156.

¹³ В. И. Громов. Геология и фауна палеолитической стоянки Афонтова Гора II. «Тр. КИЧП», 1932, 1, стр. 145—184.

¹⁴ Участок 2, слой Сз, колл. 141 Красноярского музея, № 426.

¹⁵ Первые образцы этих орудий были указаны В. В. Федоровым, за что автор искренне ему благодарен.

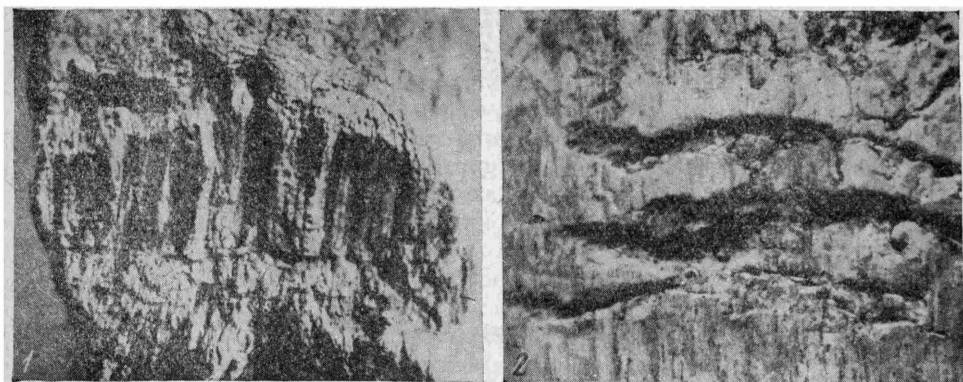

Рис. 6. Микрофотографии следов рубки на роге и бивне

ботаны крутой чешуйчатой ретушью. Но при этом на одном из концов затеской, либо реже поперечными сколами, образовано рубящее, довольно острое лезвие. Наиболее типично орудие, изображенное на рис. 7, 4¹⁶. Для указанного типа тесел характерно оформление продольных краев крутой ретушью. В качестве заготовки обычно использовали отщеп (рис. 7, 8). Одна или реже две стороны его оббивались сильными ударами, о чем говорят широкие и глубокие негативы сколов. Иногда заготовкой служил подходящий по форме обломок гальки (рис. 7, 10)¹⁷. В таких случаях края орудия ретушировались очень мало или совсем не ретушировались (рис. 7, 9)¹⁸. Лезвия их слабо вогнутые либо совсем прямые.

Второй тип тесел изготовлялся из целых удлиненных галек (рис. 7, 3, 6, 7). Галка раскалывалась вдоль длинной оси, а затем дополнительными сколами формировалось рубящее лезвие. Иногда ограничивались тем, что отбивали только один конец гальки под острым углом к продольной оси, а далее обрабатывали лезвие. В некоторых случаях оббивали неровный боковой край. При таком способе изготовления одна сторона орудия оставалась покрытой коркой. В этом случае лезвие получалось хорошо приостренным, правильной дугообразной формы.

Более совершенным выглядит третий тип рубящих орудий (рис. 7, 1, 2, 5). По внешнему виду они более всего похожи на топоры. Одно из них¹⁹ сделано из плоской удлиненной гальки, обработанной по двум сторонам крупными сколами, направленными от продольных краев к центру. Затем продольные, почти прямые края были сработаны противоположащей крутой ретушью. Рубящее лезвие сделано на коротком, слегка выпуклом краю путем стесывания широких сколов. Оно приострено небольшими фасетками, получившимися от ретуши или в результате работы. На одной стороне орудия сохранились участки с коркой гальки, на другой, в средней части, — грани сколов слегка затерты (рис. 7, 1).

Подобно ему и орудие, изображенное на рис. 7, 2²⁰. При изучении его под микроскопом С. А. Семенов обнаружил отчетливые штрихи, направленные под углом к продольному краю. Происхождение их неясно. На узких

¹⁶ Верхний слой Афонтовой Горы III, колл. 281 МАЭ, № 38.

¹⁷ Батени, колл. 287 МАЭ, № 18.

¹⁸ Кокорево I, колл. 5409, МАЭ, № 171.

¹⁹ Афонтова Гора II, участок 2, слой Сз, кв. Д — 8, колл. 141 Красноярского музея,

№ 6.

²⁰ Афонтова Гора II, нижний слой, колл. 1574, ГЭ, № 166.

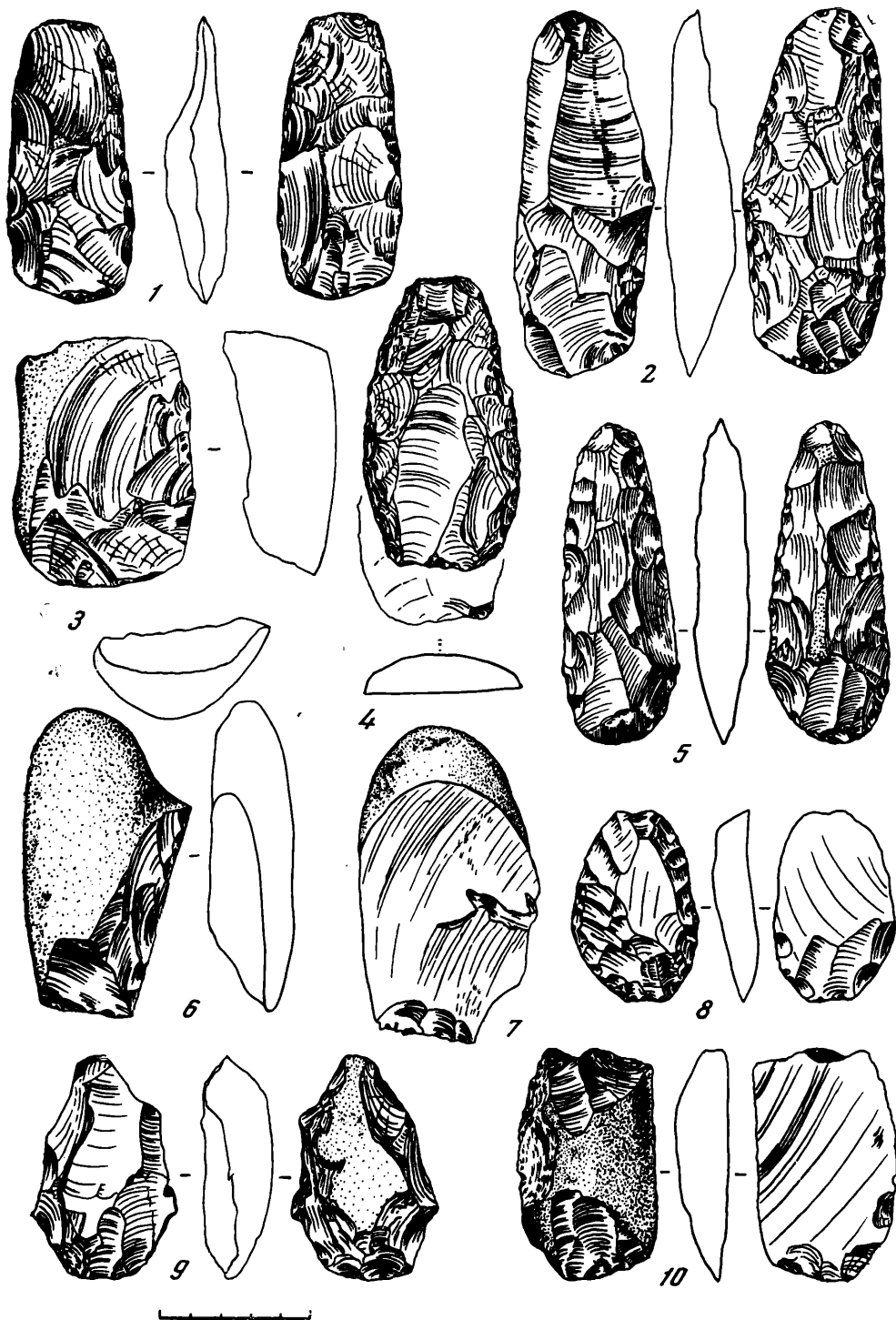

Рис. 7. Тесла из некоторых стоянок позднего палеолита Енисея

краях следов работы не обнаружено. Симметричность продольного сечения этих орудий, казалось, говорит в пользу того, что это топорики. Однако известны с симметричным сечением и тесла из более поздних памятников.

Не отрицая возможность использования вышеописанных орудий как топориков, автор полагает все же, что они были теслами. Одним из доказательств этого является орудие, хранящееся в Тувинском краеведческом музее (рис. 7, 5) с надписью «Афонтова Гора, 1920 г.»²¹. В 1920 г. раскопки на Афонтовой Горе не производилось, а лишь собирался подъемный материал, поэтому нельзя быть абсолютно уверенным в палеолитическом возрасте этого предмета, хотя способ обработки, материал и сохранность аналогичны орудиям из основных коллекций Афонтовой Горы. Особое значение для нас имеет то, что на овальном лезвии орудия с одной стороны видны невооруженным глазом следы использования в виде параллельных полос, идущих вдоль вертикальной оси орудия. Они показывают, что этим орудием работали как теслом. Видимо, и два предыдущих орудия были теслами.

Следов рубки топором среди коллекций фауны со стоянок енисейского палеолита не обнаружено; это не позволяет пока говорить о существовании топора в это время. Но нам известно немало «мотыг» позднепалеолитического времени (Костенки, Мезин, Афонтова Гора III). Они представлены экземплярами с типологически четко выработанной формой. Можно предположить, что костяное тесло как тип орудия возникло раньше топора и оказалось прообразом кремневых тесел.

Способ работы теслом наиболее близок к способу работы рубящим орудием, непосредственно зажатым в руке или укрепленным в прямой рукоятке-обойме. При этом для человека наиболее естественно располагать обрабатываемую поверхность перпендикулярно (или почти перпендикулярно) линии взгляда. Во-первых, в этом положении лучше виден результат работы, во-вторых, меньше повреждаются пальцы при неудачных ударах. Возможно, поэтому, тесла возникли раньше топора; на Енисее, например, они известны начиная с нижнего слоя Афонтовой Горы II.

Одновременное существование по крайней мере трех типов тесел позволяет предполагать, что тесло изобретено не намного ранее этого времени. Люди еще не выбрали наиболее эффективный тип орудия как по рабочим качествам, так и по способу его изготовления. В то же время такое многообразие типов могло привести к выделению нового орудия, сходного по технике изготовления с теслами. Так, в дальнейшем из третьего типа тесла мог появиться топор; однако этот вопрос требует дальнейших исследований.

²¹ Почерк похож на почерк Н. К. Ауэрбаха.

Н. Д. ПРАСЛОВ, А. К. ФИЛИППОВ

ПЕРВАЯ НАХОДКА ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОГО ИСКУССТВА
В ЮЖНОРУССКИХ СТЕПЯХ

Совсем недавно в капитальной работе о палеолитическом искусстве на территории СССР Э. А. Абрамова имела полное право выделить обширную зону юга Восточной Европы с маловыразительным, скудным искусством¹. Сюда отнесены Кавказ, Крым, причерноморские степи. Действительно, если отбросить в памятниках этой территории украшения в виде подвесок из раковин и зубов животных, а также костяные изделия с нарезками, не образующими орнамента, число находок памятников искусства сократится еще больше.

Отдельные невыразительные следы изобразительного творчества отмечены на Кавказе и в Крыму. В причерноморских же степях, несмотря на значительное количество позднепалеолитических памятников, исследованных на довольно широких площадях, памятники первобытного искусства не были представлены². Создавалось невольное впечатление о крайней эстетической бедности культуры охотников этого района.

Наши представления несколько меняются после раскопок 1964 г. новой палеолитической стоянки у хут. Мураловка. Эта стоянка расположена на небольшом мысу на высоте около 8 м над уровнем Миусского лимана. Раскопками здесь вскрыто 127 м². Культурный слой залегает в светло-буром лёссовидном суглинке почти горизонтально, на глубине от 2 до 0,5 м в сторону берега. Слой сохранился хорошо; мощность его не превышает 5—10 см. Находки в плане и по вертикали лежат компактно, образуя выразительное скопление каменных орудий и костей животных, сосредоточенных вокруг остатков костра (рис. 8, а). Здесь же собрано несколько костяных изделий, в том числе и с гравировкой.

С северо-западной окраины скопление культурных остатков ограничено искусственной вымосткой из плиток и щебня сарматского известняка (рис. 8, а—в), назначение которой возможно выяснится при дальнейших раскопках.

Среди многочисленных осколков костей зубра, лошади, благородного оленя, сайги и других животных выделено три предмета, которые мы относим к произведениям искусства.

Первое изделие — обломок ложила, изготовленного из пластины рога оленя (рис. 9, б). Оно имеет продолговатую форму, плоско-выпуклое в поперечном сечении, симметричное, слегка изогнутое по продольной оси. Неглубокие широкие выемки на боковых гранях слегка сужают пластинку и

¹ Э. А. Абрамова. Палеолитическое искусство на территории СССР. САИ, вып. А4—3, 1962, стр. 71.

² П. И. Борисковский и Н. Д. Праслов. Палеолит бассейна Днестра и Приазовья. САИ, вып. А1—5, 1964.

Рис. 8. Мураловская позднепалеолитическая стоянка:

a — схематический план раскопа (1 — каменная вымостка; 2 — зольное скопление; 3 — остатки жилого комплекса); *б, в* — общий вид каменной вымостки и условий залегания культурного слоя

образуют перехват, отчленяя несколько более заполированный рабочий конец от «рукояти».

Плоская «тыльная» сторона сохранилась не очень хорошо из-за рыхлой губчатой ткани рога. Эта сторона была выравнена не скоблением по всей плоскости, а, вероятно, путем надрезания параллельных косо идущих бороздок. Образовавшиеся выступы состругивались. Такой способ облегчал обработку. Сохранившиеся следы — линии, идущие по диагонали к осям

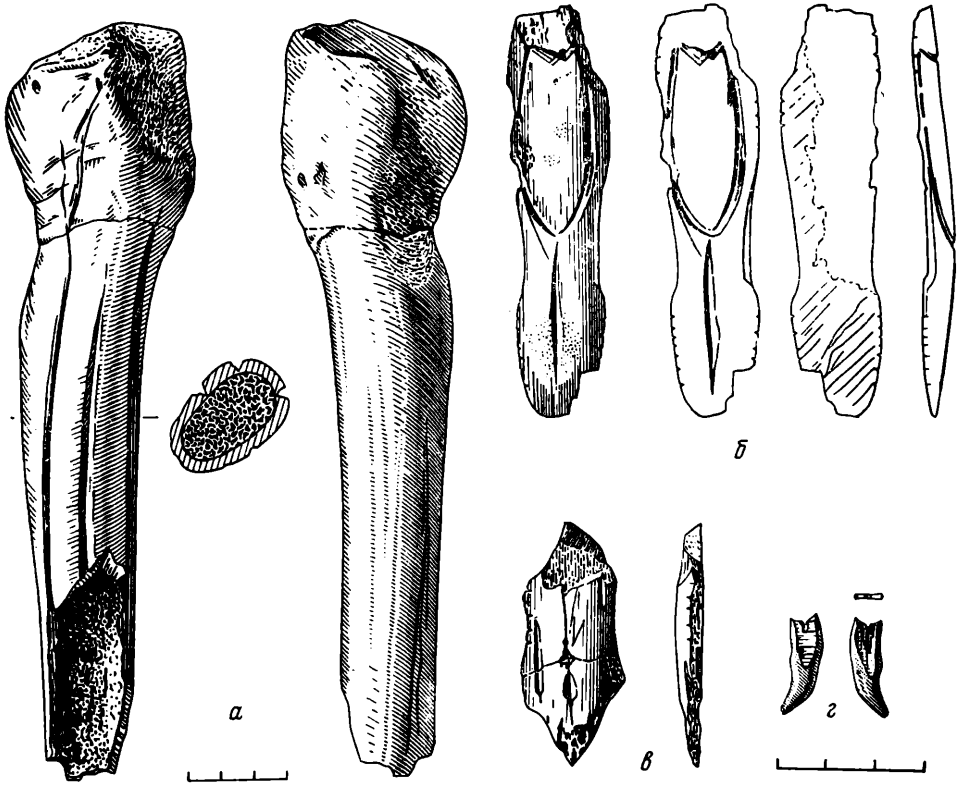

Рис. 9. Мураловская позднепалеолитическая стоянка. Костяные изделия:

а — обломок рога оленя со следами расчленения; б — обломок лошिला с гравировкой; в — обломок пластины с орнаментом; з — обломок подвески из клыка лисцы

предмета, — позволяют хорошо проследить этот процесс. Если смотреть вдоль каждой линии углубления, то легко заметить, что по одну сторону углубление плавно переходит в плоскость, по другую — образует уступ. Состругивание производилось в сторону уступа.

На выпуклой «лицевой» стороне, вероятно, резцом нанесена гравировка, которая, по нашему мнению, представляет антропоморфное изображение³. Основной контур его сделан умелой уверенной рукой. В сечении ширина вреза достигает 2 мм, глубина — 1 мм. Прослеживаются и более тонкие линии. Изображение расположено вдоль лошिला, верхняя часть его повреждена. Сохранилось основание головы. Переход ее к туловищу выполнен прорезанной широкой бороздкой в виде полукруга. Ниже вдоль этой бороздки, отчленяющей голову, нанесен орнамент двойными тонкими линиями (рис. 9, б).

³ Схематичность изображения не позволяет настаивать на антропоморфности с полной уверенностью.

Изображение, более узкое, чем сам предмет, точно повторяет контур пластины. Оно, плавно закругляясь вниз по овалу, оканчивается слегка приостренным концом на середине перехвата. Дальше прорезана вертикальная черта, разделяющая ноги. Слева от нее, у овала, имеется еще одна тонкая линия. По всей вероятности, она возникла в процессе гравировки случайно, когда резец скользнул по кости. По граням поделки, за исключением гладко вырезанного перехвата, имеются ритмично расположенные нарезки. В углублениях резьбы хорошо сохранились остатки красной охры.

На нижней расширенной части ложила прослеживается легкая замятость поверхности в виде многочисленных мелких выщербинок. Возможно, это изделие использовалось и для ретуширования мелких кремневых пластинок, встреченных на памятнике в большом количестве. В археологической литературе известны такие случаи, когда ложила выполняли не только свои прямые функции, но и служили в качестве ретушеров⁴.

Второй предмет изготовлен тоже из роговой пластины. Назначение его определить невозможно — оба конца повреждены еще в древности. Плоская сторона пластины — с остатками губчатой массы, выпуклая — с гравировкой.

Вдоль этой поделки посередине (рис. 9, в) прорезана тонкая линия, на которой имеется небольшая ямка; по бокам, ближе к краям поделки, две глубоко врезанные канавки длиной до 1,5 см. Они параллельны центральной линии, но не противостоят друг другу. Одна из них сохранилась полностью. Есть и более тонкие, беспорядочно расположенные, и, возможно, случайные линии.

На пластине был, вероятно, орнаментальный рисунок, мотив которого состоял из чередующихся коротких канавок, проходящих вдоль краев изделия наподобие пунктира, и центральной линии с периодически повторяющимися ямками. Кроме того, на боковых гранях отмечаются тщательно сделанные выемки с ритмично расположенными нарезками. Как и на предшествующем предмете, в углублениях гравировки сохранились следы красной охры⁵.

Некоторую расшифровку процесса изготовления таких пластин дает обломок рога благородного оленя (рис. 9, а). При расчистке культурного слоя он был найден в вертикальном положении, как бы вбитым острым концом в землю. На уровне остальных находок слоя выступала только его комлевая часть, на которой отмечаются следы забитости и многочисленные неглубокие вмятины. Это позволяет предполагать, что данный рог использовался в качестве подставки при работе над другими изделиями. Вокруг него собрано особенно много мелких костных осколков. Этот обломок рога выполнял функции наковальни и в свое время служил сырьем для изготовления пластин.

Вдоль него идут три глубоко врезанные параллельные борозды. Одна из них достигает губчатой массы, остальные — менее глубокие. След соскользнувшего орудия при неудачном движении руки первобытного мастера указывает на то, что расчленение рога производилось при помощи резца.

Этот небольшой комплекс предметов из кости ценен своей взаимосвязанностью. В нем хорошо прослеживается один из процессов производства костяных пластин, из которых изготавливались орудия труда, являющиеся одновременно и произведениями искусства. Предмет с антропоморфным изображением, как уже говорилось, представляет собой ложила.

⁴ М. Д. Гвоздовер. Обработка кости и костяные изделия Авдеевской стоянки. МИА, № 39, 1953, стр. 203, рис. 9, в.

⁵ Кроме этих изделий, среди костяных находок имеется обломок подвески из клыка степной лисицы-корсака (рис. 2, 2). Кончик ушка утрачен еще в древности. Основание клыка сильно уплощено для облегчения работы над отверстием. Отверстие прорезано или пробито, но не просверлено. На поверхности клыка сохранились следы окраски красной охрой.

Ложила широко распространены как на территории нашей страны, так и в Западной и Центральной Европе. Однако на них очень редко встречаются изображения даже животных, не говоря уже о человеке. Прямых аналогий гравюре нашего предмета пока нет. Но если рассматривать изображение в самой общей форме, то можно обратиться к изображению человека на обломках рогов оленя из раннемадленских слоев грота Плакар⁶ и одной из стоянок в окрестностях Сен-Марселя⁷, где обращает на себя внимание намеренная схематизация тела (без рук и ног) и лица.

В какой-то мере можно проследить своеобразные аналогии стилистическим особенностям нашего антропоморфного изображения в искусстве чешской стоянки Павлов, Костенок I и Авдеево. В костенковско-авдеевской культуре есть навершия лопаточек, форма которых напоминает головы зверей. Эти навершия представляют собой скорее стилизованную скульптуру малых форм, чем гравюру. Здесь форма орудия и изображение нерасчленимы. В этих зооморфных предметах гравировкой выполнены только прорези глаз и орнамент из черточек по граням пластины. В некотором отношении навершия из Костенок I и Авдеева перекликаются с нашей находкой.

В целом антропоморфное изображение из Мураловки довольно точно повторяет край предмета, как бы сливается с ним, определяя органическую связь архитектоники орудия и изображения. Но как в костенковско-авдеевских поделках, так и в нашем ложице позднепалеолитический человек пользовался определенными условными приемами с целью упрощения формы изображения для выявления обобщенного декоративного образа. Это не примитивный схематизм неумелой изобразительной деятельности человека и не схематизм первых шагов искусства. Наряду с эстетическим подходом к форме предмета и изображения здесь четко прослеживается разумная деятельность древнего человека, превращающая изображение в геометризованный символ. В духовной жизни палеолитического человека это не является случайностью.

Известно, что в искусстве палеолита изображение женщины широко распространено. В скульптуре, рельефе и гравюре имеются как примитивно-схематические фигуры, так и конкретно-реалистические. В стиле последних встречаются своеобразные оттенки. Так, фигура женщины из Елисеевичей, на наш взгляд, занимает особое место. Обобщенность формы, условность в передаче пропорций общего силуэта заставляют в этом реалистическом произведении видеть элементы частичной стилизации.

Говоря об общих процессах в палеолитическом искусстве, А. Брейль, а за ним П. П. Ефименко отмечали появление стилизации в мадленское время. Такую стилизацию претерпевают главным образом своеобразные фигурки животных (олени, козы), изображенные не в профиль, а в анфас или сзади... В иных случаях они получают почти орнаментальный характер»⁸.

Однако некоторые костяные изделия, и в частности антропоморфное изображение из Мураловской стоянки, позволяют говорить о появлении стилизации в более раннее время. Возраст Мураловской стоянки по каменному инвентарю и по геологическим условиям залегания должен быть определен в пределах конца первой или начала второй трети позднего палеолита.

Не останавливаясь детально на характеристике каменного инвентаря, мы отсылаем читателя к таблице (рис. 10), по которой хорошо видно, что основные формы кремневых орудий находят себе аналогии только в мате-

⁶ P. Laurent. La tête humaine gravée sur bois de Renne de la grotte Placard (Charente). L'Anthropologie, t. 67, No 5—6, p. 563—570.

⁷ J. Allain. Nouvelles découvertes dans le gisement magdalénien de la Garenne. BSPF. t. LIV, fasc. 3—4, p. 223—227.

⁸ П. П. Ефименко. Первобытное общество. Киев, 1953, стр. 530.

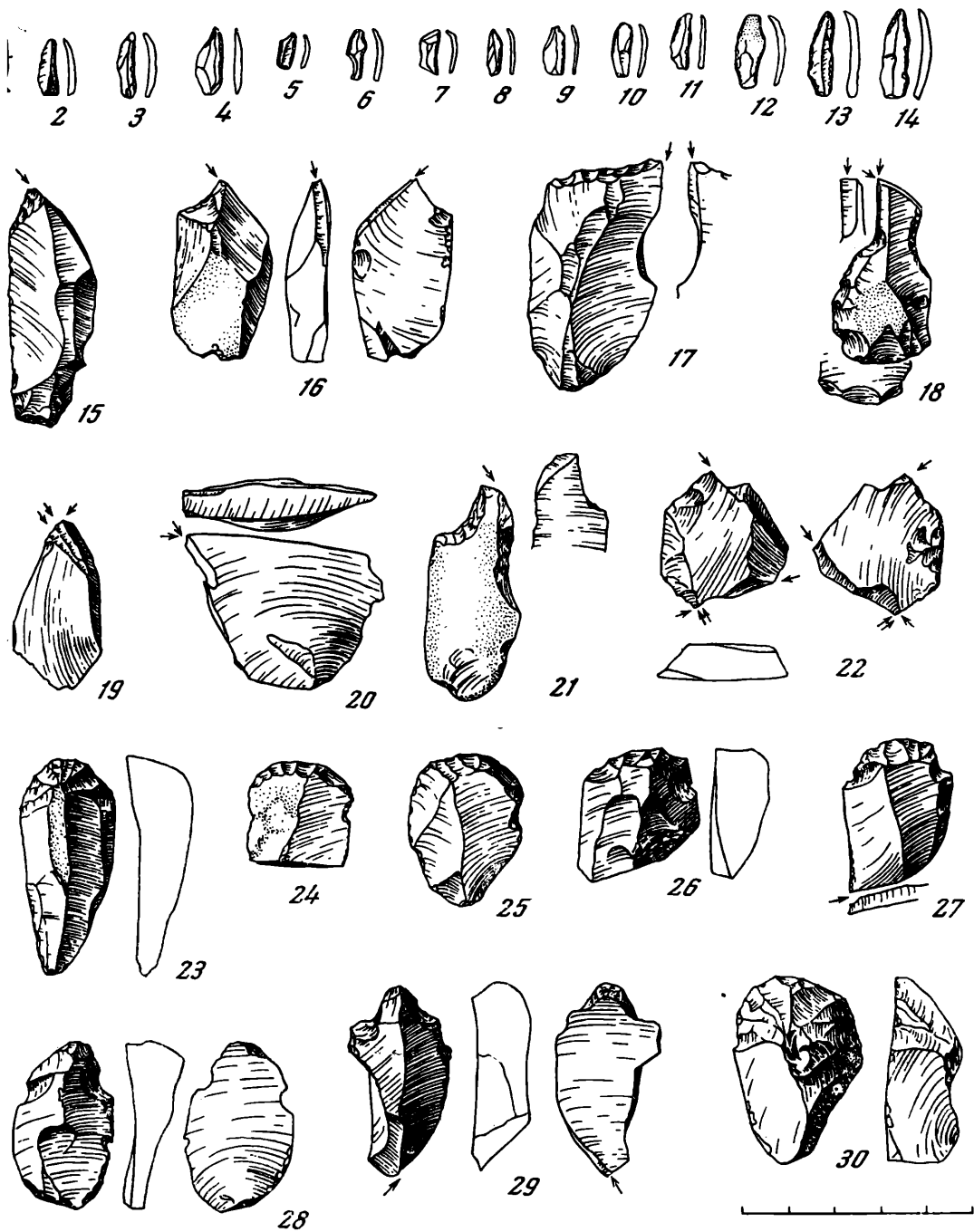

Рис. 10. Мураловская позднепалеолитическая стоянка. Характерные формы каменных орудий:

1—14 — микропластинки с ретушью и микрострия; 15—22 — резы; 23—30 — скребки

риалах ориньяко-перигорских культур Западной Европы⁹. Наиболее характерными и массовыми типами орудий здесь являются нуклеидные, килевидные скребки и скребки à museau. В Мураловке последний тип имеет хорошо оформленные ретушью плечики (рис. 10, 27—29). Среди резцов отмечаются также близкие ориньякоидным формы. Некоторые из них изготовлены на пластинках с боковыми выемками (рис. 10, 18, 21).

Таким образом, по каменному инвентарю Мураловская стоянка выглядит значительно более архаично, чем другие памятники южнорусских степей, например Каменные Балки, Амвросиевка и Б. Аккаржа. А поселения в Каменной Балке М. Д. Гвоздовер довольно убедительно датирует серединой позднего палеолита¹⁰. Утверждая сравнительную древность Мураловской стоянки, нельзя сказать, что искусство в это время было архаичным. Стилизованность изображения и существование рядом орнамента (об этом свидетельствует осколок второго предмета из Мураловки) говорит об относительной развитости декоративно-прикладного искусства¹¹.

По-видимому, здесь можно говорить об усложнении идеологических представлений человека, о начале каких-то противоречий между рациональным мышлением и практикой, влиявшими на стиль произведений искусства, о взаимозависимости орнаментации и изображения.

В изделиях с гравировкой Мураловской стоянки отражены такие общие процессы развития духовной жизни родовой общины, которые в наиболее классической форме проявились в более позднем искусстве Мезина¹².

Весьма скудные пока данные об изобразительном творчестве охотников южнорусских степей позволяют, однако, думать, что в это время существовали относительно сложные эстетические представления.

⁹ D. de Sonneville-Bordes. Le paléolithique supérieur en Périgord, t. I. Bordeaux.

¹⁰ М. Д. Гвоздовер. Позднепалеолитические памятники Нижнего Дона. САИ, вып. А1—5, 1964. Приложение 1.

¹¹ В настоящее время в археологии, в теории и истории искусства все еще бытует взгляд на позднепалеолитическое искусство, как искусство синкретическое. Мы считаем, что развитое искусство палеолита, как часть первобытно-общинной идеологии, имеющей относительную самостоятельность, выполняло разнообразные функции и нерасчлененного единства не представляло. О синкретичности искусства, о непосредственной связи его с производственной деятельностью человека можно говорить как о более раннем этапе.

¹² И. Г. Шовкопляс. Мезинская стоянка. Киев, 1965, стр. 217—257.

Л. М. Т А Р А С О В

О ДАТИРОВКЕ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКИ ГАГАРИНО¹

Исследование памятников эпохи палеолита, как правило, включает и детальное их геологическое изучение. Особо важное значение это имеет в настоящее время, когда сама четвертичная геология в своей методике исследования все шире привлекает данные целого ряда других наук.

Такая многосторонность изучения древнейших археологических памятников дает возможность решать не только вопросы датировки и установления относительной их древности, но и характеризовать в целом природную среду, современную древнему человеку. Последнее же значительно дополняет те сохранившиеся до наших дней вещественные источники, которые дают раскопки палеолитических поселений, способствуя тем самым более правильному освещению истории человеческого общества на ранних этапах его развития.

Гагаринское верхнепалеолитическое поселение, находящееся на левобережье верхнего течения Дона, было открыто в 1926 г. При раскопках этот памятник изучался, как правило, не только в археологическом, но и в геологическом отношении. Правда, изучение геологии Гагаринской стоянки проводилось не всегда с достаточной полнотой. Важность же наиболее полного и всестороннего изучения стоянки Гагарино вызывается тем, что она все еще остается пока единственным достаточно хорошо сохранившимся верхнепалеолитическим памятником в бассейне всего Верхнего Дона. Характеризуя в целом палеолит довольно большой территории, Гагаринская стоянка является одним из опорных памятников в изучении эпохи палеолита Восточной Европы.

На первом этапе (1927, 1929 гг.) геологическое изучение стоянки Гагарино осуществлялось самим исследователем С. Н. Замятниным², который в основном по работам Н. Высоцкого³ и А. Краснопольского⁴ дал общее описание местности в районе расположения стоянки и перечислил геологические отложения от коренных девонских известняков до лежащих сверху лёссовидных суглинков. По стенам раскопов и разведочных шурфов он также послойно описал покровные породы до глубины 2,65 м и отметил, что культурный слой (остатки жилища) залегал в самой верхней части толщи лёссовидных суглинков, непосредственно под слоем чернозема, на глубине 1—1,5 м от современной дневной поверхности.

¹ Доклад на Секторе палеолита 26. II 1964 г.

² С. Н. Замятнин. Раскопки у с. Гагарина (верховья Дона, ЦЧО). «Изв. ГАИМК», вып. 118. Палеолит СССР, 1935, стр. 26—77.

³ Н. Высоцкий. Гидрогеологический очерк Задонского уезда Воронежской губернии. «Изв. геологического комитета», т. XIII, № 3. СПб., 1894, стр. 83—115.

⁴ А. Краснопольский. Елецкий уезд в геологическом отношении. «Тр. геологического комитета», т. XVIII, № 3. СПб., 1902.

После многолетнего перерыва изучение Гагаринской стоянки вновь было предпринято в 1955 г. А. Н. Рогачевым и А. А. Величко. Основной задачей ставилось выяснение геоморфологических и геологических условий залегания культурного слоя памятника с целью определения его геологического возраста и сопоставление с возрастом археологическим⁵. А. А. Величко дал геоморфологическую характеристику района Гагаринской стоянки, а по стене старого раскопа и заложенным трем разведочным шурфам, глубиной до 1,8 м, сделал детальное описание слоев. Анализируя обнажения в более широком районе, он составил схему разреза левого берега Дона на месте стоянки Гагарино, выделив низкую пойму, высокую пойму, первую и далее к водоразделу вторую надпойменные террасы. Сопоставляя разрез на месте стоянки с общим разрезом левого берега Дона, А. А. Величко утверждает, что культурный слой Гагарино залегает в самой верхней части суглинистых отложений первой надпойменной террасы Дона и считает эту стоянку весьма поздним палеолитическим памятником, соответствующим концу валдайского времени.

Новое исследование Гагаринской стоянки было начато в 1961 г. разведочной шурфовкой памятника и ведется автором до настоящего времени. С помощью шурфовки удалось установить наличие культурного слоя на территории поселения за пределами ранее известного долговременного жилища, что дает более полное представление о памятнике в целом. В 1962 г. изучалась территория поселения и доследовалось жилище, в 1963, 1964 гг. исследовалась только территория поселения. Вместе с изучением самих вещественных остатков особое внимание уделялось наблюдению условий их залегания на различных участках поселения.

К северо-западу от жилища была вскрыта площадь в 109 кв. м, где собрано около 2000 изделий из кремня, частично из кварцита и других пород. Кость представлена лишь единичными экземплярами. Находки распределялись неравномерно: на участках, удаленных от жилища на 2—6 м, на 1 кв. м приходилось 15 находок, а в 15—20 м от жилища — более 30. Разрез покровных отложений здесь довольно четкий; насыпной слой 5—15 см; чернозем, более светлый в нижней части — 60—90 см; палевый песчанистый суглинок 3—40 см (мощностью возрастает в сторону ложины), четко отделяется от вышележащего слоя чернозема; ниже лежит толща красновато-бурого известковистого суглинка с редкой щебенкой известняка.

Основная масса культурных остатков залегала в среднем на глубине 1 м от современной поверхности, в прослойке палевого песчанистого суглинка. Значительное количество находок было связано и с нижней частью чернозема, а в красновато-буром известковистом суглинке они отсутствовали.

Прослойка палевого песчанистого суглинка, с которой связан культурный слой стоянки, имеет очень неровную нижнюю границу, поскольку эта прослойка перекрывает многочисленные углубления на поверхности ниже лежащей толщи красновато-бурого суглинка (рис. 11 а, б). Эти западины различны по величине, ориентировке и разнообразны по форме: округлые, вытянутые и узкие канавкообразные, наиболее глубокими оказались последние.

Поверхность толщи красновато-бурого суглинка на всей вскрытой площади имела общий наклон к юго-западу, в сторону ложины, а на прилежащем к ложине участке она круто падала вниз. На месте перегиба красновато-бурый суглинок образует довольно четко выраженные четыре параллельные гряды, идущие поперек склона.

В восточной части вскрытой территории на своеобразных гребнях между западинами отмечены скопления известняковой слабо окатанной щебенки. Характер неровности поверхности толщи красновато-бурого суглинка в це-

⁵ А. А. Величко. Геологический возраст верхнего палеолита центральных районов Русской равнины. М., 1961, стр 194—197.

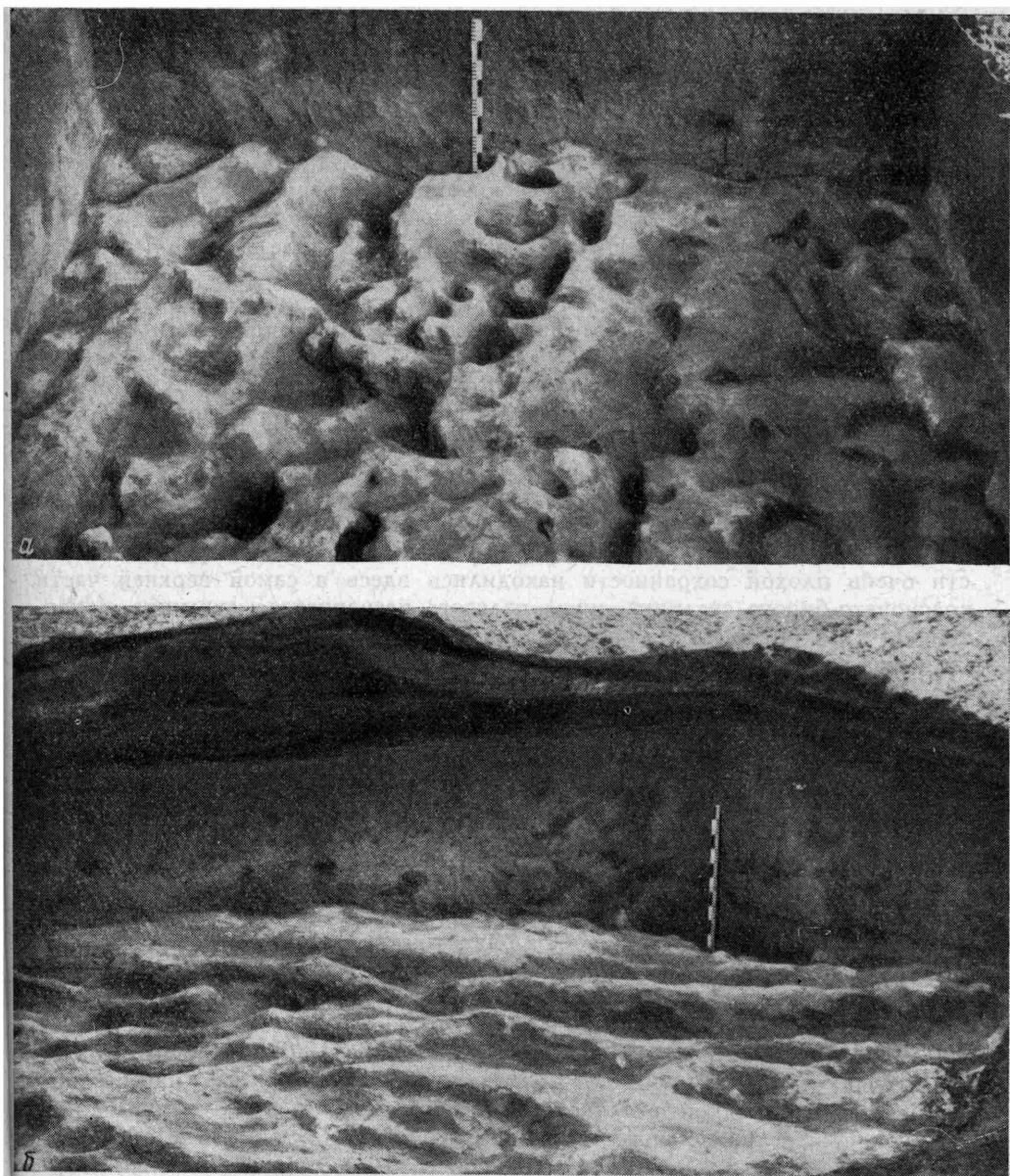

Рис. 11. Поверхность суглинка, подстилающего культурный слой:

а — западный участок; б — южный участок

лом одинаковый на всей вскрытой площади и связан, видимо, с мерзлотными процессами.

На участке, где поверхность красновато-бурого суглинка начала круто падать вниз, ниже прослойки песчанистого суглинка залегал оранжево-желтый четко слоистый песок, мощность которого возрастала вниз по склону. Здесь и палевый песчанистый суглинок имел хорошо выраженную слоистость.

Находки встречались довольно редко, в среднем семь экземпляров на 1 км. м, а в западинах с линзами слоистого песка они отсутствовали. Хорошо выраженная слоистость пород, вмещающих культурные остатки, свидетельствует об интенсивном водном размыве.

На вышележащей по склону части вскрытой площади прослойка палевого песчанистого суглинка незначительна по мощности. А еще выше по склону в разведочных шурфах она выклинивается, и толща чернозема лежит непосредственно на красновато-буром суглинке. В шурфе, заложенном ниже по склону, ближе к оконечности мыса, на котором расположено поселение, мощность песчанистого суглинка и слоистого песка весьма значительна, но в этом месте они не содержат никаких культурных остатков.

Обращает внимание особенно четко выраженная наклоненная в сторону ложины слоистость песка, ее дугообразный рисунок, где в плане четко прослеживается чередование прослоек светлого песка 3—5 см с прослойками оранжево-желтого песчанистого суглинка 1—2 см. Происхождение этой слоистости, по-видимому, связано с интенсивным водным смывом с напольной стороны правого склона ложины.

Следует отметить, что линия перегиба поверхности красновато-бурого суглинка представляет край склона древней ложины, ниже которого отложения образованы последующим сносом и по строению резко отличаются от вышележащих участков.

О размыве свидетельствуют и культурные остатки, представленные на вскрытой части поселения почти исключительно кремнем и очень малым количеством костного материала. При этом единичные мелкие фрагменты кости очень плохой сохранности находились здесь в самой верхней части красновато-бурого суглинка, ниже палевого песчанистого суглинка, содержащего культурный слой. Таким образом, уцелели лишь единичные обломки кости, оказавшиеся случайно замытыми в нижележащий суглинок, тогда как основная масса костного материала, оставаясь, по-видимому, долгое время на поверхности, не сохранилась. Кремневый материал также свидетельствует о воздействии водных потоков. Интенсивная заполированность поверхности резко отличает кремь, собранный на открытых участках поселения, от кремня, происходящего из остатков жилища и прилегающих к нему ям, где все материалы оказались быстро погребенными в нижней углубленной части.

В 1963 г. было осуществлено повторное специальное геологическое обследование Гагаринской стоянки, проведенное М. Н. Грищенко. Шурфовалась как сама стоянка, так и делался ряд зачисток естественных обнажений в более широком районе. На исследовавшемся участке стоянки, в 6 м к северу от жилища заложен был шурф площадью в 2 кв. м, глубиной 5 м от поверхности. По его стенам прослежен довольно четкий разрез. Восточная стена: 0,00—0,05 м, мешаный грунт, 0,05—0,80 м — чернозем, 0,80—0,85 м — палево-песчанистый суглинок, 0,85—2,30 м — красновато-бурый известковистый суглинок с редкой щебенкой известняка, 2,30—2,80 м — темно-бурый суглинок с заметной слоистостью в верхней части, 2,80—3,80 м — светло-бурый суглинок с линзами песка и галькой, 3,80—4,60 м — глинистый песок с многочисленной галькой, 4,60 м и до дна шурфа — светлый слоистый песок с редкой галькой.

По южной и восточной стенам шурфа четко прослеживался в разрезе мерзлотный клин, ветвящийся книзу и прорезающий всю толщу красновато-бурого известковистого суглинка и нижележащий слой темно-бурого суглинка (рис. 12а,б). В целом длина клина достигает 2 м, заполнение его такое же, как и вышележащей прослойки палевого песчанистого суглинка (в нижней части более песчанистое). На уровне нижней части мерзлотного клина наблюдались узкие, ветвящиеся книзу вертикальные трещины, заполненные тонким серовато-желтым суглинком. В средней части толщи красновато-бурого известковистого суглинка, на глубине 1,6—1,7 м от современной дневной поверхности отмечены отдельные линзы темного цвета, указывающие, по-видимому, на перерыв в накоплении породы и процессы древнего почвообразования. Верхняя часть толщи красновато-бурого известковистого суглинка, прослойка палевого песчанистого суглинка и нижняя часть

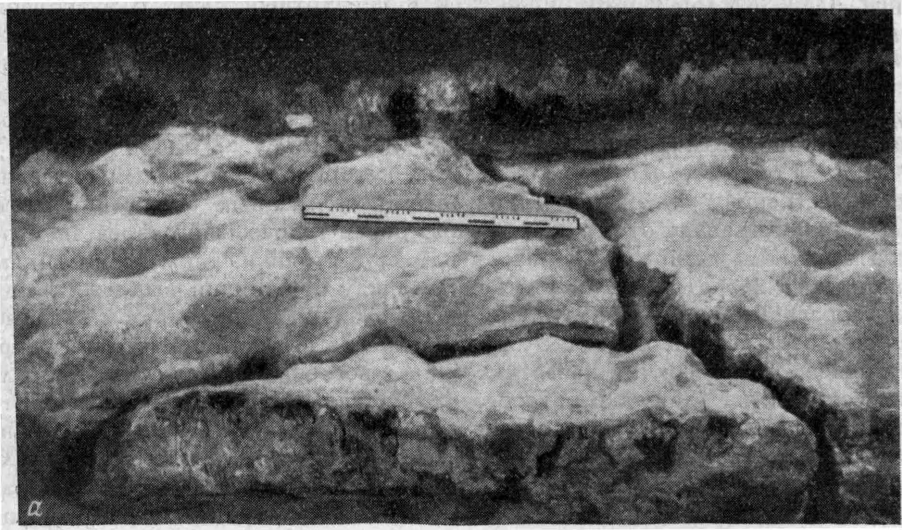

Рис. 12. Мералотный клин в + план с(а) и в разрезе (б)

чернозема прорезаны многочисленными разновременными кротовинами, которые в значительной мере повредили и мерзлотный клин. В заполнении мерзлотного клина, его верхней и средней части, а также и несколько ниже обнаружено 11 изделий из кремня и обломки кости крупного животного. Эти находки имеют особый интерес, так как позволяют увязывать время существования Гагаринского поселения с определенным периодом резкого похолодания в этом районе (по-видимому, последнего).

М. Н. Грищенко обследовал в районе Гагарино также целый ряд зачинок естественных обнажений террасовых и пойменных отложений Дона. В 250 м к юго-западу от стоянки зафиксирован террасовый разрез, по строению близкий напоминающий разрез на месте стоянки, также с явлениями мерзлотного характера. В 600 м к юго-западу от стоянки выделяется четкий террасовый уступ, образующий ровную площадку, которая с западной стороны подмывается Доном, с юга примыкает к высокой эрозионной террасе, сложенной девонскими известняками, а с востока ограничивается небольшим уступом, на площадке которого расположено с. Гагарино и палеолитическая стоянка. Террасовый уступ имеет четкий разрез: 0,00—0,80 м — наносный слой, 0,80—1,80 м — чернозем, 1,80—3,15 м — светло-бурый суглинок с редкими кротовинами, 3,15—4,55 м — темно-бурый суглинок с журавчиками в нижней части, 4,55—5,30 м — зеленовато-серая глина с ржавыми пятнами, 5,30—7,35 м — зеленовато-бурая глина с ржавыми пятнами и журавчиками, 7,35—8,40 м — буровато-серая глина с концентрическими ржавыми пятнами и прослоем с многочисленными мелкими раковинами пресноводных моллюсков, 8,40—9,65 м, до уреза воды и прослеживается ниже — глина «синяя», в верхней части с зеленоватым оттенком, вязкая.

Таким образом, этот террасовый уступ и по высоте, и по литологическому составу резко отличается как от поймы, так и от террасы, на которой находится палеолитическая стоянка. Разрез последней, очень близкий с разрезом на месте первого обнажения, в отличие от разреза второго террасового обнажения, характеризуется более тощими, песчаными и сильно карбонатными породами; суглинки здесь в верхней части прорезаны многочисленными разновременными кротовинами, имеются трещины мерзлотного происхождения, в основании на известняковом цоколе лежит слой песка, и сам цоколь террасы примерно на 5 м поднимается над урезом воды.

Все эти данные, взятые вместе, позволили М. Н. Грищенко выделить в районе Гагаринской палеолитической стоянки две сравнительно невысокие разновременные надпойменные террасы, одну — на месте второго обнажения и другую — на участке палеолитической стоянки. Эти террасы соответствуют первой и второй надпойменным террасам общей стратиграфической схемы террас Дона. Следовательно, палеолитическая стоянка Гагарино находится на второй надпойменной террасе Дона, а не на первой, как это представлялось ранее.

На участке расположения стоянки первая надпойменная терраса рельефо не выделяется. У самого уреза реки здесь хорошо прослеживается низкая пойма в виде двух прирусловых валов, далее поднимается площадка высокой поймы, от нее хорошо выраженным уступом отделяется терраса, на которой находится стоянка. Эта терраса на участке расположения стоянки всего на 2—2,5 м выше выявленной М. Н. Грищенко первой надпойменной террасы, а далее к водоразделу она постепенно поднимается.

Соотношение уровня высокой поймы, первой и второй надпойменных террас хорошо сопоставимы во время высоких весенних паводков Дона. В последнее время особенно сильные разливы были в 1951 и 1963 гг., когда и высокая пойма и первая надпойменная терраса оказывались полностью затопленными, а вторая надпойменная терраса лишь подтапливалась. Культурный слой стоянки, лежащий в среднем на глубине 1 м от поверхности, в годы таких высоких паводков находился ниже уровня воды. В эпоху палео-

лита урез русла Дона был значительно ниже современного, поэтому стоянка тогда не затапливалась.

С целью более детального выявления всех элементов рельефа в районе расположения Гагаринской стоянки в 1963 г. была осуществлена съемка подробного плана в масштабе 1 : 1000 с сечением горизонталей через 1 м. Был снят участок левобережья Дона 1,2 × 0,7 км, куда вошли приустьевая часть Исаевой ложины со стоянкой, с. Гагарино и частично коренной берег Дона к югу от села. Съемка позволила выделить пляж реки, низкую и высокую пойму, первую и вторую надпойменные террасы, а также третью эрозионную террасу, сложенную девонскими известняками. Гагаринская палеолитическая стоянка расположена на небольшом мысу, образованном излучиной Исаевой ложины, на краю второй надпойменной террасы Дона.

Таким образом, в результате геологического обследования 1963 г. установлено, что культурный слой Гагаринской стоянки связан с верхней частью отложений второй надпойменной террасы Дона, формирование которой закончилось во второй половине валдайского времени, но не в самом его конце. Такой геологической датировке соответствует и археологический материал памятника.

Т. С. ПАССЕК, М. М. ГЕРАСИМОВ
НОВАЯ СТАТУЭТКА ИЗ ВУЛКАНЕШТ

В последние годы в бассейне Нижнего Дуная началось изучение новой для территории Советского Союза энеолитической культуры Гумельницы¹. При раскопках поселений земледельческо-скотоводческого населения, создавшего эту культуру и в СССР, и в Румынии, обнаружено большое количество различных статуэток, видимо, связанных с магическими обрядами.

Среди антропоморфных изображений из обожженной глины преобладает тип схематизированной женской статуэтки с углубленным узором. Руки у них изображены в виде небольших выступов с отверстиями; ноги соединены в одну, подчеркнуты отдельные детали. Этот тип статуэток является преобладающим во всех поселениях Гумельницы так же, как и в поселениях родственной культуры раннего Триполья².

Статуэтка, найденная на юге Молдавии у с. Вулканешты, при раскопках поселения культуры Гумельницы, отличается от известного нам типа глиняных статуэток. Она представляет собой фигурку сидящего мужчины.

Эта скульптура обнаружена при расчистке хорошо сохранившегося глинобитного жилища № 1, которое было расположено на склоне левого берега довольно далеко от воды. Площадь жилища достигала 100 м². Оно состояло из двух комнат одинаковой величины, с одной стороны находилась небольшая легкая пристройка, в которой стояло большое количество посуды.

При разборке строительных остатков, состоявших из глиняных, хорошо обожженных вальков с отпечатками бревен, плах, кольев и тростника, найдено множество всевозможных изделий из глины, камня, кости, рога. По комплексу находок это жилище относится к культуре Гумельницы. По стилю орнамента на сосудах и по их форме поселение в Вулканештах³ можно сближать по времени с румынским поселением Стойкани⁴ и датировать, по Д. Берчу, временем Гумельницы — I в.⁵ Из этого жилища был взят для радиоуглеродного анализа уголь от недогоревшей до конца деревянной плахи. По первым анализам дата определяется 3860 ± 150 г. до н. э.⁶

В северной комнате этого дома найдена статуэтка мужчины, она сильно повреждена. И руки и ноги у нее отбиты и не найдены (рис. 13а, б, в).

¹ Т. С. Пассек, Е. К. Черныш. Открытие культуры Гумельницы в СССР. КСИА, вып. 100, 1965.

² Е. В. Бесфамильная. Антропоморфные изображения культуры Гумельницы в СССР. Тезисы доклада, прочитанного на заседании секции неолита и бронзы Пленума ИА в 1966 г.

³ Т. С. Пассек, Е. К. Черныш. Указ. соч., стр. 14, 15.

⁴ H. Petrescu-Dâmbovită. Cetățuia de la Stoicani, «Materiale arheologice privind Istoria veche a RPR», vol. I, 1953.

⁵ D. Berchiu. Contribuții la problemele neoliticului în România în lumina noilor cercetări București, 1961.

⁶ Анализ произведен в институте геохимии и аналитической химии в лаборатории радиоуглеродного датирования под руководством А. Л. Деврец.

Остатки ног позволяют истолковать их первоначальное положение, они согнуты в коленях, правая нога приподнята в колене чуть выше левой.

Мужчина сидел, сильно наклонившийся вперед, что позволяло судить о расположении правой руки (о положении левой руки судить было трудно). Видимо, опираясь локтем на колено, кисть правой руки подпирала щеку; у правой щеки сохранился обломок кисти.

Голова небольшая, шея массивна, на плоском лице треугольной формы едва выделялся один глаз; выступы с двух сторон головы напоминают уши.

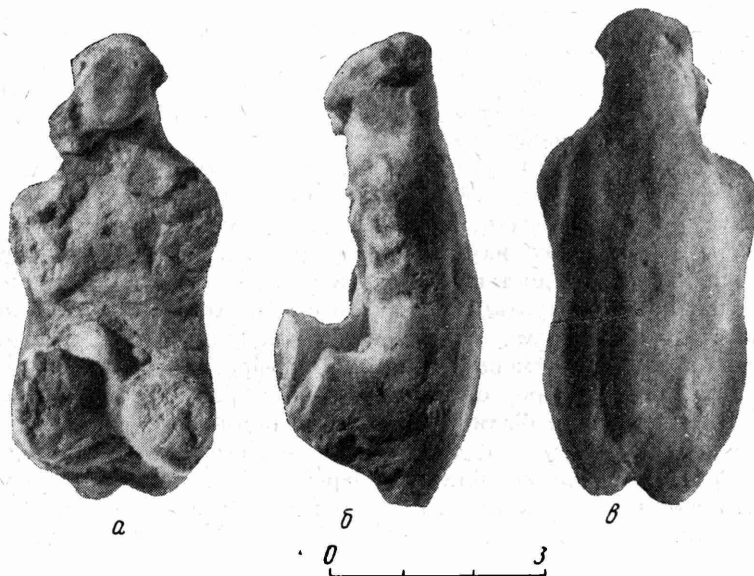

Рис. 13. Мужская статуэтка из Вулканешт:

а — вид спереди; б — вид сбоку; в — вид со спины

В этой статуэтке удивительно сочетаются схематическая передача лица и необыкновенно реалистическая моделировка отдельных частей тела, придающая фигурке особую выразительность. Наклон тела вперед, четко моделированный позвоночник, небольшие ямки на пояснице, а также положение кисти руки у щеки и подбородка реалистично передают сидящую мужскую фигуру. Поза его очень естественна, что чрезвычайно редко встречается в пластике того времени.

Мужская фигурка изображена сидящей на небольшой скамеечке, от которой сохранились следы прикрепления к фигурке.

Статуэтка вылеплена из глины с примесью мелкого песка. Поверхность ее обработана довольно небрежно, особенно на груди и животе, которые были прикрыты руками. Ниже живота рельефно отмечен фаллус. Статуэтка серого цвета с желтоватыми пятнами.

Реконструкция статуэтки из Вулканешт⁷, как и всякая реконструкция археологического предмета, — весьма ответственная задача. При восстановлении художественного произведения эта ответственность увеличивается в соответствии со смысловым значением предмета. Вымышленное ошибочное положение рук, ног при реставрации нередко может изменить религиозно-семантическое значение изображения. Тем самым можно внести серьезную путаницу интерпретации самого изображения и исказить существо идеологическо-религиозных представлений связанного с ним исторического этапа.

⁷ Реконструкция выполнена М. М. Герасимовым.

Мы в полной мере оцениваем степень ответственности при реставрации древней скульптуры и тем не менее считаем возможным предложить на суд археологов и историков одну из них.

Сохранившийся фрагмент — торс и голова — небольшой терракотовой статуэтки выполнены в своеобразной манере, в которой сочетаются реалистическая пластика движения, свойственная древнейшему искусству, уходящему своими корнями в палеолит, и условная схематичность, столь характерная раннеземледельческим культурам средиземноморского круга.

У статуэтки почти целиком отсутствуют руки и ноги, повреждены грудь и нижняя часть живота. Пропорции фигурки, ее детали, склоненный торс, положение по отношению к нему сохранившихся частей бедер, пластика спины, все вместе создают, несомненно, впечатление, что это изображение сидящего мужчины. Очевидно, он сидел на низкой скамеечке. Следы ее видны отчетливо и зафиксированы смятой мускулатурой таза.

Для большей объективности при реконструкции мы не искали каких-либо параллелей данной статуэтке, решая эту задачу только на основе индивидуальных особенностей сохранившегося фрагмента. Реалистичность данного произведения, как нам казалось, должна подсказать правильное решение положения недостающих рук и ног.

Восстановление статуэтки мы начали с ног. Асимметричные по положению оба бедра сохранились примерно наполовину своей длины. Правое чуть больше, а левое — меньше. Пропорции фрагментов бедер, их положение по отношению к торсу обеспечили возможность реально решить положение ног. После этого были найдены пропорции скамеечки. Получилась спокойно сидящая фигура с довольно сильно склоненной вперед верхней частью торса, был виден отчетливый перегиб в талии. Создавалось впечатление, что этот человек не просто подался вперед, а сидел, опираясь локтями на колени.

Прежде чем решить истинное положение рук, следовало восстановить повреждение поверхности живота и груди. Это можно было сделать достоверно, так как в ряде мест сохранилась фактура поверхности. Оставалось воспроизвести самое трудное — положение рук. При восстановлении их учитывались все детали фигурки и, прежде всего асимметрия реалистически выполненной спины, на которой отчетливо был виден и позвоночник, и положение лопаток. При тщательном рассмотрении фрагмента скульптуры оказалось, что правая рука согнута в локте, так как у правой щеки сохранилась ее кисть. При данном положении плеча и кисти рука могла быть согнута только в локте, упиравшемся о правое колено. Восстановленное положение естественно и гармонично, оно сочеталось со всей позой фигурки. Положение левой лопатки было отчетливо и указывало, что плечо опущено вниз к колену. Такое положение верхней части руки определило и положение предплечья. Оно, образуя прямой угол, легло кистью к локтю правой руки.

Так, на основе сохранившегося фрагмента мужской фигурки из Вулканешт, с поселения культуры Гумельницы, восстановлена вся композиция ее (рис. 14).

Реконструированная статуэтка из Вулканешт, несмотря на некоторые различия в деталях, обнаруживает большое сходство с известной глиняной скульптурой «мыслителя» из Чернаводы в Румынии⁸.

В Чернаводы вместе с фигуркой человека сохранилась глиняная скамеечка на четырех низких ножках (рис. 16). Мужчина сидит на ней, слегка наклонившись вперед, локти рук упираются в колени, а кисти рук подпирают обе щеки, ноги раздвинуты. На спине четкой углубленной линией обозначен позвоночник. Хорошо моделирована грудь. Ясно обозначены черты лица: выступающий нос, два глаза и уши.

⁸ D. Berciu. Указ. соч.

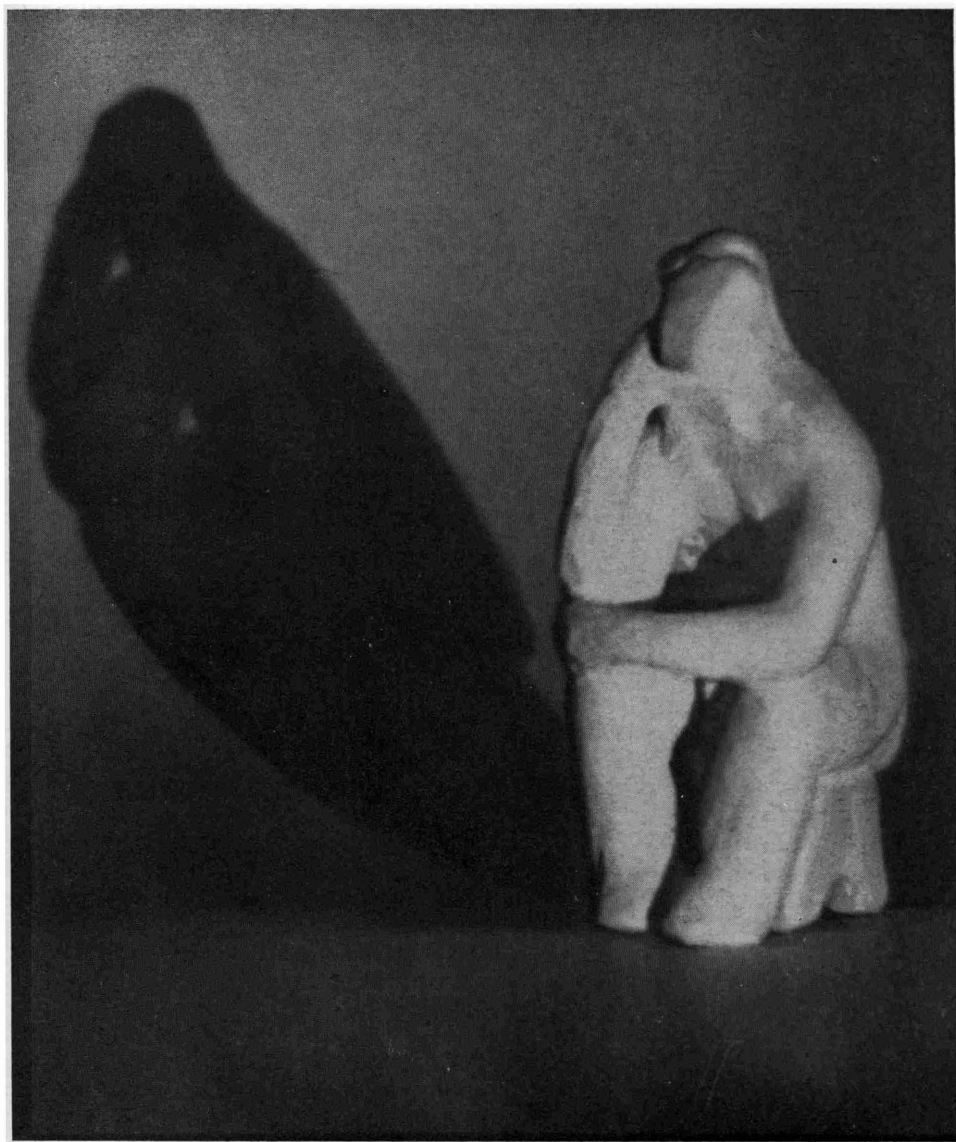

Рис. 14. Реконструкция статуэтки из Вулканешт (М. М. Герасимов)

Статуэтка из Черноводы найдена вместе с другой фигуркой, выполненной в том же стиле, но изображающей женщину (рис. 15). Она такого же размера, с такой же длинной шеей и стилизованной головкой. В отличие от мужской статуэтки, она передает фигуру женщины, сидящей на земле. Левая нога ее вытянута, правая согнута в колене. На колено приподнятой ноги опираются кисти обеих рук, локти которых разведены в стороны⁹. Видимо, в этих статуэтках переданы традиционные ритуальные жесты, так же как и в статуэтке из Вулканешт. Обе фигурки из Черноводы обнаружены в одной могильной яме неолитического могильника IV тысячелетия до н. э., относящегося по инвентарю к культуре Хаманджия.

Рис. 15. Женская фигурка из Черноводы

Рис. 16. Мужская фигурка из Черноводы

Аналогии вулканештской статуэтке можно найти и в других неолитических и энеолитических культурах Балкан и Средиземноморья. Обычно это мужская фигурка, сидящая на скамеечке (с ножками или без ножек), с раздвинутыми ногами, левой рукой, опирающейся на колено, а правой — поднятой к лицу. Такова статуэтка из глины, найденная на Холме Жрецов около Лариссы в Греции. Идол сидит очень прямо. На лице отмечены нос, рот, глаза и уши. На шее и животе легкой углубленной полосой с насечками отмечены ожерелье и пояс. Левая рука, неестественно вывернутая вперед, опирается на колено левой ноги, правая — согнута в локте, отведена в сторону и не опирается на ногу. Видимо, здесь мы имеем еще один ритуальный жест, вошедший в иконографию позднего неолита.

Культура Гумельницы, генетически связанная с ней культура Хаманджия так же, как и хорошо изученная на территории СССР трипольская культура, входят в зону балкано-средиземноморских культур. Интересно, что в ранних памятниках Триполья известно несколько мужских статуэток, которые можно поставить в один ряд с фигурками вулканештского «мыслителя». В качестве примера можно привести две сильно фрагментированные статуэтки с поселения Ленковцы¹⁰. На одной из них сохранились следы при-

⁹ D. Vegliu. Указ. соч., стр. 424, рис. 1; стр. 428, рис. 5, 6.

¹⁰ Е. К. Черныш. Ранньотрипольське поселення Леківці на Середньому Дністрі. Киев, 1959, стр. 81 и табл. XIII, 25, 29.

крепления к глиняной низкой скамеечке (очевидно, без ножек). Другим — примером могут служить опубликованные С. Н. Бибиковым мужские статуэтки из Луки-Врублевецкой¹¹. Обе фигурки найдены в одном жилище и сделаны, видимо, одним мастером. По традиции, существовавшей у трипольских племен, эти фигурки не имели рук, их заменяли небольшие утолщения на плечах с проткнутыми отверстиями. Ноги, в отличие от распространенной тогда манеры изображать их в виде одного конуса, моделированы отдельно. Фаллус подчеркнуто преувеличен. Обе фигурки сидящие.

И в Ленковицах и в Луке-Врублевецкой эти фигурки имеют гладкую поверхность, лишенную какой-либо орнаментации. По технике выполнения эти трипольские фигурки близки к вулканештской. В связи с этим находка в Вулканештах приобретает особое значение. Она указывает пути влияния на трипольскую культуру со стороны Средиземноморья через культуру Гумельницы. О тесном контакте трипольских племен с гумельницкими в зоне их соприкосновения имеется ряд данных¹².

¹¹ С. Н. Бибиков. Поселение Лука-Врублевецкая. МИА, № 38, стр. 50, рис. 27, б, табл. 75, а и б.

¹² Т. С. Пассек, Е. К. Черныш. Указ. соч., стр. 17, 18; Е. К. Черныш. Глинобитные жилища культуры Гумельница в нижнем Подунавье. Сб. «Новое в советской археологии». М., 1965, стр. 85; Т. С. Пассек. Костяные амулеты из Флорешты. Сб. «Новое в советской археологии». М., 1965.

В. И. ЦАЛКИН

ФАУНА ИЗ РАСКОПОК ПОСЕЛЕНИЙ КУЛЬТУРЫ ГУМЕЛЬНИЦЫ В СССР

Раскопки, производившиеся в течение ряда лет Т. С. Пассек, Е. К. Черныш и В. С. Титовым, обнаружили в левобережном Подунавье, на территории южной Молдавии и сопредельной части Измаильской области УССР, ряд поселений культуры Гумельницы, распространение которой в наших пределах оставалось до того времени неизвестным¹. Как указывают упомянутые авторы, культура эта на протяжении многих столетий развивалась параллельно с трипольской и по уровню развития они были близки друг другу. Отмечая трудности датировки открытых на территории СССР памятников Гумельницы, Т. С. Пассек и Е. К. Черныш полагают, что они соответствуют этапом А и В/1 трипольской культуры, т. е. относятся к концу IV — началу III тысячелетия до н. э.

Культурный слой трех гумельницких поселений (Болград, Озерное и Вулканешты), раскопки которых были произведены в последние годы, оказался довольно богатым костными остатками, которые по мере хода работ передавались для изучения в лабораторию Института археологии АН СССР. В общем итоге за ряд лет нами было определено более 3500 костей, происходящих минимально от почти 350 особей домашних и диких млекопитающих. Иными словами, в нашем распоряжении оказался довольно значительный материал, открывающий возможность изучения таких отраслей хозяйственной деятельности гумельничан, как охота и животноводство, и даже позволяющий составить известное представление об остеологических особенностях домашних животных, разводившихся племенами этой культуры (табл. 1).

Подробному освещению всех упомянутых вопросов посвящена специальная работа, в публикуемой статье мы коснемся только некоторых моментов, указывающих на своеобразие хозяйства племен культуры Гумельницы, очень отчетливо выделяющейся в рассматриваемом отношении на общем фоне других неолитических и энеолитических культур Юго-Восточной Европы. Подобная попытка тем более уместна, что данные об изучении костных остатков животных из раскопок памятников Гумельницы до сих пор еще очень ограничены даже по поселениям этой культуры на территории Румынии.

Как показывают данные, приведенные в таблице 1, видовой состав костных остатков животных, найденных в культурном слое поселений Болград, Озерное и Вулканешты, не отличается особым разнообразием: обна-

¹ Т. С. Пассек и Е. К. Черныш. Открытие культуры Гумельницы в СССР. КСИА, вып. 100, 1965.

ружено всего 14 видов, из которых 6 принадлежат домашним и 8 диким млекопитающим.

При рассмотрении результатов определения костных остатков из раскопок трех упомянутых поселений обращает на себя внимание малочисленность среди них костей диких животных. Они составляют всего лишь от 1,4% (Вулканешты) до 6,8% (Озерное) общего количества костей и от 6,8% (Болград) до 15,7% (Озерное) общего количества особей. Отмечен-

Т а б л и ц а 1

Видовой состав костяных остатков

Виды	Поселения					
	Болград		Озерное		Вулканешты	
	Кости	Особь	Кости	Особь	Кости	Особь
Крупный рогатый скот и тур	856	47	746	30	283	17
Мелкий рогатый скот . .	407	46	465	50	136	17
Свинья	91	20	179	26	46	7
Лошадь	105	19	72	9	3	3
Собака	11	5	29	13	7	1
Благородный олень	—	—	47	7	2	1
Косуля	2	2	9	3	—	—
Кабан	1	1	—	—	2	2
Кудан	19	4	38	8	3	1
Лисица	1	1	5	2	—	—
Заяц	4	2	9	3	—	—
Бобр	—	—	1	1	—	—
Всего	1497	147	1599	152	482	49

ное обстоятельство не представляет видимо, какой-либо локальной особенности памятников Гумельницы в левобережном Подунавье, но свойственно поселениям этой культуры вообще. Во всяком случае, как сообщают об этом Некрасова и Хаймович², в поселении Тангиру, где обнаружен хорошо выраженный слой культуры Гумельницы, диким животным принадлежит всего лишь 2,8% костных остатков. Только в поселении Кашиоарелла дикие животные, по данным Думитреску³, весьма многочисленны, и на их долю приходится почти 82% общего количества костей. Неясно, однако, насколько значителен материал, изучение которого дало приведенную выше цифру.

Таким образом, есть определенные основания считать, что охота в экономической жизни племен культуры Гумельницы имела лишь очень ограниченное значение. Это обстоятельство становится особенно наглядным, если сравнить данные по поселениям Гумельницы с аналогичными данными по поселениям развитого неолита и энеолита Юго-Восточной Европы. Так, в слое культуры линейно-ленточной керамики поселения Флорешты дикие животные образуют по меньшей мере 38% общего количества особей, а в поселении Цыра — даже 40%. Еще более многочисленны дикие животные в слое культуры боян того же поселения Флорешты — почти 47% общего количества особей.

² O. Necrasov, C. Haimovici. Etude de la faune de la station neolitique de Tangiru. DACIA, n. s. 1959, 111.

³ Vladimir Dumitrescu. Principalele rezultate ale primelor dona campanii de sapaturi din asezarea neolitica tirzie de la Cascioarelele. «Studii si cercetari de Istorie veche». t. 16, 2, 1965.

Очень велик процент особей диких животных и в поселениях раннего триполья, причем в некоторых из них (например, Лука-Врублевская, Голерканы, Бернова-Лука) по количеству даже превосходят домашних животных. Также многочисленны дикие животные и в памятниках развитого триполья, которые в поселениях Побужья (Сабатиновка I, Березовская ГЭС) составляют в среднем почти 42% общего количества особей, а в поселениях в Поднестровье (Солончены II, Поливанов-Яр) — 32%. И если в среднем по всем трем поселениям Гумельницы, исследованным нами, на долю диких животных приходится всего 10,9% особей, то столь же примерно невысокий процент их мы встречаем только в немногих памятниках позднего этапа триполья (к их числу принадлежит поселение Усатово), майкопской и ямной культур.

Мы можем, следовательно, констатировать, что количество диких животных, встречающихся в культурном слое поселений Гумельницы, по крайней мере в 3—4 раза меньше, чем в синхронных или близких к ним по времени поселениях других археологических культур развитого неолита и энеолита Юго-Восточной Европы, тем самым представляющихся в интересующем нас отношении гораздо более архаичными. Все приведенные цифры получены в результате изучения обширных материалов, исключающих случайный характер данных, и вряд ли их можно рассматривать иначе, как документальное свидетельство гораздо меньшего значения охоты в хозяйстве жителей поселений культуры Гумельницы.

Охотились гумельничане преимущественно на копытных животных, причем наиболее важное место в их охотничьей добыче принадлежало кулану (*Equus hemionus*), остатки которого найдены в значительном количестве во всех трех поселениях. Этот вид дикой лошади, вообще говоря, нередко встречается в костных остатках из раскопок археологических памятников Юго-Восточной Европы, относящихся особенно к неолиту и бронзе. Однако можно указать лишь очень ограниченное количество поселений, раскопки которых давали бы указание на высокое, даже преобладающее, в сравнении с другими видами, значение кулана в охотничьей добыче. Помимо уже упомянутых поселений Гумельницы в левобережном Подунавье подобная же картина наблюдается, насколько нам известно, лишь в позднетрипольском поселении Усатово и в поселении ямной культуры Михайловское II⁴.

Заканчивая рассмотрение вопроса об охоте у гумельничан, мы должны отметить, что количество диких животных в остатках из раскопок поселений этой культуры, равно как и других культур неолита и ранней бронзы, фактически несколько выше, чем приведено в наших расчетах. Объясняется это обстоятельство тем, что в число диких видов не включен тур, или первобытный бык (*Bos primigenius*), остатки которого встречаются во многих ранних памятниках Юго-Восточной Европы, но при существующих в настоящее время методических возможностях не могут быть сколько-нибудь полно и точно дифференцированы от остатков уже домашнего скота, размеры которого были тоже очень крупными.

Указанное обстоятельство не нарушает, впрочем, значения констатированных выше различий между племенами тех или иных археологических культур неолита и энеолита по роли охоты в их хозяйственной жизни и не меняет представления о гумельничанах как о животноводах, для которых занятия охотой было второстепенным.

У племен культуры Гумельницы существовало, несомненно, высоко развитое животноводство, поскольку им были уже известны все основные виды сельскохозяйственных животных, а именно крупный рогатый скот, овцы, козы, свиньи и даже лошади. Такие же результаты получены и при изуче-

⁴ В. И. Бибииков. Из истории голоценовой фауны позвоночных в Юго-Восточной Европе. В кн.: «Природная обстановка и фауны прошлого». Институт Зоологии АН УССР, Киев, 1963.

нии костных остатков из раскопок поселений рассматриваемой культуры на территории Румынии⁵. Впрочем, то же самое может быть сказано и о довых археологических культурах Юго-Восточной Европы как синхронных Гумельнице (раннее и развитое триполье), так и более ранних (культуры линейно-ленточной керамики и боян).

Мы не будем останавливаться в этом кратком сообщении на остеологических характеристиках всех видов домашних животных, разводившихся гумельчанами, и коснемся только крупного рогатого скота, изучение остатков которого приводит к весьма интересным результатам.

Возможности установления краниологической структуры скота, имеющей важнейшее значение для его типологической характеристики, на материале из археологических раскопок вообще очень ограничены, и это тем более касается древнейших поселений, где кости всегда сильно разрушены. Одним из путей, ведущих к освещению интересующего нас вопроса, является выяснение хотя бы такого обстоятельства, как степень проявления комолости в популяциях древнего скота. Это может быть достигнуто не только изучением отдельных, лучше сохранившихся фрагментов мозгового отдела, но и установлением относительного количества костных стержней рогов, встречающихся в костных остатках из раскопок того или иного археологического памятника⁶.

Рассмотрим поэтому, какие результаты дает в интересующем нас отношении изучение костных остатков из раскопок поселений Гумельницы и некоторых других культур Юго-Восточной Европы:

Поселения	Количество костей скота	Количество костных стержней рогов от общего количества костей скота, %
Болград	856	0,8
Озерное	746	0,6
Вулканешты	283	1,4
Флорешты (слой линейно-ленточной керамики и боян)	4587	1,8
Раннего триполья	1655	1,5

Мы видим, что количество стержней рогов в костных остатках скота из раскопок поселений Болград и Озерное составляет сравнительно очень невысокий процент. Более значителен он в поселении Вулканешты, но это может быть явлением чисто случайным, поскольку изученный из раскопок этого памятника материал малочислен. В среднем по всем трем поселениям Гумельницы костные стержни рогов составляют 0,85%, тогда как в слое линейно-ленточной керамики и боян поселения Флорешты они достигают 1,8% и лишь немного ниже процент их в поселениях раннего триполья.

Совершенно несомненно, таким образом, что по относительному количеству костных стержней рогов скот из поселений Гумельницы сильно уступает скоту племен линейно-ленточной керамики, боян и триполья, приближаясь в этом отношении к комолым популяциям, известным у восточноевропейских племен эпохи поздней бронзы и раннего железа⁷. Все это дает определенные основания допустить возможность существования в популяциях скота гумельчан значительного количества комолых особей, что, види-

⁵ O. Necrasov, C. Haimovici. Etude de la faune de la station neolithique de Tangiru; Vladimir Dumitrescu. Principalele rezultate ale primelor dona campanii de saraturi din asezarea neolitica...

⁶ В. И. Цалкин. Домашние животные Восточной Европы в раннем железном веке. «Бюллетень Моск. Об-ва испытателей природы». Отдел Биологический, 1964, № 3.

⁷ В. И. Цалкин. Домашние животные Восточной Европы в раннем железном веке; он же. Некоторые итоги изучения костных остатков животных из раскопок археологических памятников позднего бронзового века. КСИА, вып. 101, 1964.

мо, несвойственно другим неолитическим и энеолитическим популяциям этих животных в Юго-Восточной Европе.

Различия между рассматриваемыми группами древнего скота не исчерпываются, однако, упомянутыми выше краниологическими особенностями. Анализ изменчивости абсолютных размеров костей, произведенный обычными методами биометрии, заставляет прийти к выводу, что кости скота из раскопок поселений культуры Гумельницы значительно меньше, чем у скота из раскопок поселений линейно-ленточной керамики (боян и раннего триполья), не обнаруживающего различий в этом отношении. Как можно судить на основании имеющихся в нашем распоряжении материалов, средний рост в холке у скота, разводившегося гумельчанами, был вероятно, около 125 см и примерно на 10 см уступал росту скота из других поселений культуры неолита и энеолита Юго-Восточной Европы.

Заслуживает внимания и то обстоятельство, что одна из небольшого количества хорошо сохранившихся пястных костей, найденная при раскопках поселения Болград, по своим абсолютным размерам и структурным особенностям может рассматриваться как принадлежащая волу. Эта находка приобретает особый интерес и значение, если учесть, что в поселении Кашиоарелла, как сообщает об этом Думитреску⁸, кроме мотыг, обнаружен примитивный плужный лемех. Возможно, что жители поселений культуры Гумельницы использовали скот для тех или иных рабочих целей и им была уже известна кастрация. Отмеченное обстоятельство заслуживает тем большего внимания, что в других поселениях неолита и энеолита Юго-Восточной Европы волы до сих пор обнаружены не были.

Рассмотрим теперь вопрос о составе стада сельскохозяйственных животных, разводившихся жителями поселений культуры Гумельницы (табл. 2).

Т а б л и ц а 2

Соотношения между видами сельскохозяйственных животных по количеству особей в остатках из раскопок поселений Гумельницы

Поселения	Всего особей	В том числе, %			
		крупный рогатый скот	мелкий рогатый скот	свинья	лошадь
Болград	132	35,6	34,9	15,1	14,4
Озерное	115	26,1	43,6	22,6	7,8
	44	38,7	38,6	15,9	6,8
Всего	291	32,3	38,8	18,2	10,7

В поселениях Болград и Вулканешты первое и второе места по количеству особей принадлежат крупному и мелкому рогатому скоту (преимущественно овцам), представленным примерно равным процентом и, несомненно, составлявшим подлинную основу животноводства у этих племен. Свиней относительно мало, особенно если учесть свойственную им высокую плодовитость. Последнее место занимает лошадь, представленная, однако, в поселении Болград высоким процентом особей.

Поселение Озерное заметно отличается от обоих предшествующих меньшим процентом крупного рогатого скота и обилием мелкого рогатого скота, составляющего более 40% общего количества особей. Более высоким оказался в составе стада этого поселения и процент свиней.

Всеобразие животноводства гумельничан вскрывается при сравнении данных состава стада (табл. 3). Столь высокого процента крупного рога-

⁸ Vladimir Dumitrescu. Principalele rezultate ale primelor dona companii de sapaturi din asezarea neolitica...

того скота в стаде, который наблюдается у более ранних культур линейно-ленточной керамики и боян, у гумельничан нет, и в этом отношении они гораздо ближе к племенам раннего и развитого триполья. В сравнении с трипольцами в составе стада у гумельничан значительно меньше свиней и больше мелкого рогатого скота, что придает животноводству последних тот облик, который характерен для степных культур. Наблюдается и высокий процент лошадей, удельный вес их в животноводстве гумельничан довольно велик. Это хорошо отличает его не только от животноводства пле-

Таблица 3

Соотношения между видами сельскохозяйственных животных по количеству особей в остатках из раскопок поселений различных культур

Археологические культуры	Всего особей	В том числе, %			
		крупный рогатый скот	мелкий рогатый скот	свинья	лошадь
Линейно-ленточной керамики	68	52,9	16,2	29,4	1,5
Боян	282	61,0	10,3	26,6	2,1
Раннее триполье	432	34,7	21,6	36,8	6,9
Развитое триполье (поселения в Поднепровье)	252	28,5	21,0	46,9	3,6
Гумельница	291	32,3	38,8	18,2	10,7

мен культуры линейно-ленточной керамики и боян, но и трипольцев. То же, вероятно, может быть сказано и о всех остальных неолитических племенах Юго-Восточной Европы.

В завершение хочется остановиться еще на одном обстоятельстве, обращающем на себя внимание при изучении костных остатков из раскопок памятников всех рассматриваемых древних культур. Дело касается в данном случае возраста домашних животных, мясо которых жители поселений использовали в пищу. Это удобнее рассмотреть на материалах по крупному и мелкому рогатому скоту, поскольку именно они наиболее многочисленны.

Некоторые кости животных могут служить легко доступным источником для интересующей нас цели. Так, известно⁹, в частности, что срастание бугра (*tuber calcanei*) с телом пяточной кости происходит у крупного рогатого скота примерно в возрасте 3 лет. Анализируя по этому признаку пяточные кости, найденные в поселениях культуры Гумельницы ($n = 59$), мы убеждаемся, что 37 из них (или 63% количества исследованных) лишены *tuber calcanei* и, следовательно, принадлежат животным, еще не достигшим трехлетнего возраста. Приходится, таким образом, признать, что почти $\frac{2}{3}$ особей крупного рогатого скота, обнаруженных в культурном слое поселений Гумельницы, были использованы жителями в пищу в возрасте до 3 лет.

Любопытно в связи с этим, что подобной картины не встречается в остатках из раскопок поселений других древних культур. Например, в сравнительно крупных сериях костей скота из раскопок слоя культуры боян в поселении Флорешты, равно как и в исследованных нами материалах по раннему триполью, экземпляры, лишенные пяточного бугра, не превышают 30% общего количества рассматриваемых костей. Следовательно, племена упомянутых культур использовали в пищу уже преимущественно взрослых особей. Различия между ними и гумельничанами в этом смысле, поскольку позволяют судить приведенные цифры, достаточно очевидны.

Не менее показательны данные о возрасте использованных в пищу овец и коз. Так, основываясь на состоянии системы коренных зубов в нижних

⁹ К.-Н. H a b e r m e l. Altersbestimmung bei Haustiere und beim jagdbaren Wild. 1961, Berlin.

челюстях (133) этих животных, полученных из раскопок поселений Болград, Вулканешты и Озерное, возрастной состав животных, мясо которых использовалось в пищу, выражается следующими цифрами:

Возраст, месяц	%
моложе 3	5,5%
от 3 до 9—12	16,7%
от 9—12 до 18—24	38,9
старше 18—24	38,9

Следовательно, и в этом случае около $\frac{2}{3}$ животных были использованы в пищу в раннем возрасте и только $\frac{1}{3}$ составляли взрослые особи.

К сожалению, в нашем распоряжении нет достаточно многочисленных данных для суждения о возрасте овец и коз, использованных в пищу жителями поселений культуры линейно-ленточной керамики, боян и раннего триполья, поскольку остатков этих видов в упомянутых памятниках довольно мало. По той же причине нет надежной основы для суждения о возрасте свиней и лошадей, находимых в культурном слое поселений Гумельницы, и можно лишь указать, что молодые особи среди них представляют весьма распространенное явление.

Таковы основные черты охоты и животноводства у гумельничан, как представляются они в свете изучения костных остатков животных из раскопок поселений этой культуры в левобережном Подунавье. Невысокое значение охоты и совершенно явное преобладание над нею животноводства, замечающиеся различия в породах крупного рогатого скота, особенности видового состава стада наряду с широким использованием в пищу молодых животных, дают известное основание рассматривать хозяйство гумельничан как более развитое в сравнении с хозяйством племен линейно-ленточной керамики, культуры боян и раннего триполья.

В. Ф. ПЕТРУНЬ

К ПЕТРОГРАФИЧЕСКОМУ ОПРЕДЕЛЕНИЮ
СОСТАВА И РАЙОНОВ ДОБЫЧИ МИНЕРАЛЬНОГО СЫРЬЯ
РАННЕЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИМИ ПЛЕМЕНАМИ
ЮГО-ЗАПАДА СССР¹

За последние годы на территории СССР начали изучаться поселения культуры Гумельницы IV — III тысячелетий до н. э. (рис. 17). С поселений происходят многочисленные образцы зернотерок и шлифованных каменных топоров. Петрографическое изучение серий образцов с поселений у г. Болград и с. Озерное под Измаилом на Украине и с. Вулканешты в Молдавии²

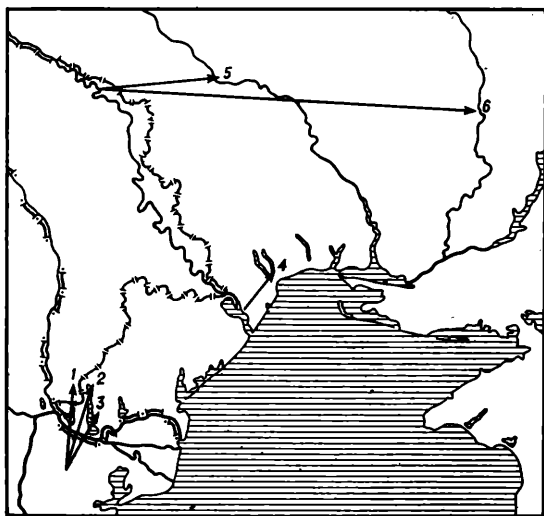

Рис. 17. Карта миграций орудий различного петрографического состава в эпоху энеолита на Юго-Западе СССР:

- 1 — Вулканешты; 2 — Болград; 3 — Озерное; 4 — Усатово;
5 — Сабатиновка, Могильное, Березовская ГЭС; 6 — Кривой Рог

року, нет какого-либо однообразия, которое можно было бы рассматривать как доказательство выборки камня из одного определенного обнажения. Повидимому, местный камень не добывался, а просто собирался по балкам, ов-

доевые выводов. Петрографическое изучение серий образцов с поселений у г. Болград и с. Озерное под Измаилом на Украине и с. Вулканешты в Молдавии² позволило определить не только местные, но и привозные породы камня, притом в количествах, обеспечивающих получение статистически обоснованных выводов.

Весь местный камень представляет собой плитки, стяжения, обломки, подобранные первобытным человеком в делювии коренных склонов или просто вынутые из рыхлых доголоценовых песков и супесей, которые изобилуют в районе разнообразными инфльтрационными образованиями песчаников. В составе камня, шедшего на изготовление зернотерок,

¹ Доклад, прочитанный в г. Баку 10 апреля 1965 г. на секционном заседании сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований 1964 г. в СССР.

² Т. С. Пассек, Е. К. Черныш, В. И. Маркевич, Т. А. Попова, Е. В. Бесфамильная. Новое в истории древнеземледельческих племен Северного Причерноморья. «Тезисы докладов сессии». Баку, 1965, стр. 71, 72.

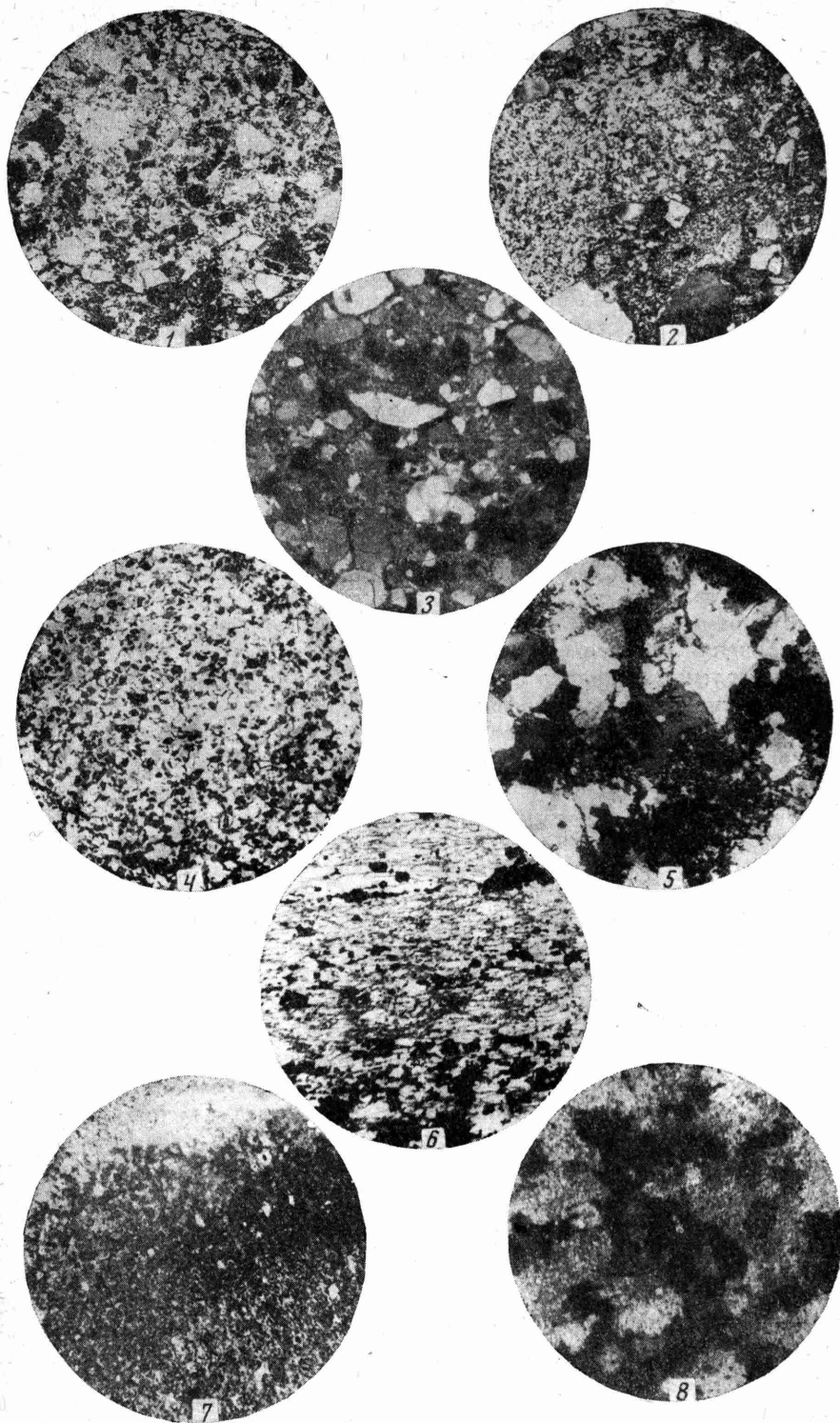

Рис. 18. Микроструктуры различных пород, использовавшихся для изготовления орудий в энеолите Юго-Запада СССР. Фотографии прозрачных шлифов:

1—3 — «зеленые» сланцы-метааллопропсаммиты. Никולי скрещены, ув. $\times 8$; 4 — неогеновый песчаник. Зерно-терка. Вулканешты. Никולי скрещены, ув. $\times 8$; 5 — мигматит. Терочный камень. Болград. Никולי скрещены, ув. $\times 8$; 6 — магнетитовый кварцит. Палетка. Усатово. Никולי параллельны, ув. $\times 20$; 7 — карбонатно-кремнистая порода. Долото. Могильно. Переход свежей породы (темно-серое) в породу зоны выщелачивания (светлое). Никולי параллельны, ув. $\times 20$; 8 — третичный известняк с примесью вулканического пепла. Топор. Лешковцы. Никולי скрещены, ув. $\times 30$

рагам или береговым обрывам по мере надобности без применения каких-либо горнодобывающих приемов. Интересен факт использования в качестве орудия фрагмента фоссилизированной кости крупного доверхнеплейстоценового млекопитающего. Обломки аналогичных темно-коричневых костей обычны среди песков нижней части разреза береговых обрывов оз. Ялпук, откуда этот материал (с инкрустирующим внутренне пустоты костей ткани вторичным кальцитом) мог выбираться первобытным человеком.

Зернотерки изготовлялись из местных светло-желтых и белых неогеновых песчаников (существенно кварцевых, обычно слюдистых, с примесью глауконита, карбонатных копролитов и особенно «карпатских» кремнистых пород и окатанных костей, с глинисто-кварцевым и кальцитовым цементом) и песчанистых известняков (в том числе оолитовых). Кроме них, имеются небольшие, нередко сильно сработанные зернотерки из серо-зеленых, иногда красновато-зеленых пород типа метаалевропесчаников или метагравелитоконгломератов: в Вулканештах найдено 15 разбитых зернотерок, в Озерном — 2, в Болграде — 1 (рис. 18). На левобережье Нижнего Дуная такие породы отсутствуют, но в Северной Добрудже выходы различных конгломератов и песчаников весьма обычны³ (табл. 1 и 2). Материал, как показывает сопоставление (табл. 2), зернотерок с гумельницких поселений СССР идентичен породам типа «зеленых» сланцев, грубозернистые разности которых обнажаются к югу от устья р. Прут. Изделия из «зеленых» пород и желтого кремня указывают на связи населения с более южной территорией распространения культуры Гумельницы⁴ (рис. 17).

После «зеленых» сланцев среди привозных пород наиболее распространены различные диабазы и порфириды. В Вулканештах в двух случаях это даже не обломки боевых топоров или растиральных камней, а просто куски первичного сырья, предназначенные для дальнейшей обработки. Судя по характеру гипергенного изменения по периферии большего из этих штуфов (побурение глубиной до 10 мм вдоль трещин шарово-полигональной отделимости), камень выломан из какого-то коренного, скорее всего дайковского обнажения. Сравнение результатов спектрального анализа гумельницких диабазов с диабазами орудий эпохи энеолита — бронзы Среднего Поднестровья или Нижнего Поднепровья (50 проб) не обнаруживает сколько-нибудь заметных различий в содержании элементов-примесей⁵, хотя макро- и микроскопически породы этих регионов различимы между собой.

По степени изменения вторичными процессами порфириды, массивные (реже миндалекаменные) диабазы и спилито-диабазы Подунавья занимают как бы промежуточное положение между сходными породами Поднестровья и Поднепровья, особенно заметное при сравнении их структурных характеристик (рис. 19 1—4). Главные минералы нижнедунайских диабазов — более или менее интенсивно сосюритизированный плагиоклаз-лабрадор, пироксен (преимущественно титан-авгит) и замещающая его уралитовая (реже интрателлурическая) роговая обманка. Второстепенные минералы: хлорит, титано-магнетит, лейкоксен, реже апатит, крупнозернистый эпидот, карбонаты и гидроокислы железа. Наиболее часто встречающиеся структуры основной массы — диабазовая, пойкилофитовая, апоинтерсептальная.

Терочные камни из Вулканешт II представлены эпидотизитами, эпидотизированным порфиroidом (из кварца и эпидота с унаследованными акцессориями — апатитом и цирконом), сбрекчированным и несколько мета-

³ Н. Онческу. Геология Румынской Народной Республики. М., 1960, стр. 411.

⁴ «Istoria României». I. Comuna primitivă; sclavedismul; perioada de trecere la feudalism». Ас. RPR, 1960, В., табл. VII, стр. 54—56.

⁵ Это следует иметь в виду, например, при оценке возможностей спектроскопической идентификации материала каменных орудий и исходного сырья. (И. М. Гайдук. Выявление микрорайонов неолитических племен методов петрографического и спектрального анализов. Сб. «Археология и естественные науки». М., 1965, стр. 185—191).

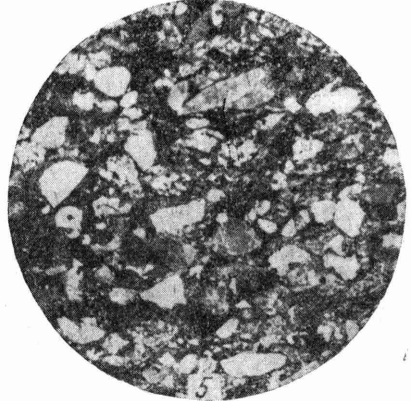
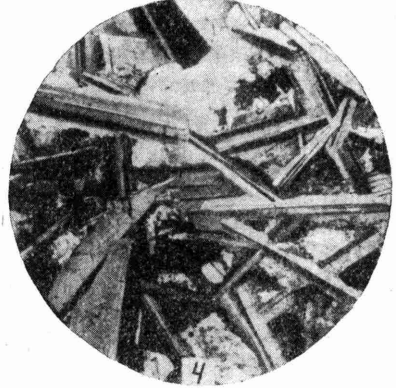
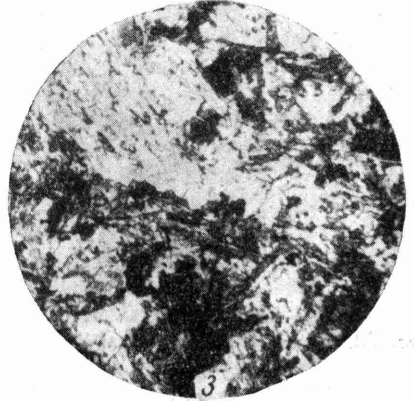
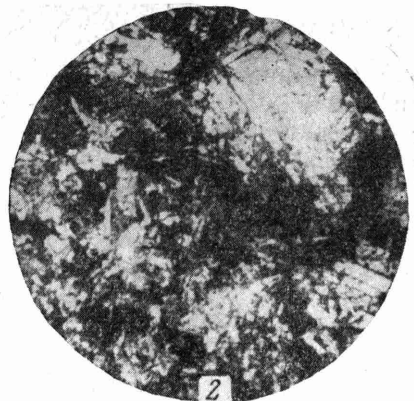

Рис. 19. Микроструктуры различных пород и крупное тесло трипольского типа из окрестностей г. Кривого Рога (6 — натуральный размер). Фотографии прозрачных шлифов: 1 — измененный диабаз нижнедунайского типа. Кусок сырья. Вулканешты. Николи скрещены, ув. $\times 8$; 2 — диорито-диабаз порфировой структуры. Обломок орудия. Усатово. Николи скрещены, ув. $\times 20$; 3 — измененный диабаз. Топор. Каменец-Подольский музей. Николи скрещены, ув. $\times 20$; 4 — свежий диабаз приднепровского типа. Обломок топора. Снегиревский район. Николи скрещены, ув. $\times 20$; 5 — «зеленый сланец» — метапесчаник. Зернотерка. Вулканешты. Николи скрещены, ув. $\times 8$

морфизованным кварцевым порфиром и, наконец, микрокварцитом с мелкими зернами биотита, турмалина, циркона, магнетита и апатита. Все эти породы, как и диабазы, обнажаются именно на правобережье Нижнего Дуная, в Северной Добрудже ⁶.

Преобладающий в материалах гумельницких памятников Советского Пондунавья желтый (первоначально серый и легко краснеющий в результате поверхностной дегидратации, нагрева и т. п.), часто полосчатый кремнь окрашен тонкодисперсной примесью гидроокислов железа и карбоната (положительная реакция с HCl). Обычно только просвечивающий в тонких обломках, он резко отличается по облику и структуре от коренных верхнемеловых и переотложенных алювиальных кремней рек Днестра и Прута. Этот кремнь имеет, несомненно, юго-западное происхождение, вплоть до предбалканского плато, возможно даже добруджинское. В Добрудже кремненосны отложения оксфорда и лузитана, белые и желтоватые известняково-песчанистые и мергелистые образования «серии Доложман» (турон — нижний сенон), которые в Бабадагской впадине содержат много кремнистых стяжений, в Южной Добрудже — отложения маастрихта (а в Болгарии — и датского яруса) и окремненные песчаники эоцена ⁷. Показательно,

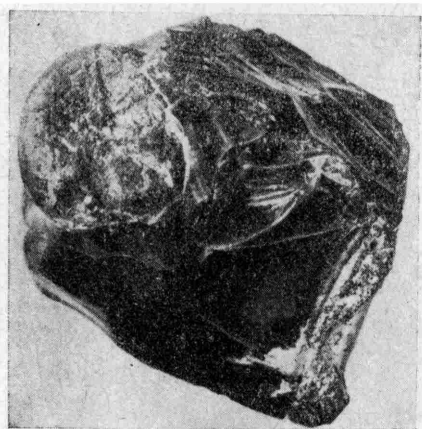

Рис. 20. Нуклеус с окаменелостью — морским ежом.
Натуральный размер

что единственная крупная окаменелость, присутствующая в нуклеусе желтого кремня из Озерного (рис. 20), представлена морским ежом рода *Echinogissus Breunius*. На территории Болгарии и Южной Добруджи эта форма пока неизвестна, но О. И. Шмидт, любезно определившая это ископаемое, считает возможным датировать вмещающие его слои меловым периодом (в Средней Азии эти ежи встречаются главным образом в слоях сеноманско-коньякского возраста ⁸).

Наконец, добруджинским является, по-видимому, также материал плоского шлифованного топора из Вулканешт (черный пелитоморфный кремнистый известняк алевропелитовой структуры из мелких зерен карбоната с примесью редких обломков кварца, чешуек серицита и глинистого вещества) и обломок плитки темно-серого с белыми кальцитовыми прожилками известняка. Аналогичные породы обнажаются в области развития триасовых и юрских отложений на правом берегу Дуная, частично и на левом, у бывшего Ферапонтова монастыря близ г. Измаила ⁹.

Близкие по форме и функциональному назначению шлифованные топоры, тесла и долота, которые в нашей археологической литературе обычно именуются сландцевыми, широко распространены у раннеземледельческих

⁶ Н. Онческу. Указ. соч., стр. 50—53, 63 и др. Единственный в юго-западной части Северного Причерноморья на территории СССР выход изверженных пород на левобережье Дуная представлен не диабазом, как это принято считать (О. С. Вялов и Л. Г. Ткачук. Про виходи древніх порід в околицях Ізмаїла. ГЖ, т. XIII, в. 4, 1953, стр. 78), а измененным лампрофиром. Первобытные мастера игнорировали этот материал как возможное сырье для топоров и т. п. орудий.

⁷ Н. Онческу. Указ. соч., стр. 66, 72, 73, 85, 87.

⁸ О. И. Шмидт и С. И. Симяков. Верхнемеловые морские ежи юго-востока Средней Азии. Палеонтологический сб. I, 1953. «Тр. ВНИГРИ», нов. сер. вып. 66, стр. 4.

⁹ Н. Онческу. Указ. соч., стр. 57—63; О. С. Вялов и Л. Г. Ткачук. Указ. соч., стр. 76, 77.

племен и встречаются на огромной территории. На Юго-Западе СССР это в массе своей отнюдь не метаморфические образования, а осадочные породы преимущественно карбонатного состава. Условно, учитывая существование промежуточных и переходных разновидностей, здесь выделяются следующие главные типы пород:

1. Известково-магнезиальные карбонатные породы (известняки, доломиты, мергели и смешанные карбонатно-обломочные породы, нередко с белой «сеткой» отпечатков, оставленных корневой системой растений, облекавшей и разлагавшей карбонат).

2. Кремнеземистые известково-магнезиальные карбонатные породы, в которых содержание SiO_2 , образующего своеобразный аутигенный «скелет» породы, колеблется от 20 до 50%.

3. Известковисто-кремнистые (глинисто-известковисто-кремнистые или карбонатно-опоковые, доломитисто-кремнистые и т. д.) породы, в которых содержание аутигенного SiO_2 превышает 50%. В почве они нередко интенсивно меняют свой состав за счет избирательного выщелачивания карбонатов поверхностными растворами, вторичного ожелезнения и т. д. Эти породы можно разделить на два подтипа: а) макроскопически однородный и б) содержащий тонкие (1—1,5 мм, реже более крупные) прожилко-прослои и пятнообразные обособления более темноокрашенного кремнистого материала.

Представление о характере изменений, которым подвергаются породы третьего типа даже непосредственно в культурном слое, дает таблица 3 (рис. 18, 7). Глубокое выщелачивание меняет не только окраску, но также пористость, объемный вес, вязкость, состав подобных пород¹⁰, чем отчасти и объясняется разницей в их наименовании¹¹.

Пелитоморфные кремнеземистые известняки часто встречаются в естественных плитках, удобных для дальнейшей утилизации, отличаются повышенной твердостью по сравнению с чистыми известняками (иногда даже «искрят» при ударе сталью, как, например, небольшое тесло из Флорешты, № 784). Однако орудия из этих пород даже в пределах одного памятника (Флорешты, Ленковцы)¹² от образца к образцу обнаруживают такие вариации окраски, структур, состава, которые могут объясняться только использованием сырья различных, нередко достаточно удаленных друг от друга месторождений или обнажений. Так, среди тридцати целых и фрагментарных топоров, тесел и долот из карбонатных пород Флорешты, внешне однотипных по составу, отмечены: 1) доломитизированный известняк с незначительной примесью кварца (слой Боян, № 41); 2) мергели, почти лишенные кремнеземистого скелета¹³ (культура линейно-ленточной керамики, № 648); 3) светло-серый кремнеземистый известняк (пол. № 2168) с незначительной примесью кластогенного кварца (менее 2%) и глауконита, но достаточно высоким, как показали тест с HCl и результаты спектрального анализа (таблица 4, 5) общим содержанием SiO_2 . Последний образец в

¹⁰ Образования типа кремнеземистых мергелей Днепровско-Донецкой впадины («Справочное руководство по петрографии осадочных пород», том 2. Осадочные породы. Л. 1958, стр. 316, 317).

¹¹ «*Magna calcaroasa*» и «*silex calcaros*» неолитических индустрий Румынии отвечают породам первого и второго-третьего типов предлагаемой схемы (см., например, R. Vulpe. Izvoare. Separaturile din 1936—1948. Ed. Ac. RPR. Bucuresti, 1957, стр. 148, 246 (фиг. 252, 368)).

¹² Т. С. П а с с е к. Раннеземледельческие (трипольские) племена Поднестровья. МИА, № 84, 1961, стр. 134—203; Е. К. Черниш. Раннеотрипольские поселения Ленківці на Середньому Дністрі. АН УССР. Київ, 1959, стр. 52. Предметы коллекции из Флорешты хранятся в фондах Института археологии АН СССР.

¹³ При растворении в соляной кислоте на холоде мелких осколков карбонатных пород известняки и мергеля разрушаются довольно быстро, оставляя в капле HCl в лучшем случае агрегат разрозненных хлопьев глинистых минералов. Зато существенно кремнеземистые разновидности сохраняют форму осколков даже после того, как весь карбонат реагирует с кислотой, — прозрачный халцедоноопаловый кремнеземистый «скелет» породы не дезинтегрируется.

отличие от темноокрашенных¹⁴ кремнисто-карбонатных образований (таблица 4, 1—4, 6—9) имеет (судя по обильным реликтам спикул, замещенных карбонатом) верхнемеловой возраст (породы такого типа широко распространены в Поднестровье и Прикарпатье)¹⁵. В фондах Каменец-Подольского, Черновицкого, Тернопольского и Ивано-Франковского музеев преобладают тесла и топоры, сходные по материалу с породами области развития верхнемеловых и третичных отложений¹⁶.

По мере движения к Днепру число орудий такого состава в фондах местных музеев постепенно сходит на нет, хотя отдельные экземпляры и встречаются далеко на востоке. Например, типично трипольское по типу и материалу орудие (рис. 19, 6) из бассейна р. Сакагани (г. Кривой Рог) найдено более чем в 300 км от вероятного места добычи сырья (рис. 17). После этого не приходится удивляться нахождению тесел и топоров из пород второго-третьего типа на юге Ровенщины (села Листвин, Млинивцы, Мирогоща, Костянец, г. Острог и т. д.) или на Южном Буге (по материалам коллекций В. П. Цыбескова и Н. С. Гасюка¹⁷), где подобных кремнеземистых известняков вообще нет, а также в Закарпатье.

Вряд ли случаен тот факт, что мергель крупного тесла поселения у Березовской ГЭС (жилище 4, глубина 55/81 см) близок вполне определенной породе орудий Флорешты (таблица 4, пробы 8 и 10). Конечно, подвергавшийся анализу материал относительно невелик для окончательных выводов, но совпадение содержания таких элементов-примесей, как Mn, Ba, Pb, Sr, Ga и V достаточно показательно. Одно из орудий Флорешты идентично серии изделий раннетрипольского поселения у Березовской ГЭС — тесло из светло-зеленого иллит-кварцевого алевропелита (№ 3117) с мелкой точеной карбонатизацией и редкими, псаммитовой крупности зернами кварца. Близкие по окраске и составу тонкоплитчатые породы обнажаются, например, в долине р. Дырло у Могилев-Подольска, но и для окрестностей Флорешты, и для Южного Буга это принесенные породы.

Вместе с тем подавляющее большинство каменных орудий поселения у Березовской ГЭС изготовлено из различных метаморфических и магматических местных пород: гнейсов, мигматитов, кварцитов, гранитов, пегматитов, чарнокитов. Исключительны по составу сверленные орудия из офикальцита — силикатного доломито-кальцитового мрамора, добывавшегося в районе современного с. Завалье в 6 км к северу от поселения. Большинство зернотерок с трипольского поселения Сабатиновка I (хранящиеся в ОГАМ) изготовлены из специфических южнобужских пород — кварцево-магнетитовых кварцитов.

Геологическая рекогносцировка, произведенная автором летом 1965 г., подтвердила, что эти красно- и ржаво-черные породы только на участке между селами Сальково и Хошеватая дважды обнажаются на берегах Южного Буга. Разбитые трещинами на небольшие плиты, они легко извлекают-

¹⁴ В долине Днестра разрез отложений палеозоя к западу устья р. Студеницы уже обнажает кремнеземисто-карбонатные породы. Долина р. Прут почти всюду вскрывает третичные отложения, в основании которых темноокрашенные известняки встречаются редко (например, у с. Костешты Единецкого района МССР или у с. Цыганка на север от г. Кагула), зато галька принесенных сверху черных пелитоморфных известняков в аллювии р. Прут к северу от современных границ Молдавской ССР не так уж редка.

¹⁵ В. Н. Колтун, Ю. Н. Сеньковский. О гипергенезе меловых пород Вольно-Подольской плиты. ДАН СССР, т. 116, № 4, 1965, стр. 931—933.

¹⁶ Грубослоистые (белые с прослоями серого шероховатого материала) известняки отдельных специализированных орудий Ленковцев (Е. К. Черниш. Указ. соч., стр. 53, табл. IV, 11, 14, 16, лезвийная часть клевета из раскопа Ia, кв. 5г) обнаруживают помимо примеси зерен кварца, опаловых спикул, циркона, глинистых минералов, также заметное количество вулканического пепла с показателем преломления стекла 1,495—1,499, что указывает, по-видимому, на третичный возраст описываемых пород.

¹⁷ В. П. Цыбесков. Трипольское поселение возле Березовской ГЭС. КСОПИ ОГАМ, Одесса, 1964, стр. 30—32; Н. С. Гасюк. Разведки раннетрипольских поселений у с. Могильно. КСИИМК, вып. 54, 1954, стр. 173—175.

ся из коренных выходов и почти не требуют специальной обработки перед использованием в качестве зернотерок. Породы эти внешне похожи, с одной стороны, на некоторые магнетитовые кварциты криворожского типа, а с другой — на так называемые карандашные гнейсы. Структурное сходство с ними и объясняет причину широкого использования магнетито-кварцевой породы в зернотерках. Многократная смена длинных кварцевых (твердость по шкале Мооса 7) слоев-столбиков магнетитовыми (твердость 5, 5—6),

Таблица 1

Сравнительная петрографическая характеристика разновозрастных конгломерато-песчаников Северной Добруджи

Название	Возраст	Цвет	Состав обломков и цементирующей массы
Конгломерато-песчаники	Пермо-карбон	Красно-фиолетовый до серого	Обломки: граниты, кварциты, порфирит, известняки девона, «зеленые» сланцы, жильный кварц. Прослой диабазовых туфов. Секущие кварцевые жилки, дайки порфиров, диабазов, пегматитов. Цемент кварцевый.
Конгломераты	Нижний триас	Красный, красно-зеленый	Изверженные породы, белые, черные, красные и зеленоватые кварциты. Девонские и пермо-карбонные сланцы. Цемент кремнистый
Конгломерато-песчаники	Нижний мел	Желтый, красный	Кварц жильный, полевые шпаты (аркозы). Цемент кварцевый
Галечнико-конгломераты	Верхний триас	Серый	Кварц, кремнистый песчаник, «зеленые» сланцы, юрские известняки, изверженные породы. Цемент глинисто-карбонатный (в альбе — с глауконитом)
Конгломераты	Верхний мел	Желтый	Гальки палеозойских, триасовых и юрских (карбонатных, песчаных и т. д.) пород, «зеленых» сланцев, изверженных пород. Цемент глинисто-карбонатный
Конгломерато-песчаники	Эоцен	Коричнево-желтый	Кварц, юрские и меловые известняки, «зеленые» сланцы, кремни переотложенные. Цемент железисто-кремнистый.

различная их ориентировка в каждой паре обработанных камней (не только вдоль оси ладьевидных зернотерок, но также поперек нее, под углом или даже перпендикулярно рабочей поверхности), известная пористость породы, несомненно, способствовали большей технологической эффективности изделия по сравнению с зернотерками, скажем, из гнейса. Большой объемный вес камней, особенно важный для верхних курантов, обеспечивал лучший истирающий эффект при меньшей затрате сил, — кварцево-магнетитовая¹⁸ порода тяжелее любой другой породы в долине Южного Буга. Удельный вес магнетита достигает 5,2, что почти вдвое превышает удельный вес кварца и полевого шпата.

Небольшая плитка-палетка серого магнетитового кварцита с позднетрипольского поселения у с. Усатова (фонды ОГАМ, № 68932) не обнаруживает ничего общего с породами описываемого района. Тонкослоистая, с порфириобластовой гетеронематогранобластовой структурой она состоит из роговикового кварца, магнетита в рассеянных зернах и полиэдрических сростках (рис. 18, б) и игольчатого куммингтонита. Порода неотличима от магнетитовых кварцитов-роговиков Кривбасса, в частности 6-го железисто-горизонта¹⁹. Однако считать ее доказательством существования прямых культурных связей между позднетрипольскими насельниками окрестностей Куяльницкого лимана и бассейна р. Ингулец было бы преждевременно.

¹⁸ Состав примесей в магнетите зернотерок из Сабатиновки и Березовской ГЭС (таблица 4, 12 и 13) показывает полное совпадение с элементами-примесями магнетита аналогичных пород Побужья. (В. Б. К о в а л ь, Деякі дані про склад магнетиту докембрійських порід Середнього Побужжя. ГЖ, т. XXII, вып. 6, 1963, стр. 99).

¹⁹ В. Ф. Петрунь, Б. И. Пирогов. Формирование карстово-суффозионных пустот в железорудных породах Криворожья. ИВУЗ ГИР, 1962, № 5, стр. 26.

Сравнительная петрографическая характеристика метапесчаников и метагравелито-конгломератов свиты докембрийских «зеленых» сланцев с Добруджи и материала зернотерок гумельницкой культуры с территории СССР

По данным Н. Григораша и Т. Дэнца *	По результатам изучения 30 фрагментированных и целых зернотерок (21 прозрачному шлифу)
<p>Состав псаммитовой фракции: кварц, плагиоклаз (альбит-олигоклаз), сфен, апатит, рутил, эпидот, мусковит.</p> <p>В обломках конгломератов: гранит (с гранофиоровыми и графическими структурами), кварц-полевошпатовые порфиры, разнозернистые диабазы, кварциты с серицитом и без, слюдястые сланцы, гнейсы, метапесчаники, кремнистые песчаники типа «шерт».</p> <p>Структура: псаммитовая и псефитовая.</p> <p>Состав цемента: кварц, серицит, хлорит.</p>	<p>Состав псефо-псаммитовой фракции: кварц, полевые шпаты (альбит, олигоклаз, ортоклаз, пертитизированный и пелитизированный), обычно с искривленными двойниковыми швами, циркон, лейкоксен, магнетит, карбонаты, эпидот и цокизит, апатит, биотит, серицит, хлорит, рутил, хромшпинелид (одно зерно), турмалин, мусковит, амфибол.</p> <p>В обломках: жильный кварц, гранит, гранит-пегматит, кварцит, микрокварцит, серицито-кварцевые сланцы, эффузивным типа диабаз и альбитофира, порфиройд, гнейсы, метаалевролиты, метапесчаники</p> <p>Количество цемента меняется от 35 до 65%.</p> <p>Структуры пород в целом: blastoaleвропсаммитовая, неравнозернистая, blastoпсаммопсефитовая</p> <p>Текстура: от массивной до сланцеватой.</p> <p>Структура и состав цемента: серицит, кварц, хлорит, blastoалевролитовая, граволепидобластовая с субпараллельным расположением чешуек алюмосиликатов и «тенями давления», увеличивающими прочность породы. Типичные структуры: рис. 2, 1, 2, 3; Рис. 2, 5.</p> <p>Иногда — секущие прожилки кварца, эпидота.</p>

* Григораш, Т. Дэнц. Изучение Добруджских зеленых сланцев. «Revue géologique et géographique», 1962, т. 6, № 1, стр. 21—30. Район Чокракчиу.

Таблица 3

Результаты химического анализа материала тесел-топоров (в весовых%)

№	Названия пород и орудия	Местонахождение	Компоненты					
			SiO ₂	Al ₂ O ₃	Fe ₂ O ₃	FeO	CaO	П.п.п.
1	Кремнистый известняк, топор	Вуджанешты	44,10	0,85	1,04	0,76	28,17	24,24
2	Карбонато-кремнистая порода, свещая. Долоито (?)	Могильно	63,30	0,84	0,18	0,86	17,66	15,49
3	То же, орудие. Зона гипергенного выщелачивания		90,10	0,68	0,80	1,02	1,46	4,02
4	То же, орудие. Зона ожелезнения по выщелоченной породе		92,00	1,08	2,03	0,50	0,85	2,95
5	Вторично выщелоченная и ожелезненная карбонатно-кремнеземистая порода, топор	Барышко-вцы	89,29	1,32	3,03	0,50	0,50	4,02

П.п.п.— потеря при прокаливании.

Химическая лаборатория Южного горнообогатительного комбината, аналитик Н. Ф. Галкина.

Почти весь камень орудий из довоенных раскопок в районе с. Усатово²⁰ (кремень, в том числе белый, которому приписывалось крымское происхождение), красный песчаник, диабаз, пелитоморфные карбонатные породы, мрамор и т. д., хранящийся в фондах ОГАМ, имеет или местное или западное (Днестровский лиман, низовья Дуная), но не восточное происхождение (рис. 17). А так как магнетитовый кварцит палетки по ряду признаков (прочность, характер гипергенного изменения) неотличим от джеспилитовых валунов, спорадически встречающихся в пластах понтического известняка Жеваховой горы или Кривой Балки под Одессой²¹, правильной считать,

²⁰ М. Ф. Болтенко. Стратиграфия и хронология Большого Куяльника. МАСП, вып. I, Одесса, 1957, стр. 24.

²¹ И. Ф. Сицков. Гидрогеологическое описание Одесского градоначальства. ЗНОЕ, т. XVIII, в. 2, 1894, стр. 18, 19.

Таблица 4

Результаты спектрального анализа пород и минералов из орудий эпохи неолита-энеолита
(Лаборатория спектрального анализа ВСЕГЕИ)

Элементы	№ пробы												
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
Si	О	О	О	О	О	О	О	О	О	О	О	Д	Д
Al	ДТ	Д	Х	Х	ДТ	Х	ХТ	Х	ХТ	Х	Х	Т	Т
Mg	ДТ	Д	Д	ДТ	СТ	ДТ	Х	ДТ	ДТ	ДТ	ДТ	Т	Н
Ca	О	О	О	О	О	О	Х	О	О	О	О	Т	Т
Fe	ДТ	ДТ	СТ	ДТ	Д	ДТ	ХТ	ДТ	Х	ДТ	ДТ	О	О
Ba	С	С	—	СТ	—	Д	СТ	Д	С	СТ	СТ	—	—
Be	—	—	—	—	—	—	Н	—	Н	—	—	—	—
Ti	С	СТ	Д	СТ	ТТ	СТ	Д	Д	Д	Д	Д	—	—
Cr	—	—	?	—	—	Т	?	Т	Т	?	Т	—	—
Pb	—	—	?	—	—	—	—	Н	Н	—	Н	—	—
Mn	ДТ	Д	ТТ	С	СТ	С	СТ	ТТ	С	Н	Н	ТТ	Т
Ga	—	—	Н	Н	—	Н	Т	Т	Т	Т	ТН	—	—
V	—	—	Т	Н	Т	Т	ТТ	Т	Т	Н	Т	—	—
Mo	—	—	—	—	—	—	—	—	Н	—	—	—	—
Ag	Н	—	—	—	—	—	—	—	—	?	—	—	—
Cu	Н	Н	Н	Н	Н	Н	Н	Т	Т	Н	Н	—	—
Na	ДТ	ДТ	ДТ	Д	Д	Д	ДТ	ДТ	ДТ	ДТ	Д	—	—
Zn	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	ТТ
Y	Н	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Ni	Н	Н	Н	Н	Н	Н	Т	Н	Т	Н	Н	—	ТТ
Zr	Т	ТТ	Т	Т	Т	Т	С	ТТ	ТТ	Т	Т	—	—
Co	—	—	—	—	—	—	Т	—	Н	—	—	—	—
Sr	СТ	СТ	СТ	С	С	СТ	С	СТ	СТ	СТ	СТ	—	—

Примечание: Н — 0,001%; Т — 0,001—0,003%; ТТ — 0,003—0,01%; С — 0,01—0,03%; СТ — 0,03—0,1%; Д — 0,1—0,3%; ДТ — 0,3—1,0%; Х — 1,0—3—3,0%; ХТ — 3,0—10,0%; О — свыше 10,0%. Пробы 1—9 — карбонатные породы орудий поселения Флорешты, 10 — Оселивки, 11 — Березовской ГЭС, 12 и 13 — магнетит вернотерок Сабатиновки I и Березовской ГЭС.

что эта порода была найдена аборигенами где-то в окрестностях поселения, а не принесена непосредственно из-под Кривого Рога. В последнем случае почти наверняка была бы выбрана плитка несколько иной структурно-минералогической характеристики.

В результате археолого-петрографических исследований для одних орудий раннеземледельческих культур на Юго-Западе СССР могут быть установлены лишь общие ареалы распространения соответствующего материала, для других — локальные районы добычи и использования необходимого сырья (например, берега Днестровского лимана, Северная Добруджа, Среднее Побужье между городами Первомайском и Гайвороном), для третьих — точные места ломок (обнажения офикальцитов у сел Завалье и Хошеватая).

Е. К. ЧЕРНЫШ

ТРИПОЛЬСКИЕ МАСТЕРСКИЕ ПО ОБРАБОТКЕ КРЕМНЯ

При раскопках трипольских поселений кроме законченных орудий постоянно встречались отбойники, ретушеры, нуклеусы, пластины, отщепы, обломки кремня и заготовки орудий. Длительное время исследователи не придавали этому должного значения. Даже в сводной работе Б. Л. Богаевского, специально посвященной орудиям, вопрос об их изготовлении затронут лишь вскользь¹. Процесс изготовления трипольских орудий длительное время почти не изучался, поэтому, когда в Поднестровье впервые обнаружили мастерские, то их восприняли как остатки поселений докерамического неолита. Заготовки крупных орудий, внешне напоминающие пик и траншеи культуры кампиньи (рис. 21, 1, 2), были искусственно отделены М. Я. Рудыньским и Е. Ю. Кричевским от всего остального комплекса находок²; так, в конце 20-х годов возникло представление об украинской неолитической культуре типа кампиньи³. Вопрос этот был пересмотрен лишь после накопления новых материалов и более полного обследования днестровских мастерских⁴.

Изделия из различных днестровских пород, как недавно удалось установить геологу В. Ф. Петруню, распространялись среди трипольских племен далеко на восток⁵. Это явление вполне закономерно, так как на всей территории трипольской культуры только среднее течение Днестра изобилует коренными обнажениями кремнесодержащих пород⁶. Сравнительная легкость добычи и хорошее качество кремня способствовали тому, что жители этого района начали изготавливать изделия из кремня для обмена.

В Поднестровье даже в раннетрипольское время поселки обычно располагались у выходов кремня и других пород, применявшихся для изготовления различных орудий. При разработке их применялись роговые кирки, которыми также рыли ямы при строительстве жилищ и при добыче глины. Кирки из рога благородного оленя обнаружены в жилищах различных этапов развития трипольской культуры (рис. 21, 8).

¹ Б. Л. Богаевский. Орудия производства и домашние животные Триполья. Л., 1937, стр. 43.

² Е. Ю. Кричевський. Ранній неоліт і походження трипільської культури, сб., «Палеоліт і неоліт України», т. 1, Київ, 1947, стр. 351.

³ М. Рудинський. З матеріалів до передісторії Поділля. «Антропология», т. II, Київ, 1928; Он же. Деякі підсумки та ближчі завдання палеонтологічних вивчень у межах УРСР. «Антропология», т. IV, Київ, 1931; Е. Ю. Кричевський. Указ. соч.

⁴ Т. С. Пассек. Трипольские поселения на Днестре. КСИИМК, вып. XXXII, 1950, стр. 53—55.

⁵ В. Ф. Петрунь. К петрографическому определению состава и районов добычи минерального сырья раннеземледельческими племенами Юго-Запада СССР. См. настоящий выпуск.

⁶ П. Г. Бондарчук. Геология Украины. Київ, 1959, стр. 251, 252.

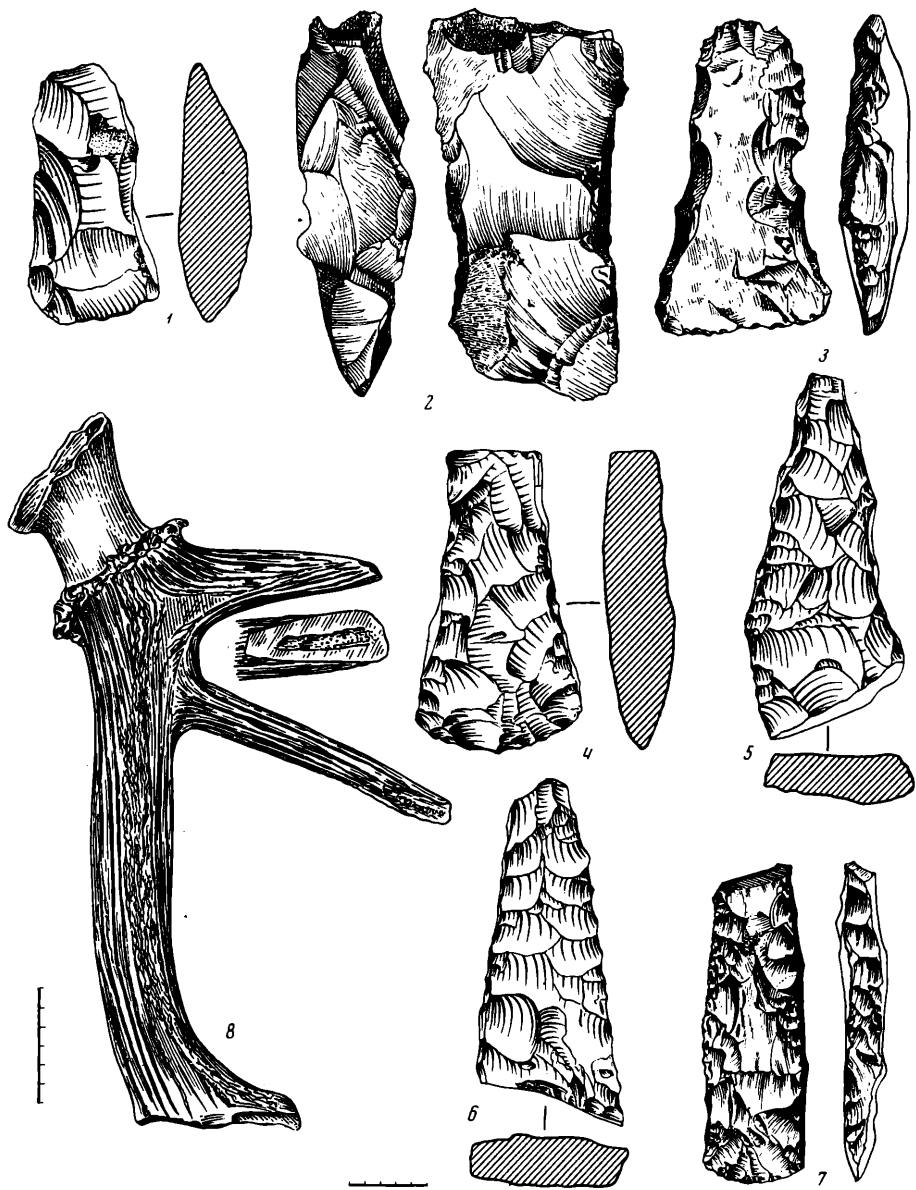

Рис. 21. Заготовки кремневых топоров и роговая мотыга

1, 4 — Копанка; 2, 5, 6, 7 — Кормань; 3 — Каплевка; 8 — Берново-Лука, землянка; изделие из рога

Скопление кремневых отходов производства указывает на то, что орудия изготавливались либо в самих жилищах, либо возле них. В землянках работали возле огня, поэтому вблизи очагов находят инструменты, которыми обрабатывали кремль (отбойники, отжимники, ретушеры), а также — нуклеусы и некоторые готовые орудия. Отщепы и мелкие осколки кремня вместе с обломками костей и прочим мусором сметены, как правило, в одну кучу к стене. Такая картина прослежена в раннетрипольских поселениях у с. Ленковцы, Барново-Лука, а в более позднее время — в Поливановом Яру, Незвиске и др.

В Ленковцах (Черновицкой обл., УССР) во всех полуземлянках, и больших и малых, у очагов находились кучи из обломков костей, фрагмен-

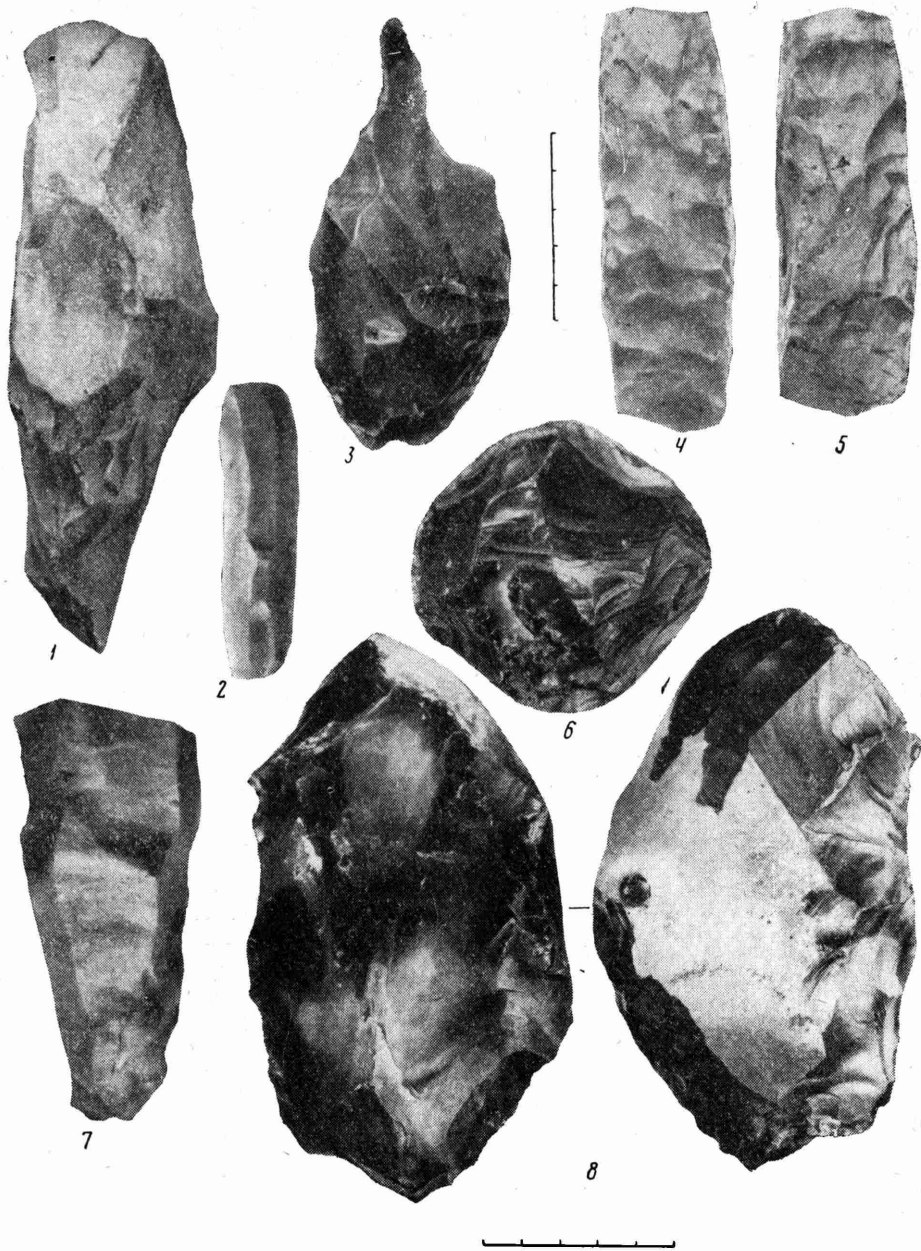

Рис. 22. Орудия из кремня:

1, 7 — Ожево; 2, 4, 5 — Шибутинцы; 3, 6, 8 — Бодаки

тов керамики и кремневых отщепов⁷. Например, в полуземлянке № 1 площадью в 30 м² обнаружено около 150 орудий, 8 отбойников, 7 ретушеров, 48 нуклеусов, 1200 отщепов, обломков и пластин серого местного кремня. Здесь же найдено 26 изделий, вырезанных из кости. В полуземлянке № 5, размером всего в 5 м², содержалось 25 кремневых орудий, 1 отбойник, 4 нуклеуса, 273 отщепа, обломка и пластины.

⁷ Е. К. Черниш. Ранньотрипільське поселення Ленківці на середньому Дністрі. Київ, 1959.

В наземных жилищах участки для обработки кремня находились у стены внутри или снаружи дома. При раскопках ленковского поселения, площадью в 40 м², обнаружено 2 кремневых инструмента, 3 отбойника, 7 нуклеусов, 24 отщепа и пластины. На площадке № 2, величиной в 100 м², находилось 30 орудий, 26 нуклеусов, 420 отщепов и пластин.

Такое же явление наблюдалось и при раскопках жилищ расцвета трипольской культуры. Например, в Незвиско (Ивано-Франковской обл., УССР) в полуземлянке № 10 величиной в 5 м² было 9 заготовок крупных рубящих орудий, 19 мелких кремневых инструментов, 2 отбойника, 6 нуклеусов. Большое скопление отщепов и обломков кремня располагалось у жилища на площади в 2 кв. м⁸.

В Поливановом Яру (Черновицкой обл., УССР) на одной из больших площадок раскопа III обнаружено 3652 экз. кремня, из которых на орудия приходится только 338. У восточного края жилища лежало 5 шлифовальных камней из песчаника, а неподалеку от них — 6 тесел⁹.

В Незвиско рабочий участок хорошо сохранился на площадке № 6. Скопление отщепов, костей животных и битой посуды обнаружено у северо-западной стороны дома на пространстве в 4 м². В самом жилище найдено 25 заготовок рубящих орудий, 5 тесел, 1 долото, 35 небольших кремневых изделий, 21 отбойник, 9 нуклеусов и небольшое количество отщепов и пластин.

Для обработки камня у каждого дома в Незвиско было устроено небольшое возвышение прямоугольной формы длиной не более 1,5 м. Устраивались они по одному образцу. Основа выкладывалась крупными речными гальками или плоскими камнями. Образовавшаяся таким путем каменная платформа обмазывалась глиной с примесью песка и обжигалась. Когда производился ремонт, то трещины в глине засыпались землей, а сверху накладывался новый слой сырой глины и обжигался. Такие возвышения неоднократно подправлялись и каждый раз их подсыпали землей, насыщенной отщепами кремня (рис. 23, 2). Землю брали с участка, на котором постоянно обрабатывали кремень у данного глинобитного возвышения. Возможно, это имело определенное магическое значение, так как подсыпка землей с отщепами была произведена при ремонте всех возвышений, связанных с местом обработки кремня.

Во время раскопок в Поливановом Яру и Незвиско удалось обнаружить не только участки для обработки кремня в жилищах, но и мастерские между домами, где обрабатывалось принесенное сырье. Такие мастерские представляют собой участки, сплошь усыпанные обломками и отщепами кремня, кремневыми желваками, заготовками крупных и мелких орудий.

В Поливановом Яру был расчищен участок величиной около 8 м², на котором находилось свыше 5000 кремневых отщепов, осколков, пластин и очень мелких чешуек (700). Здесь же лежало 30 крупных желваков кремня, предназначенных для изготовления орудий. По технике изготовления и заготовки и орудия, найденные в мастерской, полностью соответствуют кремневым изделиям из жилищ¹⁰.

В Незвиско крупные обломки кремня, отщепы, заготовки деревообрабатывающих орудий (38 экз.) были сосредоточены на площади около 30 м² и образовывали слой толщиной до 30 см (рис. 23, 1). То, что на территории мастерской найдены в основном крупные обломки и отщепы, а на рабочих участках в домах этого же поселения — мелкие отщепы, позволяет заклю-

⁸ Е. К. Черныш. К истории населения энеолитического времени в Среднем Поднестровье. МИА, № 102, 1962, стр. 43.

⁹ Т. С. Пасек. Раннеземледельческие (трипольские) племена Поднестровья. МИА, № 84, 1961, стр. 109.

¹⁰ Т. С. Пасек. Итоги работ Трипольской (Днестровской) экспедиции. КСИИМК, вып. XLV, 1952, стр. 11, 12; Она же. Раннеземледельческие (трипольские) племена... стр. 128—130.

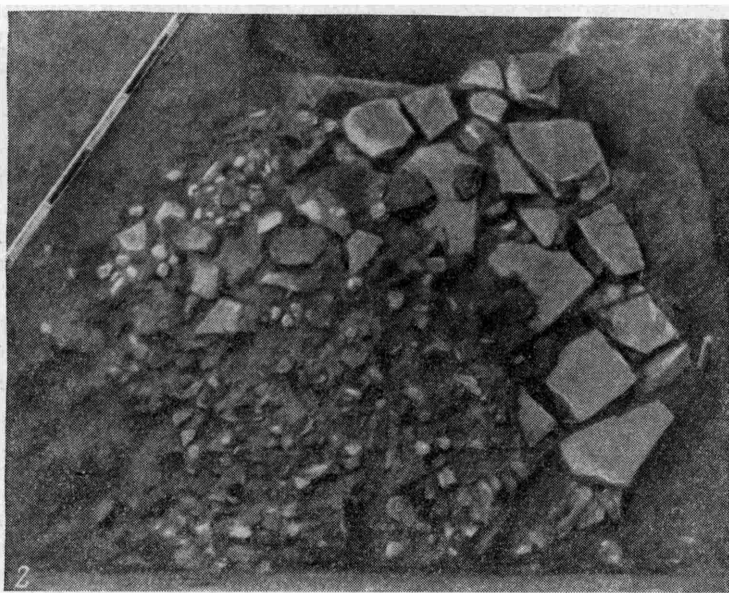
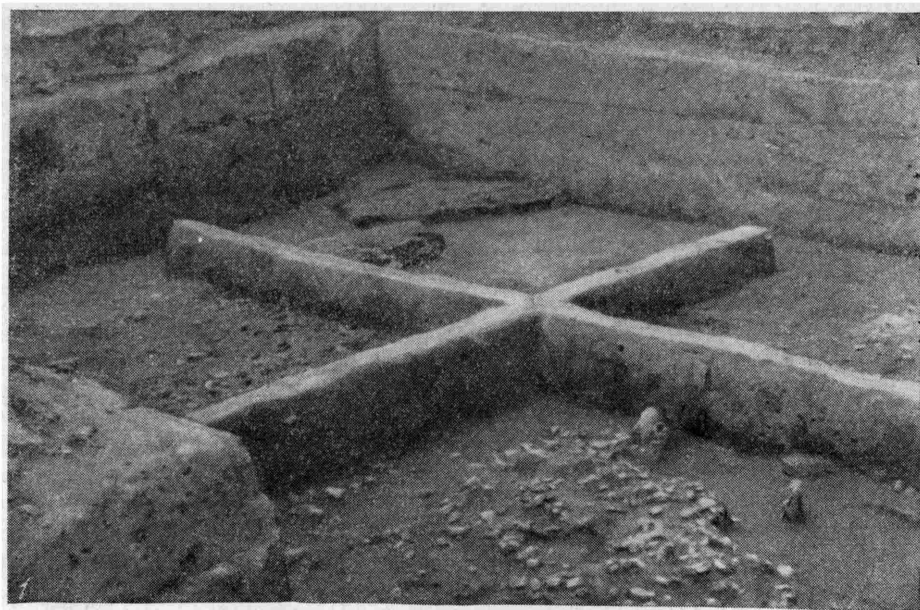

Рис. 23. Незвиско:

1 — участок коллективной мастерской между жилищами; 2 — глинобитная площадка на каменном фундаменте в жилище XIII

чить, что в мастерских выделывались только заготовки орудий, а в жилищах их окончательно отделывали¹¹.

В Поднестровье коллективные мастерские начали возникать со времени овладения трипольскими племенами техникой изготовления рубящих орудий из кремня. Такие мастерские известны в Поливановом Яру, Незвис-

¹¹ Е. К. Черныш. К истории населения энеолитического времени в Среднем Поднестровье. МИА, № 102, 1964, стр. 45.

ке, Копанке, Криничках, Селище и других пунктах, датируемых этапом В₁, по Т. С. Пассек. С развитием экономики и увеличением обмена между трипольскими племенами жители Среднего Поднестровья одними из первых начали расширять территорию своих владений. Они продвинулись вверх по Днестру, а несколько позднее — на Горынь, где начали добывать высококачественный вольтинский кремль. Примером могут служить поселения и мастерские у с. Комарово (урочище Кринички), у с. Бабино (урочище Попово Поле), Незвиско и другие на Днестре, а Также Бодаки на Горыни, относящиеся к концу этапа В₁₁, по Т. С. Пассек.

По имеющимся материалам в позднетрипольское время обитатели ряда поселков заготавливали кремль на значительном расстоянии от жилья. Так, жители поселения Ломачинцы (урочище Плита) добывали кремль в нескольких километрах, производя там первичную обработку его. Это место известно как мастерская у с. Ожево Черновицкой области УССР. Мастерская расположена в урочище Щовб на узком мысу плато, ограниченном с двух сторон глубокими оврагами. Площадь мастерской занимает мыс. Ее размер равняется 200 × 176 м. Она покрыта огромными кусками кремня, обломками и осколками его, отщепами, пластинами и испорченными заготовками.

Среди них встречаются достигающие в высоту 0,5 м грубо оббитые со всех сторон куски кремня, с которых откалывался кремль для заготовок крупных орудий. После первых сколов обычно выяснялась пригодность кремневой заготовки для дальнейшей обработки. Нередко в кремне обнаруживался скрытый дефект и едва начатая заготовка выбрасывалась (рис. 21, 1, 2). В мастерских находят забракованные или сломанные заготовки тесел, долот, клиновидных топоров, крупных сверл и некоторых других орудий. Окончательно отделанные орудия встречаются редко.

Куски кремня и грубо оббитые заготовки (рис. 21, 3) уносились для дальнейшей обработки в поселок. В мастерских, находящихся на территории поселка, встречаются заготовки орудий в различной стадии обработки — от первоначально грубо оббитых кусков кремня до заготовок, подготовленных к шлифовке (рис. 21, 4, 7). В настоящее время известны целые серии заготовок орудий, что позволяет судить о процессе их изготовления.

Заготовки основных видов кремневых орудий топоров и тесел обнаружены в различных стадиях обработки. Первоначально куску кремня придавались очертания, приблизительно соответствующие форме орудия. У таких заготовок топоров четко выделена сильно уплощенная обуховая часть, боковые грани сформованы довольно хорошо, а рабочий конец не оформлен (рис. 21, 2). Величина заготовок намного превосходит величину окончательно отделанных орудий. Большинство заготовок представлено экземплярами, находящимися на следующей стадии обработки. Вся поверхность их оббита более мелкими сколами, придающими заготовке уже совершенно определенную форму. Стороны заготовок становятся уплощенными и легко различаются широкообушные (рис. 21, 4) и узкообушные (рис. 21, 6) экземпляры. После такой обработки заготовки требовали совсем незначительной оббивки и шлифовки (рис. 22, 4, 5 и рис. 21, 7).

Шлифованные топоры, тесла, долота у обуха и на боковых гранях сохраняют следы оббивки; острые края сколов лишь незначительно сглажены в этих местах. Даже в позднетрипольское время орудия полностью не полировались.

В мастерских среди многочисленных отщепов и пластин находят заготовки для производства скребков, вкладышей, серпов, проколов, наконечников стрел и т. п. орудий.

В мастерских выделяли не только орудия из камня, но и рукоятки для них. Рукояток из рога и костей найдено ограниченное количество; видимо большинство их изготовлялось из дерева. Большинство рукоятей сделано из отростков рога благородного оленя. Известны также муфты для топоров,

изготовленные из трубчатых костей и рога. В мастерских находят довольно много обломков костей — заготовок лошил, шильев, лопаточек и др.

Время мастерских хорошо датируется керамикой, сопровождающей изделия из кремня. Кроме того, в мастерских найдены орудия и заготовки их таких же типов, что и в трипольских жилищах. По этому признаку С. Н. Бибииков относит к трипольскому времени пещеры на горе Белой в Каменец-Подольском районе на Днестре. В 1964 г. С. Н. Бибииков обследовал там горизонтальные выработки штольневого типа¹². При дальнейших исследованиях важно было бы отделить штольни трипольского времени от более поздних.

С развитием мастерских по обработке кремня запасы его у жителей поселков постепенно возрастали, о чем косвенно свидетельствуют те клады, которые периодически находятся в жилищах. Например, в Ленковцах при разборке раннетрипольского жилища № 1 у западной стены его обнаружены сложенные в кучку 7 заготовок нуклеусов¹³. В Незвиско при разборке глинобитного пола площадки № 2 этапа В₁ развития трипольской культуры найдено пять длинных тонких ножевидных кремневых пластин, уложенных стопкой. Видимо, в древности они были во что-то обернуты или связаны. Попадают и большие запасы кремня. Так, В. В. Хвойко у с. Халепье Киевской обл. на трипольском поселении найден сосуд, в котором содержалось 150 пластин длиной до 21 см¹⁴. Находки запасов кремня неоднократно отмечались исследователями. Обобщая данные о кладах каменных орудий на территории СССР, А. А. Формозов высказал предположение, что заготовки для орудий в виде крупных правильных ножевидных пластин были основным материалом для обмена кремнем¹⁵. Петрографические исследования кремня помогут уточнить вопрос о путях распространения кремня и других пород камня на территории трипольских племен.

¹² С. Н. Бибииков. Древние кремневые выработки на горе Белой в районе Каменец-Подольска. «Материалы сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований 1964 года в СССР (тезисы докладов)». Баку, 1965, стр. 56—58.

¹³ К. К. Черниш. Раннетрипольське поселення..., стр. 10.

¹⁴ В. В. Хвойко. Каменный век Среднего Приднепровья. «Труды XI археологического съезда в Киеве», т. I. М., 1901, стр. 774.

¹⁵ А. А. Формозов. Клады каменных орудий на территории СССР. «Archeologické rozhledy», 1958, sešit 5, стр. 644.

В. П. ТРЕТЬЯКОВ

ОБ УРАЛЬСКИХ ЭЛЕМЕНТАХ
НА ЯМОЧНО-ГРЕБЕНЧАТОЙ КЕРАМИКЕ
«ГЕОМЕТРИЧЕСКОГО» СТИЛЯ

В археологической литературе уже давно был затронут вопрос относительно связей между неолитическим населением современной территории Прибалтики, Карелии, Ленинградской области и Финляндии и племенами Урала и Зауралья. Этот вопрос ставился в связи с открытием памятников нарвской культуры в Эстонии, керамика которой украшена уральскими орнаментальными мотивами. Данной проблемы исследователи касались и в поисках родины культуры сперрингс. Кроме того, этот вопрос привлек к себе внимание и при выяснении территории распространения волосовской культуры, так как ряд волосовских элементов был обнаружен на поздне-неолитической керамике в Прибалтике¹.

Материалы, с которыми автор статьи познакомился в последние годы, позволяют вновь заняться данной темой. Как известно, на территории Эстонии, Ленинградской области и Финляндии исследовано значительное количество поздне-неолитических поселений с керамикой, украшенной так называемым «геометрическим» ямочно-гребенчатым орнаментом. Эти памятники по своему положению относительно уровня моря и другим данным принадлежат второй стадии культуры ямочно-гребенчатой керамики в данном районе².

Узоры, которыми покрыта эта керамика, отличаются разнообразием и сложностью композиций: они покрывали все поле сосудов затейливыми рисунками. Знакомясь с ними, мы видим, во-первых, целый ряд мотивов, которые представляют собой дальнейшее развитие древней местной неолитической орнаментации. Это зигзаги, широкие полосы, состоящие из коротких отпечатков гребенчатого штампа, расположенные наискось по стенкам сосуда от венчика к донышку, некоторые фигуры из округлых и овальных ямок, сетка, выполненная гребенчатым или гладким штампом, и т. п. Во-вторых, можно отметить композиции, появление которых трудно объяснить лишь дальнейшим развитием местного орнаментального стиля.

¹ Х. А. Моора. Вопросы сложения эстонского народа и некоторых соседних народов в свете данных археологии. Сб. «Вопросы этнической истории эстонского народа». Таллин, 1956, стр. 49—141; Л. Ю. Янитс. К вопросу об этническом составе неолитического населения территории Эстонской ССР. «Вопросы этнической истории эстонского народа»; Он же. Поселения эпохи неолита и раннего металла в приустье р. Эмайыги (Эстонская ССР). Таллин, 1959, стр. 329—332; П. Н. Третьяков. У истоков этнической истории финно-угорских племен. СЭ, 1961, № 2, стр. 76—93.

² А. Еугораеус. Die relative Chronologie der Steinzeitlichen Keramik in Finnland. Acta Archeologica, vol. 1, fasc. 2. Kobenhavn. 1930, стр. 165—190.

Н. Н. Гурьина. Поселения эпохи неолита и раннего металла на северном побережье Онежского озера. МИА, № 20, 1951, стр. 77—142.

На многих стоянках Эстонии, Карелии и Ленинградской области (Усть-Рыбежна 1, Глиняный ручей, Акали, Валма, Кулламяги и др.) обнаружены фрагменты керамики, украшенные широкими зигзагами из коротких оттисков штампа, мотивами в виде водоплавающей птицы, треугольников и ромбов, у которых внутреннее поле фигуры заполнялось оттисками гребенки, своеобразных зигзагов из коротких и длинных отпечатков штампа, расположенных вертикально от венчика к донышку сосуда рамчатого штампа. Следует также отметить узор из прочерченных линий, представляющий собой композицию из ряда коротких, слегка наклонных отпечатков, заключенных между горизонтальными линиями. Реже встречаются фрагменты с

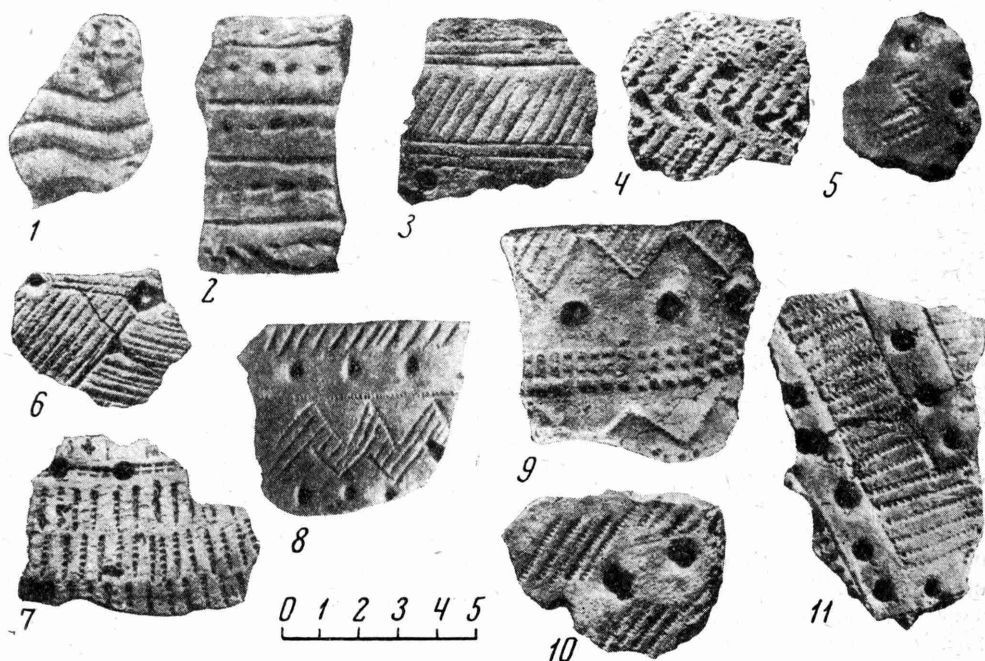

Рис. 24. Поздненеолитическая керамика со стоянок Северо-Запада СССР и Финляндии: 1, 2 — Глиняный ручей; 3, 6 — Валма; 4, 10 — Кулламяги; 5, 8 — Каукола; 7, 9, 11 — Акали

покрытыми оттисками гребенки зонами, расположенными под углом друг к другу (пос. Валма). Кроме того, в Ленинградской области на стоянке Глиняный ручей обнаружены фрагменты с волнистым орнаментом и узорами, состоящими из сочетания зигзагообразных линий и рядов, вертикально нанесенных коротких оттисков гребенчатого штампа³.

Несколько отличаются мотивы на керамике с памятников Финляндии (Каукола, Етбеле, Суоместа и др.). Здесь мы не находим композиций из прочерченных линий, рамчатого штампа. Однако и на этой территории на неолитических памятниках второй фазы существования ямочно-гребенчатой керамики найдены фрагменты сосудов с орнаментами, которые трудно свя-

³ Л. Ю. Яни и т е. Поселение эпохи неолита и раннего металла в приустье р. Эмайги (Эстонская ССР). Таллин, 1959, стр. 127—142; О н же. Неолитическое поселение Валма. «Труды Прибалтийской объединенной комплексной экспедиции», т. 1. М., 1959, стр. 32—75; О н же. Неолитические поселения на территории Эстонской ССР. Сб. «Древние поселения и городища». Таллин, 1955, стр. 176—201; Н. Н. Г у р и н а. Новые неолитические памятники в восточной Эстонии. Сб. «Древние поселения и городища». Таллин, 1955, стр. 153—175; О н а же. Поселение эпохи неолита и раннего металла на северном побережье Онежского озера, стр. 96—128; О н а же. Древняя история северо-запада Европейской части СССР. МИА, № 87, 1961, стр. 212—278; стр. 330—447.

зять с более древними мотивами. К ним относятся уже знакомые нам по материалам стоянок, исследованных в СССР, широкие зигзаги из коротких оттисков штампа, треугольники, ромбы, зигзагообразные линии, состоящие из коротких и длинных отпечатков штампа, изображение водоплавающей птицы. На целом ряде поселений обнаружена керамика, украшенная горизонтальными рядами оттисков гребенки, разделенными друг от друга зигзагообразными линиями. Обращает на себя внимание и мотив «шагающей гребенки» (рис. 24, 2) ⁴.

При решении вопроса относительно причин возникновения перечисленных узоров невольно возникает мысль о возможности их заимствования населением территории Северо-Запада СССР и Финляндии у соседних или более далеких племен.

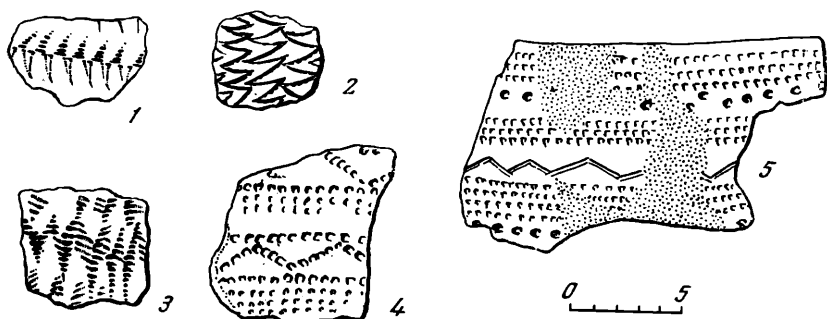

Рис. 25. Поздненеолитическая керамика со стоянок Северо-Запада СССР и Финляндии:

1—3 — Егбеле; 4 — Суоместа; 5 — Глиняный ручей

Знакомясь с материалами неолитических памятников, окружающих область распространения культуры ямочно-гребенчатой керамики, аналогии отмеченным выше орнаментальным мотивам мы находим только на Урале и в Зауралье, где представлены все интересующие нас узоры. В литературе уже появились указания, что некоторые мотивы, украшающие ямочно-гребенчатую керамику, близки уральскому и зауральскому орнаментам. К ним относили изображение водоплавающей птицы (М. Е. Фосс, А. Европеус) ⁵ и сочетания рядов вертикальных оттисков гребенчатого штампа и зигзагообразных линий (В. Лухо) ⁶. Остальные упомянутые нами узоры, украшавшие ямочно-гребенчатую керамику «геометрического» стиля, также бытовали в районах, прилегающих к Уралу. Так, на стоянке Боровое озеро I на р. Чусовой были обнаружены фрагменты сосудов с орнаментом в виде зигзагов из коротких и длинных отпечатков штампа, «шагающая гребенка», ромбы и треугольники, мотив из прочерченных линий, представляющий собой ряды наклонно нанесенных оттисков, заключенных между горизонтальными линиями, волнистый орнамент ⁷. На Кряжской и Левшинской стоянках на р. Каме для нас интересна керамика, украшенная компо-

⁴ A. Europaeus-Augräå. Die relative Chronologie der Steinzeitlichen Keramik in Finnland, стр. 165—190; Он же. Förväry till Nationalmuseet ar 1915. Finskt Museum, XXIV. Helsingfors, 1917, стр. 39—58; Он же. Kampakeramiikan linunnkuvat. Suomen Museo, LX. Helsinki, 1953, стр. 34—44; B. Cederhvar. Neolitiska lertigurer fran Aland. SMYA, XXVI. Helsinki, 1912, стр. 307—321; V. Luho. Keskikuurnallisten jalasten ikä. Suomen Museo, LVII. Helsinki, 1950, стр. 5—23.

⁵ М. Е. Ф о с с. Древнейшая история севера Европейской части СССР. МИА, № 29, 1952, стр. 36; А. А у г ä р ä ä. Kampakeramiikan linunnkuvat, стр. 34—44.

⁶ V. Luho. Keskikuurnallisten jalasten ikä, стр. 5—23.

⁷ О. Н. Б а д е р. Стоянки Нижнеадишевская и Боровое озеро 1 на р. Чусовой. МИА, № 22, 1951, стр. 22, рис. 9, 1, 2; стр. 23, рис. 10, 5, 6, 7, 8; стр. 24, рис. 11 и 12; стр. 25, рис. 13, 3, 4, 5.

зициями «шагающей гребенки», зигзагов из коротких и длинных оттисков штампа и мотивов из рядов наклонно нанесенных оттисков, заключенных между горизонтальными линиями (в отличие от неолита северо-запада на Кряжской стоянке, где данный мотив выполнен гребенчатым штампом)⁸. На керамике зауральских и южноуральских стоянок (Абсеямовская, первая и вторая Иткульские, первая Черкаскульская, Чебаркульские, Усть-Айская, Мурат) обнаружены рамчатый штамп, узоры из треугольников, ромбов, волнистых линий, рядов оттисков гладкого или гребенчатого штампа, заключенных между горизонтальными прямыми или зигзагообразными линиями, изображение водоплавающей птицы. На этих же памятниках мы видим фрагменты с зонами из линий, выполненными «отступающей лопаточкой», расположенными под углом друг к другу (на северо-западе этот мотив наносился штампом), а также широкие зигзаги из рядов коротких оттисков гребенки⁹.

Таким образом, мы наблюдаем определенную общность в орнаментации ямочно-гребенчатой керамики «геометрического стиля» на Северо-Западе СССР и в Финляндии и керамики культур Предуралья и Зауралья. Причем, небезынтересно то, что отмеченное сходство проявляется в наиболее сложных мотивах, в то время как в простейших узорах наблюдается различие. Сложность общих узоров, их большое количество свидетельствуют против возможности конвергенции в данном случае. Придерживаясь взгляда об орнаментации керамики как «источнике, позволяющем судить о существовании различных этнических общностей у неолитического населения»¹⁰, мы склонны предполагать продвижение на северо-запад части уральских и зауральских племен, их ассимиляцию местным населением, изготовлявшим ямочно-гребенчатую керамику, и усвоение последним ряда орнаментальных мотивов, которые были принесены восточными пришельцами. Данную мысль подтверждают и находки костяков с монголоидными чертами на некоторых поселениях второй стадии неолита (с ямочно-гребенчатой керамикой «геометрического стиля») на территории Северо-Запада СССР, что свидетельствует, по мнению антропологов, о проникновении в эти районы восточного населения¹¹. Действительно, на таких памятниках, как Валма, Нарва-Рийгикюла I и др., были обнаружены костяки с монголоидными чертами. И именно эти факты позволили М. В. Витову, К. Ю. Марк и Н. Н. Чебоксарову — авторам коллективного труда по этнической антропологии восточной Прибалтики — со всей определенностью отметить: «Таким образом, хотя имеющийся в нашем распоряжении материал о носителях культуры ямочно-гребенчатой керамики в Прибалтике еще невелик, все же

⁸ В. П. Денисов. Кряжская неолитическая стоянка. Отчеты Камской (Воткинской) археологической экспедиции, вып. 2. М., 1961, стр. 10, рис. 5; стр. 11, 12, рис. 1, стр. 13, рис. 1, 2; А. В. Шмидт. Стоянка у станции Левшино. СА, V, 1940, стр. 27, рис. 12, 1; стр. 28, рис. 13, 3, 4; Н. А. Прокошев. К вопросу о неолитических памятниках камского Приуралья. МИА, № 1, 1940, стр. 35, табл. VI, рис. 12, 14; стр. 36, рис. 18; стр. 37, рис. 19.

⁹ Н. П. Кипарисова. Чебаркульская неолитическая стоянка. КСИМК, вып. 59, 1955, стр. 58, рис. 17, 1, 10, 13, стр. 59, рис. 18, 1—4; Она же. О культурах лесного Зауралья. СА, 1960, № 2, стр. 8, 1, 3, 5—8; стр. 10, рис. 2, 6, 7, 10; стр. 11, рис. 3, 1—4; стр. 12, рис. 4, 1, 2; Л. Я. Кривская. Новые данные по неолиту Южного Урала. КСИА, вып. 97, 1964, стр. 77, рис. 24, 1—7; Она же. Неолитические поселения на северо-востоке Башкирии. СА, 1962, № 2, стр. 109, рис. 9, 8, 10, 15, 19; Г. Н. Матюшин. Стоянка Мурат на озере Узун-Куль. СА, 1965, № 1, стр. 149, рис. 6, 1, 3; В. М. Раушенбах. Среднее Зауралье в эпоху неолита и бронзы. «Тр. ГИМ», вып. 29, 1956, рис. 6, 3—6 (после стр. 16); стр. 17, рис. 7, 1, 2, 5; рис. 9, 8, 9, 13, 15 (после стр. 24); рис. 11, 13 (после стр. 32); рис. 13, 6, 12 (после стр. 32); рис. 20, 6, 13 (после стр. 64); рис. 21, 15, 17 (после стр. 64).

¹⁰ М. Е. Фосс. Древнейшая история севера Европейской части СССР, стр. 77.

¹¹ М. В. Витов, К. Ю. Марк, Н. Н. Чебоксаров. Этническая антропология восточной Прибалтики. «Труды Прибалтийской объединенной комплексной экспедиции», т. 2. М., 1959, стр. 158, сл.

можно установить, что они по своему антропологическому типу были промежуточными между монголоидами и европейцами¹².

Не подлежит сомнению, что племена этого типа могли проникнуть в восточную и южную Прибалтику только из более восточных областей лесной полосы Восточной Европы, где также жили представители того же типа»¹³.

Касаясь вопроса о возможных путях проникновения предуральского и зауральского населения на территорию Эстонии, Ленинградской обл., Карелии и Финляндии, мы должны отметить прежде всего, что подобное передвижение представляло собой медленное, быть может многовековое, переселение уральских и зауральских племен, сопровождаемое частыми остановками, контактами с местным населением, процессами ассимиляции и т. п., поскольку его целью были непрекращающиеся поиски новых охотничьих и рыболовческих угодий. Следует полагать, что переселяющиеся племена двигались широкой полосой, охватывающей значительные расстояния.

И вот на этой территории, находящейся между северо-западными областями Европейской части СССР и Финляндией, с одной стороны, и Прикамьем, Уралом и Зауральем — с другой, на неолитических памятниках мы находим ряд свидетельств передвижения предуральского и зауральского населения. Так, на керамике поселений с берегов р. Вятки, в частности на стоянке Буй I, мы видим сочетание ямочно-гребенчатых мотивов и уральских узоров («шагающая гребенка») ¹⁴. Большой интерес представляют собой материалы II Удельно-Шумецкой стоянки на Средней Волге, где узор в виде «шагающей гребенки» также сочетался с ямочно-гребенчатым орнаментом ¹⁵. Интересна в данном случае и карта распространения орнамента, изображающего водоплавающую птицу, которая охватывает уральские, северо-западные и находящиеся между ними памятники ¹⁶. Пристального внимания в этой связи заслуживают и прилегающие к северо-западным неолитические стоянки Каргополья (Кубенино, поселение в устье р. Кинемы, Модлона и др.) ¹⁷ и костромского Поволжья ¹⁸, где была обнаружена керамика с орнаментом в виде треугольников и ромбов, широких зигзагообразных линий, а также зигзагов из длинных и коротких оттисков штампа и волнистых линий с заключенными между ними вертикальными отпечатками гребенки ¹⁹.

Определенное значение имеют для нас и материалы стоянок Вычегодского края ²⁰, и поселения Илекса в Вологодской области ²¹, где ямочно-гре-

¹² Указанные авторы называют этот антропологический тип протолапоноидным (М. В. Витов, К. Ю. Марк, Н. Н. Чебоксаров. Указ. соч., стр. 167).

¹³ Там же, стр. 167.

¹⁴ В. П. Денисов. Новые археологические памятники на р. Вятке. СА, 1958, № 3, стр. 115, рис. 4, 3—6, 8—10, 12.

¹⁵ А. Х. Хадиков. Материалы к изучению истории населения Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья в эпоху неолита и бронзы. «Труды Марийской археологической экспедиции», т. 1. Йошкар-Ола, 1960, стр. 33, 34.

¹⁶ М. Е. Фосс. Древнейшая история севера Европейской части СССР, стр. 36.

¹⁷ Там же, стр. 86, рис. 37, 7, 8; стр. 87, рис. 38, 8; стр. 88, рис. 39, 4; стр. 117, рис. 67, 5, 7—9.

¹⁸ А. М. Tallgren. Die Kupfer — und Bronzezeit in Nord — und Ostrubland SMYA, 25. Helsingissa, 1911, стр. 40, 41, 44.

¹⁹ Не исключено, что комплекс аналогичных орнаментальных мотивов будет обнаружен на керамике с памятников на территории Кировской обл. и Удмуртской АССР, в настоящее время почти полностью неисследованных, но представляющих собой районы, промежуточные между Зауральем и Предуральем и костромским Поволжьем и Каргопольем.

²⁰ Г. М. Буров. Долговременные поселения на р. Вис. (бассейн Вычегды). «Материалы по археологии европейского северо-востока», вып. 1. Сыктывкар, 1962, стр. 11, рис. VII, 4; стр. 24, рис. XV, 10; стр. 25, рис. XVI, 5; Он же. Стоянки у с. Вольдино и эпоха раннего металла на Вычегде. «Труды Коми филиала АН СССР», № 9. Сыктывкар, 1960, стр. 112, рис. 10, 1.

²¹ А. Я. Брюсов. Северная археологическая экспедиция. КСИИМК, вып. XXVI, 1949, стр. 29, рис. 10 (средний рисунок во втором ряду).

бенчатая орнаментация сочеталась с мотивами «шагающей гребенки» и ромбами (последний только на вычегодских стоянках). Интересно также проникновение в среду вычегодских неолитических племен таких компонентов культуры Урала и Предуралья, как четырехугольные полуземлянки, казалось бы, нехарактерные для местного неолита. Не исключено, что значительную роль в процессе привнесения восточных элементов на ямочно-гребенчатую керамику северо-запада Европейской части СССР, Эстонии и Финляндии сыграли и культуры волосовского и близких ей типов, которые распространились далеко на север и северо-запад (орнаментация керамики этих памятников включала в себя мотивы «шагающей гребенки» и рамчатого штампа)²². Не следует забывать в этой связи и о находках костякоз с восточными монголоидными чертами в районах, находящихся между Уралом и северо-западом (череп на стоянке Модлона, могильники Каравайха и др.)²³.

По-видимому, можно надеяться, что в результате дальнейших исследований появится возможность полнее осветить вопрос о путях проникновения восточного населения на территорию Эстонии, Ленинградской области, Карелии и Финляндии, где в эпоху неолита бытовала ямочно-гребенчатая керамика «геометрического стиля».

²² П. Н. Третьяков. У истоков этнической истории финно-угорских племен. СЭ, 1961, № 2, стр. 85 и сл.

²³ М. М. Герасимов. Восстановление лица по черепу. «Тр. Ин-та этнографии», нов. сер., т. XXVIII, 1955, стр. 336, 365.

II. ПОЛЕВЫЕ И ЛАБОРАТОРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

В. П. ЛЮБИН, В. Е. ЩЕЛИНСКИЙ

ИССЛЕДОВАНИЕ НАВАЛИШЕНСКОЙ ПЕЩЕРЫ В 1965 г.

Навалишенская пещера явилась первой на Кавказе, в которой был выявлен и исследован на значительном участке мустьерский культурный слой. Она была открыта летом 1936 г. и раскапывалась осенью того же года археологической экспедицией Института антропологии и этнографии Академии наук СССР под руководством С. Н. Замятина.

Пещера находится на правом берегу р. Кудепсты, в урочище Широкий Покос, в трехстах метрах к югу от сел. Красновольск (Навалишино) Адлерского района Краснодарского края, в 10—12 км от моря. В каньон реки она открывается двумя входами, расположенными на относительной высоте около 100 м. До недавнего времени оба входа были частично перекрыты шлейфами глинисто-щебенчатого диллювия. Сейчас же они расчищены: большой — при устройстве в пещере греческой молельни, малый большим зондажом С. Н. Замятина.

Полость пещеры состоит из четырех простирающихся в широтном направлении небольших галерей: двух устьевых, светлых — Главной (северной) и Малой (южной) — и двух глубинных, темных. Центральную часть полости занимает широкий Сталактитовый зал, который тянется вкрест простирающуюся галерей и соединяет эти галереи воедино. Общая длина пещеры превышает 30 м.

Входы в пещеру имеют восточную экспозицию, благодаря чему площадки перед ними получают много света и хорошо прогреваются солнцем в первой половине дня. Особенно просторны и солнечны площадка перед главным входом и устье выходящей сюда галереи, которые, как показали исследования, были жилым центром древнейших обитателей скального убежища.

Раскоп, поставленный С. Н. Замятиным в устье Главной галереи (раском «W» на рис. 26), обнаружил три слоя: нижний — мустьерский, средний — верхнепалеолитический, верхний — смешанный, насыпанный людьми при приспособлении пещеры для культовых целей (так называемый «поздний выкид из глубины пещеры») ¹.

Летом 1965 г. (после почти тридцатилетнего перерыва) исследования пещеры были возобновлены Хостинским отрядом Кавказской палеолитической экспедиции Института археологии АН СССР и Музея краеведения Сочи. Участок, намеченный к вскрытию, примыкал с запада к раскопу 1936 г., т. е. располагался дальше от входа в пещеру. Он имел вид двухмет-

¹ С. Н. Замятин. Навалишенская и Ахштырская пещера на Черноморском побережье Кавказа. «Бюллетень комиссии по изучению четвертичного периода, № 6—7. М.—Л., 1940, стр. 100, 101; Он же. Изучение палеолитического периода на Кавказе за 1936—1948 гг. «Материалы по четвертичному периоду СССР, вып. 2. М.—Л., 1950, стр. 133; Он же. Палеолитические местонахождения восточного побережья Черного моря. «Очерки по палеолиту». М.—Л., 1961, стр. 100—104.

ровой полосы, простиравшейся между стенами галереи, поперек ее (рис. 26, 1).

Обстоятельства позволили вскрыть лишь 5,5 м² и зафиксировать поперечный профиль, проходящий по ломаной линии S—N—Q—Z (рис. 26, 2). Профиль этот состоит из разных половин (южной—S—N и северной—Q—Z) двух очень близко расположенных поперечных разрезов—

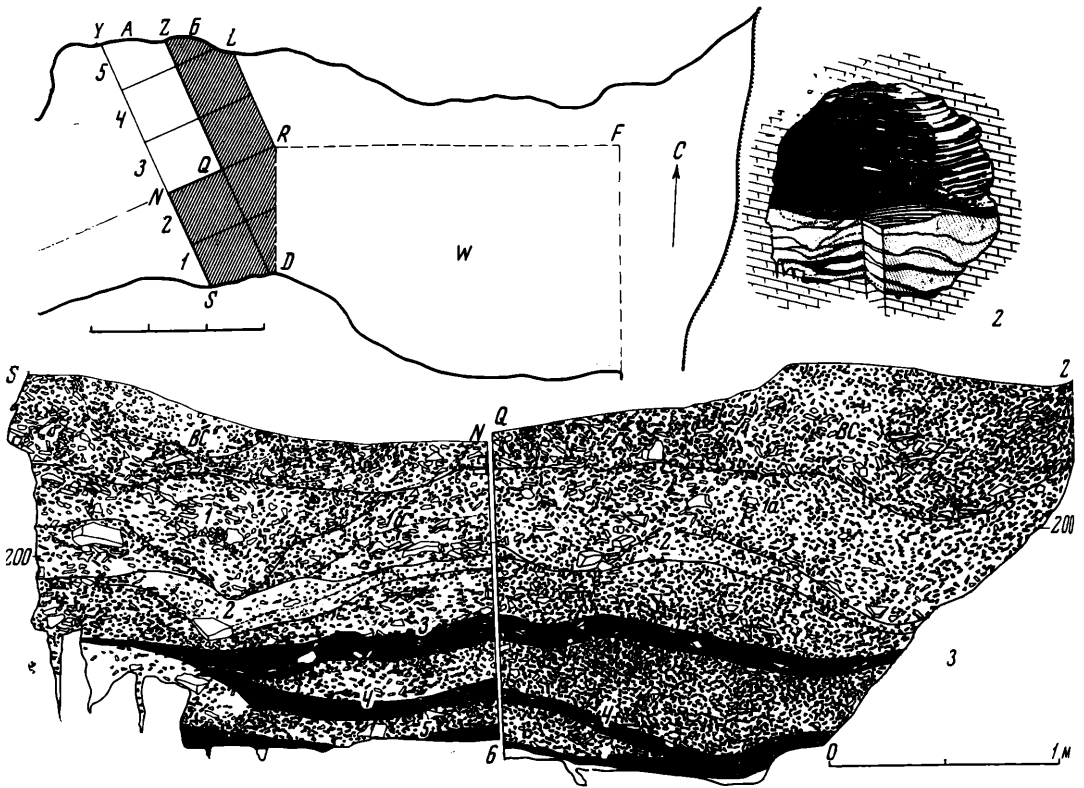

Рис. 26. Навалишенская пещера:

1 — устьевая часть Главной галереи. План. (W — раскоп 1936 г.; S — N — Q — Z — L — R — D — раскоп 1965 г.); 2 — поперечный блок — разрез полости Главной галереи по линии S — N — Q — Z; 3 — поперечный разрез отложений Главной галереи по линиям S — N и Q — Z

расстояние между ними равно одному метру — и связывающего их отрезка продольного профиля (N—Q). Опустив последний, помещаем обе половины разрезов в одну плоскость, получая таким путем достаточно полную картину поперечного сечения полости и отложений Главной галереи на участке раскопа этого года (рис. 26, 2, 3).

Максимальная мощность всех вскрытых и представленных на этом разрезе отложений достигает 1 м 65 см. Основные сведения о последовательности, характере и мощности этих отложений и о встреченных в них находках дает табл. № 1.

Опираясь на литологические и археологические показатели непотревоженных плейстоценовых отложений (слои 1—5), расчленим их на два больших подразделения.

1. Слои 1, 1а. Суглинки серо-бурые, сравнительно рыхлые, с культурными остатками эпохи верхнего палеолита.

2. Слои 2, 3, 4, 5. Суглинки более плотные и более светлых тонов: серо-желто-коричневатых с легкой прозеленью в верхней части пачки

(слой 2, отчасти 3) и слабой красноватостью в нижней части (слои 3, 4, 5); интенсивность красного цвета книзу нарастает.

Существенные изменения претерпевает и структура суглинков: легкие в основном суглинки слоев 1 и 1а замещаются суглинками средними (слои 2, 3), переходными к тяжелым (слой 4), тяжелыми (слой 5), т. е. по мере следования сверху вниз они становятся все более и более тонкими (содержат меньше песка, больше глины). Кроме того, суглинкам слоев 2—5 свойственна характерная комковато-оскольчатая структура с марганцови-

Т а б л и ц а 1

Нумерация слоев, по С. Н. Замятинну (сверху вниз)	Новая нумерация слоев,	Наименование слоев	Мощность слоев, в м	Археологические находки (эпоха)	Фаунистические находки
1 (греческий выброс)	без номера	Верхний смешанный слой (рыхлый суглинок палево-желто-коричневатых типов со щебнем)	0,15—0,6	Мезолит (?), верхний палеолит, мустье	<i>Ursus spelaeus</i>
2	1	Буровато-серый суглинок со щебнем	до 0,5	Верхний палеолит	<i>Ursus spelaeus</i>
	1	Темно-бурый суглинок со щебнем	до 0,45	Верхний палеолит	<i>Ursus spelaeus</i>
	2	Зеленовато-серый с желтоватым оттенком суглинок	0,05—0,2	Верхний палеолит (?)	<i>Ursus spelaeus</i> <i>Canis lupus</i> <i>Capra sp.</i>
3	3	Желтовато-зеленоватый суглинок со щебнем	0,15—0,4	Мустье	<i>Ursus spelaeus</i> <i>Canis lupus</i>
	4	Светло-коричневый с красноватым оттенком суглинок со щебнем	0,15—0,47	Мустье	<i>Ursus spelaeus</i> <i>Vulpes Vulpes</i> <i>Aves</i>
	5	Темно-бурый более красноватый суглинок со щебнем	0,05—0,2	Мустье	<i>Ursus spelaeus</i>
	6	Желтый стерильный суглинок (элювий известняков)	0,02—0,1	—	—

стым глянцем на структурных гранях, а также все возрастающая степень выветренности переполняющего их обломочного материала. Щебень, первоначально остроугольный, приобретает в слоях 2, 3 сглаженные углы, в слое 4 поверхность его, поддавшись разложению, хорошо скоблится ножом и начинают попадаться образцы рыхлого и «пустотелого» щебня, в слое 5—количество «пустотелого» щебня возрастает и хрищ крошится в пальцах.

Слои этой пачки содержат культурные остатки эпохи мустье (слои 3—5) и верхнего палеолита (слой 2)².

Мустьерские слои 3—5 имеют в подошве темные прослойки, выступающие весьма контрастно на светлом фоне суглинков. Нижние границы этих прослоек отчетливы, верхние — кое-где расплывчаты. Состав «красителей», придающих этим прослойкам темный (черный) цвет иногда с лиловатыми оттенками, видимо, сложный: кроме древесных угольков, чаще всего распав-

² Датировка слоя 2 является предварительной.

шихся, здесь сказывается наличие других органических веществ (?), пепла, марганца.

Продолжая рассмотрение разреза S—N—Q—Z отметим, наконец, что он имеет в общем грубо-щебенчатый вид: во всех слоях, за исключением второго (по нашей нумерации), известняковый обломочный материал составляет более половины (иногда до 70%) содержимого отложений. Забитость щебнем верхнепалеолитических отложений явление обычное и характерное для пещер Крыма (Сюрень I)³ и Кавказа (Ахштырская, Ацинская, Хостинская I и II пещеры и др.)⁴, но столь сильное переполнение щебнем мустьерских слоев встречается не так уж часто.

Оно, скажем, имело место в мустьерских слоях тех скальных убежищ, неглубокие полости которых подвергались воздействию наружных температур в полную меру (Губкий навес № 1, Монашеская пещера)⁵, и в более скромных размерах — в отложениях заключительных стадий мустьерской эпохи (соответствующие слои Ахштырской, Малой Воронцовской, Хостинской I и II и др.)⁶, когда надвигающееся похолодание (Вюрм II—?) активизировало процессы, ведущие к разрушению стен и сводов пещерных полостей.

Что касается перенасыщенности обломочным материалом мустьерских слоев Наваишкенской пещеры, то здесь помимо факторов климатических (мустье этой пещеры, по всей видимости, синхронично тем изобилующим щебнем позднейшим мустьерским напластованиям Ахштыря, которые формировались уже в условиях начинающегося похолодания), действовали те факторы, которые Г. А. Бонч-Осмоловский называл индивидуальными по отношению к каждой пещере⁷. Такими факторами здесь являлись трещиноватость, непрочность местных косослоистых, плитчатых известняков (верхняя юра — нижний мел) и микроклиматические особенности пещеры, связанные с ее проходным характером: наличие двух входов и сквозного прохода через большую часть пещеры (через Главную галерею, Сталактитовый зал и Малую галерею) способствовали тяге наружного воздуха в глубь пещеры и, как следствие этого, более интенсивному воздействию на ее стены, суточных и сезонных изменений погоды, контрасты которой в периоды похолоданий были значительнее современных.

Палеонтологические находки, встреченные в раскопе этого года, изучались Н. М. Ермоловой. Ею были определены 364 кости из общего количества свыше 450. Кости, которые удалось определить, принадлежат следующим видам животных (табл. 2).

Каменные изделия, найденные в непотроженных слоях пещеры, малочисленны, но своеобразны по многим своим особенностям.

Кремни из мустьерских слоев 3—5 (36 экз.) сходны по своим технико-типологическим данным. Приводим прежде всего таблицу, суммирующую основные технические показатели этих кремней (табл. № 3).

Таблица № 3 свидетельствует о господстве на стоянке леваллуазской техники расщепления камня: 14 из 18 сколов-заготовок принадлежат к отщепам и пластинам типа леваллуа. Об этом же говорят все четыре ядрища: небольшие, одноплощадочные (рис. 27, 15; два из них остаточные). Нали-

³ Е. А. Векилова. Стоянка Сюрень I. МИА, № 59, 1957, стр. 242—245.

⁴ С. Н. Замятин. Палеолитические местонахождения восточного побережья..., стр. 106; Д. А. Крайнов. Новые мустьерские стоянки Крыма и Кавказа. «Бюллетень комиссии по изучению четвертичного периода», № 9, М.—Л., 1947, стр. 30, 31; И. И. Коробков. Разведочные работы в Хостинских пещерах в 1961 г. КСИА, вып. 92, 1962, стр. 44—50.

⁵ П. У. Аутлев. Губская палеолитическая стоянка. СА, 1964, № 4, стр. 172—176.

⁶ М. Э. Паничкина и Е. А. Векилова. Исследование Ахштырской пещеры в 1961 г. КСИА, вып. 92, 1962, стр. 38, 39; Д. А. Крайнов. Указ. соч., стр. 31; И. И. Коробков. Указ. соч., стр. 45, 49, 50.

⁷ Г. А. Бонч-Осмоловский. Итоги изучения крымского палеолита. «Тр. II Международной конференции ассоциации по изучению четвертичного периода Европы», вып. 5, 1934.

чие ядрищ, сколов всех трех групп и неопределимых осколков кремня удостоверяет расщепление камня непосредственно в пещере.

Вместе с тем очевидна определенная сортировка вещей человеком, искавшая те количественные соотношения трех групп сколов, которые принято считать «нормальными»⁸.

Т а б л и ц а 2

Фауна Навалишенской пещеры. Раскопки 1965 г.

Наименование видов	Количество находок по слоям							Всего
	Верхний смешанный	1	1а	2	3	4	5	
Пещерный медведь <i>Ursus spelaeus</i>	3/43	4(5)/63	3/68	5/63	3/62	5/49	2/11	25(26)/359
Волк <i>Canis lupus</i>	—	—	—	1	1	—	—	2
Лисица <i>Vulpes vulpes</i>	—	—	—	—	—	1	—	1
Тур <i>Capra sp.</i>	—	—	—	1	—	—	—	1
Птицы <i>Aves</i>	—	—	—	—	—	1	—	1
Итого	43	63	68	65	63	51	11	364

Примечание. Числитель дроби — количество особей, знаменатель — количество костей.

Большой удельный вес сколов леваллуа и скудость «отбросов производства» говорят прежде всего о том, что расщепление камня в пещере производилось в небольших размерах — здесь, судя по всему, расщеплялось главным образом местное сырье (кремнистый известняк, красный кремль). Большая же часть вещей приносилась в пещеру в виде готовых, сделанных

Т а б л и ц а 3

Наименование находок	Количество находок по слоям			Всего
	3	4	5	
Нуклеусы	2	1	1	4
Сколы леваллуа	5	8	1	14
Сколы нелеваллуа	2	2	—	4
Отщепы «отделки»	3	—	—	3
Обломки и осколки	5	3	3	11
Итого	17	14	5	36

где-то на стороне орудий, изготовленных из хорошего красного, пестроцветного и голубовато-серого кремня.

Отмеченная сортировка инвентаря и его малочисленность вполне согласуется с заключением С. Н. Замятнина о том, что Навалишенская пещера — не место постоянного поселения, а временная стоянка, посещавшаяся человеком во время сезонной охоты на пещерного медведя⁹.

Переходя к типологической характеристике инвентаря мустьерских слоев, отметим в первую очередь чрезвычайно высокий процент, который за-

⁸ В. П. Люб и н. Нижний палеолит в районе Дакки-Коштаньны. «Древняя Нубия». М.—Л., 1964, стр. 41 (сноска 19), 43.

⁹ С. Н. З а м я т н и н. Предварительный отчет о работах Черноморской экспедиции в 1937 г. Архив Ленинградского отделения Института археологии АН СССР, д. 207, 1937 г., л. 14.

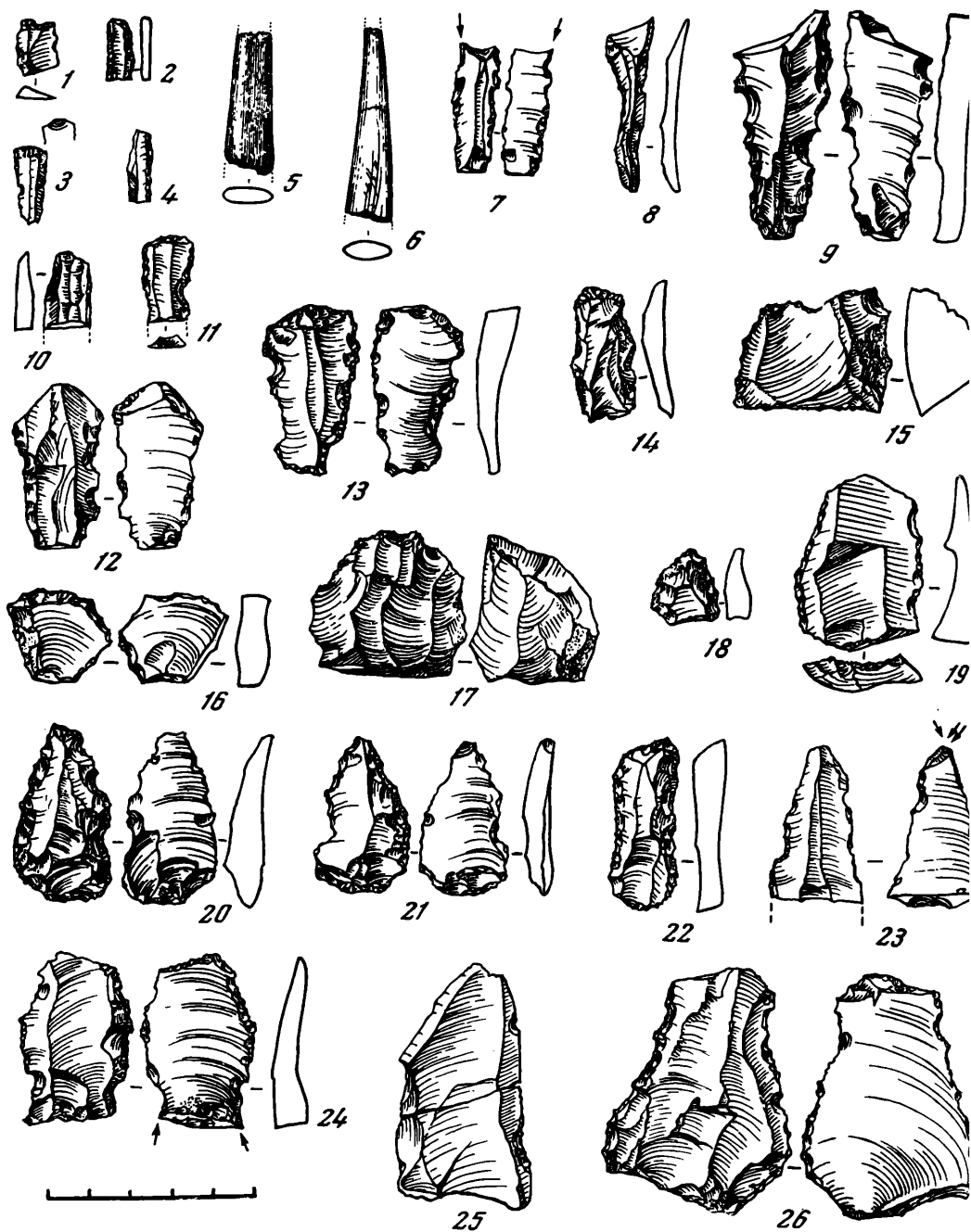

Рис. 27. Навалишенская пещера. Каменные и костяные орудия:

1—14, 17 — верхний палеолит; 15, 16, 18—26 — мустье; (7—9, 14 — верхний слой; 10—12 — слой 1; 2—6, 13, 17 — слой 1а; 1 — слой 2; 15, 16, 18, 24 — слой 3; 19—21, 23, 25, 26 — слой 4; 22 — слой 5); 1—4, 7—8, 10—18, 20—24 — кремьнь; 9, 19, 25, 26 — кремнистый известняк; 5, 6 — кость

нимают в нем орудия и их фрагменты: на их долю приходится свыше $\frac{1}{3}$ всех находок (13 из 36 кремней)¹⁰, помимо того, еще 11 предметов, в том числе и некоторые невыразительные обломки, носят явные следы выщербин и небольших подретушёвок — свидетельство использования их в работе.

Следующей особенностью мустьерского инвентаря являются сравнительно небольшие размеры всех орудий и наличие среди них изделий совсем миниатюрных, которые можно было брать и держать только двумя пальцами (рис. 27, 18). Впрочем, портативность остальных поделок также предполагает участие в работе с ними не всей кисти, а лишь трех пальцев — большого и двух смежных.

Отделка, формирующая рабочие элементы орудий, имеет свою характерную специфику. Как правило, она выполнялась довольно небрежно, ретушь разнохарактерной и неустойчивой: фасетки мелкие и крутые перемежались с фасетками более крупными и пологими, участки подправленные — с участками, лишенными всякой подправки, что делало рабочие края изделий (как в плане, так и в профиль) неровными, зазубренными, рваными (рис. 27, 20—22). Этот же эффект достигался отделкой рабочих лезвий ретушью, нанесенной то со стороны брюшка, то со стороны спинки (рис. 27, 24, 26).

Мустьерские мастера Навалишенской пещеры были знакомы с техникой чешуйчатой подтески и резцового скола. Первое иллюстрируют два орудия, изготовленные на кремневых треугольных сколах, ударные бугорки которых срезаны пологими чешуйками (рис. 27, 20, 21); тонкие стелющиеся фасетки на меньшем из них сняты особенно искусно. Орудия напоминают обычные остроконечники мустьерского типа, основания которых утончены с помощью ретуши, срезающей выпуклость ударного бугорка (*pointe moustérienne à bulbe enleve* французских археологов). Некоторые особенности навалишенских «остроконечников» исключают, однако, классификацию такого рода. Зубчатая подправка рабочих краев и отделка оснований, нанесенная не только со стороны брюшка (в виде чешуйчатой подтески), но и стороны спинки (в виде незначительной мелкой и крутой ретуши), придает этим орудиям совершенно своеобразный вид.

Владение техникой резцового скола удостоверяют два предмета: светло-кремневая пластинка, в основании которой по краям нанесены явные резцовые сколы (рис. 27, 24), и фрагмент пластины желтовато-розового кремня, суженный конец которой подправлен тремя сколами — резцовым, вдоль правого края предмета и двумя плоскими, скорее чешуйчатыми, чем резцовыми, со стороны брюшка (рис. 27, 23).

Для полноты обзора мустьерских кремней отметим присутствие среди них единичных сколов без всякой вторичной подправки (рис. 27, 25) и орудий обычного типа (см. скребло на рис. 27, 19).

Такова суммарная характеристика мустьерского инвентаря. Малочисленность находок не позволяет применить здесь количественный анализ. Тем не менее ведущие показатели инвентаря совершенно ясны: это — обилие анкошей, преобладание зубчатой отделки рабочих краев с помощью ретуши разнородной, неустойчивой, чередующейся, противолежащей, прерывистой, редко (местами) двусторонней, что позволяет видеть в мустьерском комплексе пещеры «зубчатый» вариант местной мустьерской культуры в его, по видимому, позднем — в рамках мустье — выражении.

Инвентарь верхнепалеолитических слоев пещеры столь же беден и, к сожалению, не может быть рассмотрен в рамках данной статьи. Отметим лишь, что в слоях 1, 1а и 2 встречены призматический нуклеус (рис. 27, 17), ножевидные пластины (рис. 27, 1, 10), концевые скребки (рис. 27, 3, 11, 13), пластинки с притупленным краем (рис. 27, 2, 4), фрагменты двух костяных наконечников дротика (рис. 27, 5, 6). Образцы находок из верхнего слоя воспроизведены на рис. 27, 7—9, 14.

Наиболее поразительное явление в инвентаре всех послемустьерских слоев: продолжающееся бытование орудий зубчатых и выемчатых форм (рис. 27, 7, 9, 12—14) — факт, впервые удостоверяющий определенную преемственность между нижнепалеолитической индустрией типа «зубчатого мустье» и палеолитом верхним.

¹⁰ 6 орудий из 17 кремней в слое 3; 6 из 14 — в слое 4 и 1 из 5 — в слое 5.

Е. А. ВЕКИЛОВА

КРАТКИЕ ИТОГИ РАСКОПОК АХШТЫРСКОЙ ПЕЩЕРЫ
в 1961—1965 гг.

В 1961 г. по инициативе и при непосредственном участии М. Э. Паничкиной и автора настоящей статьи были возобновлены раскопки многослойной Ахштырской пещеры. В последующие годы (1962—1963 и 1965 гг.) исследование этого памятника продолжалось нами при участии геолога-четвертичника профессора М. Н. Грищенко.

Предварительные результаты первого года раскопок опубликованы¹. В настоящей статье мы кратко поделимся наиболее общими результатами наших раскопок за 1961—1965 гг.

За прошедшие четыре сезона раскопок в Ахштырской пещере вскрыта площадь около 40 м² на глубину 5 м (рис. 28). Получена значительная коллекция археологических находок из различных слоев. Собран обширный палеонтологический материал, обработкой которого занимается Н. М. Ермолова.

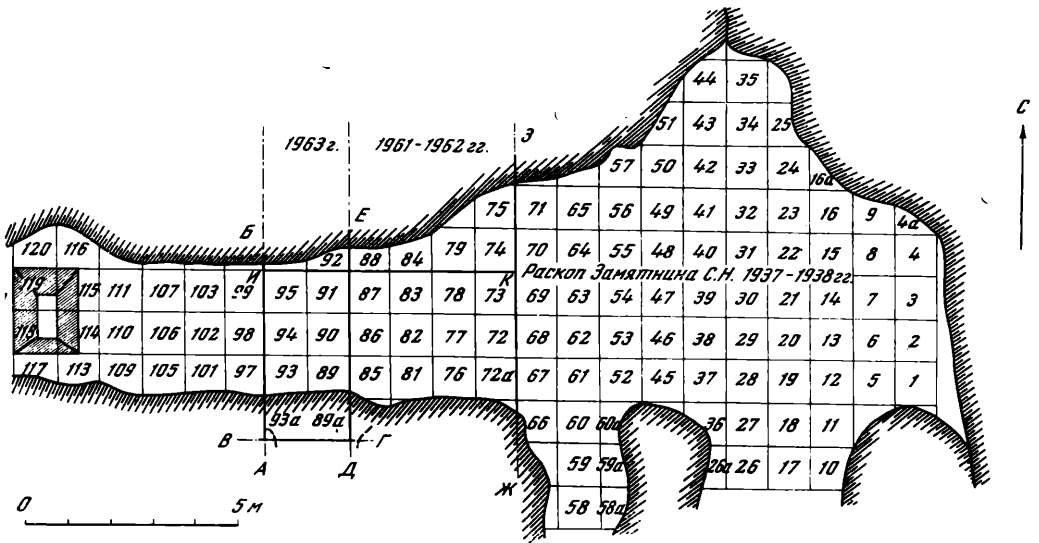
Раскопки 1961 г. убедили нас в необходимости и перспективности изучения геологии и страгиграфии этого замечательного многослойного памятника. Поэтому в последующие годы особое внимание было обращено на изучение условий образования и накопления отложений, вмещающих культурные остатки. Изложению результатов этих исследований будут посвящены специальные работы. Задача настоящей статьи иная, в ней мы лишь коснемся в меру необходимости некоторых из этих вопросов.

В 1962 г. мы приступили к всестороннему изучению отложений пещеры. Не закладывая нового раскопа, разобрали недобранный в 1961 г. останец пестроцветных суглинков до скального дна, получив таким образом первые наиболее полный разрез по линии кв. кв. 85а—88а. В процессе этих раскопок М. Н. Грищенко провел ряд наблюдений. Для определения генезиса материала, слагающего культурные и стерильные слои, взяли образцы породы из всей колонки разреза, а также обломки костей на прокалывание. Результаты своих наблюдений и данные, полученные после обработки образцов, были доложены М. Н. Грищенко в докладе на Палеолитическом совещании Сектора палеолита ИА АН СССР в феврале 1965 г.

Помимо стационарных раскопок в Ахштырской пещере в 1962 г. проводились разведочные маршруты по левому берегу р. Мзымты в окрестностях сел. Ахштырь. Здесь на террасах реки в шести пунктах собран подъемный материал нижнепалеолитического облика.

¹ М. Э. Паничкина и Е. А. Векилова. Исследование Ахштырской пещеры в 1961 году. КСИА, вып. 92, 1962, стр. 37—43.

Пользуясь случаем, приношу глубокую признательность М. Э. Паничкиной за предоставленную мне возможность заниматься исследованием Ахштырской пещеры.

В 1964 г. раскопок в Ахштырской пещере не производилось. В 1965 г. было продолжено изучение нижних культурных слоев: слоя лиловой глины (4) и двух нижнемустьерских 5 и 5а — на площади раскопа 1963 г.

В результате этих работ был получен и изучен второй поперечный разрез по западной линии кв. кв. 93а — 96а, разрез А — Б, доведенный до уровня стерильных в археологическом отношении пестроцветных суглинков на глубину 530—540 см от репера. До скального дна нам его вскрыть не удалось из-за отсутствия технических средств.

Раскопки прошедшего года подтвердили наблюдение о том, что слой лиловой глины (4) не является стерильным, как это считал С. Н. Замятнин, а содержит достаточно обильные культурные остатки второго мустьерского слоя (3).

Еще более важным результатом раскопок 1965 г. является изучение нижнемустьерского слоя 5а, выделенного еще в 1961 г. Но, отчленив тогда в качестве самостоятельного стратиграфического горизонта прослойку окристо-желтой глины (слой 5а), залегающую под мощным нижнемустьерским слоем серо-зеленой глины (5), мы не смогли без консультации геолога разобраться в ее стратиграфическом соотношении с нижележащими слоями (6 и 7). Не имели мы из этого слоя и достаточного количества кремневого материала, чтобы судить о его археологическом облике. На все эти вопросы мы получили достаточно определенные ответы в процессе раскопок 1965 г.

Итак, в настоящее время можно считать установленным, что в Ахштырской пещере имеется не два, а четыре культурных слоя, датируемых нижнепалеолитическим временем — 3а, 3, 5 и 5а. Верхний слой (3а), выделенный в 1961 г., залегал в слое красновато-бурого суглинка со щебнем, несущим на своей поверхности явные следы разложения. Этот слой, наряду с типично позднемустьерским кремнем — остроконечниками укороченных пропорций, серией скребел разных типов и зубчатыми формами — содержал единичные вещи верхнепалеолитического облика. К ним должны быть отнесены подпризматический нуклеус, скребки и ножевидные пластинки.

Второй слой (3 — верхнемустьерский, по С. Н. Замятнину) следовал непосредственно за слоем 3а. Не будучи отделен от предыдущего слоя стерильной прослойкой, он четко отличался, однако, в разрезе от него своей окраской и более плотной консистенцией. К этому же второму мустьерскому слою должен быть отнесен кремь, происходящий из верхней части слоя 4. Этот слой, как и в предшествующие годы, доставил характерный кремневый инвентарь, достаточно подробно охарактеризованный в опубликованных работах⁵.

Новой, любозытной формой, происходящей из этого слоя, является чоперовидное орудие — нуклеус, изготовленное из крупной светло-зеленоватой гальки (рис. 29, 10).

Третьим культурным слоем мустьерского времени является слой 5 (нижнемустьерский слой, по С. Н. Замятнину). На его археологической характеристике мы также позволим себе не останавливаться⁶. Отметим лишь, что в 1965 г. нам посчастливилось найти в этом слое уникальную находку — верхнюю часть наконечника дротика, обработанного по всей поверхности с обеих сторон (рис. 29, 1). Средняя часть наконечника подобного рода была найдена С. Н. Замятниным⁷ в этом же слое.

Четвертым, самым древним слоем Ахштырской пещеры является слой 5а, из которого в 1965 г. собрана небольшая, но достаточно выразительная

⁵ С. Н. З а м я т н и н. Палеолитические местонахождения восточного побережья Черного моря. «Очерки по палеолиту». М.—Л., 1961, стр. 114, рис. 15, 2, табл. XVIII; М. З. П а н и ч к и н а и Е. А. В е к и л о в а. Исследование Ахштырской пещеры в 1961 г. КСИА, вып. 92, 1962, рис. 8, 11—14.

⁶ С. Н. З а м я т н и н. Указ. соч., стр. 114, табл. L—LIII; М. З. П а н и ч к и н а и Е. А. В е к и л о в а. Указ. соч., рис. 9, 1—7, 9.

⁷ С. Н. З а м я т н и н. Указ. соч., табл. LI, 2.

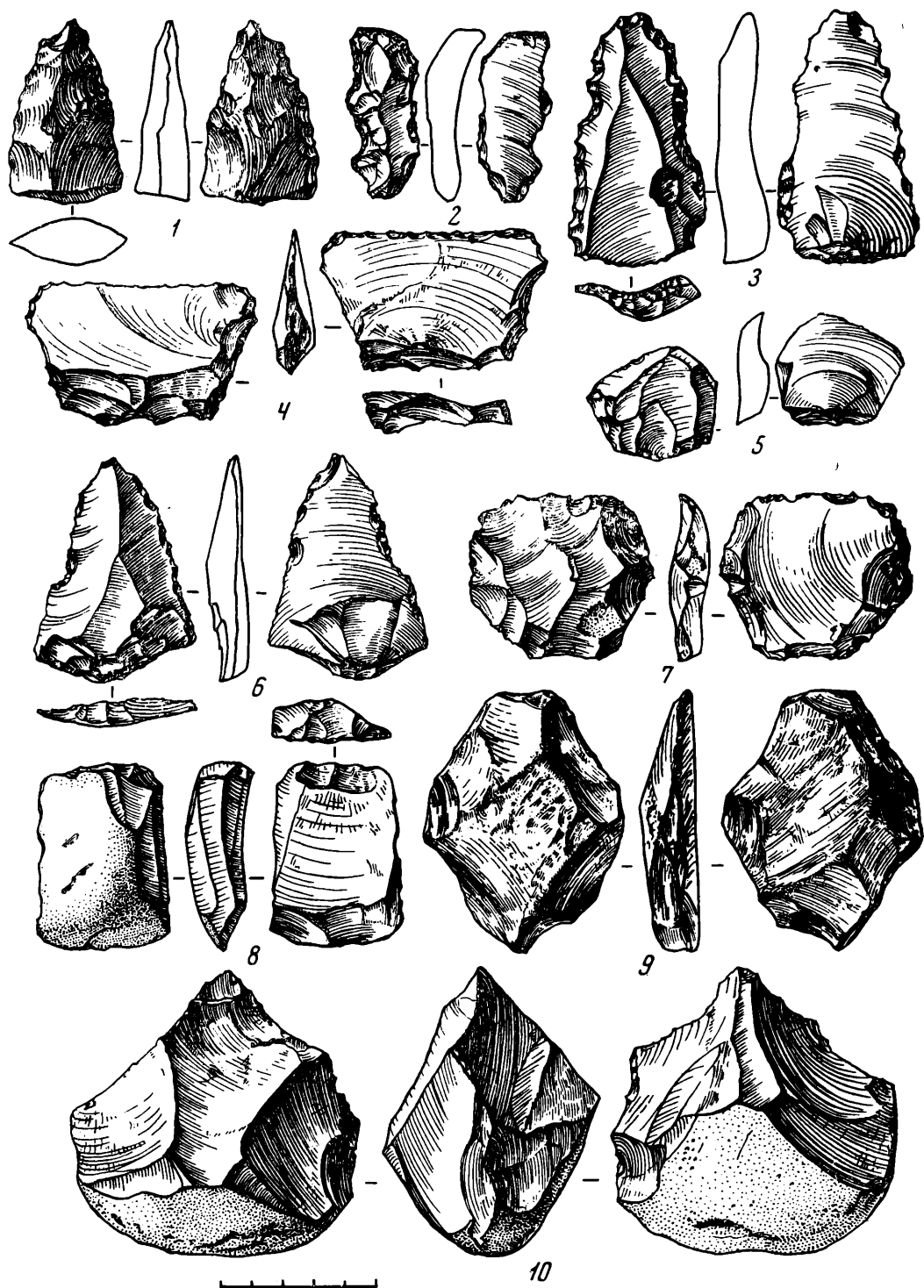

Рис. 29. Кремневый инвентарь мустьерских слоев:

10 — чопперовидное орудие (слой 3); 1 — обломок наконечника дротика (слой 5); 3 и 6 — левавалуазские пластинки с ретушью (слой 5); 2 — пластина с выемчатой ретушью (слой 5а); 4 — поперечное скребло (слой 5а); 5 — отщеп (слой 5а); 7 — нуклеус (слой 5а); 8 — орудие типа hachereau (слой 5а); 9 — рубило (слой 5а)

коллекция кремней — два нуклеуса, несколько скребел, отщепы с ретушью, обломки и осколки. Наиболее интересны две находки — орудие, напоминающее *hachegeau* (рис. 29, 8), и небольшой бифас (рис. 29, 9). Последний представляет собой четвертую находку двусторонне обработанных орудий, типа ручного рубила, обнаруженных в Ахштырской пещере. Две из них найдены и опубликованы С. Н. Замятниным. Говоря об условиях их обнаружения, С. Н. Замятнин писал: «Одно из них (табл. III, 2) залегало в самом основании нижнемустьерского слоя, на глубине 5 м от поверхности»⁸. Второе (табл. III, 1) обнаружено в недостаточно ясных условиях. Две наши находки 1961⁹ и 1965 гг. обнаружены на глубине 550 и 552 см от репера, т. е. все они, за исключением второй находки С. Н. Замятнина, залегали в одинаковых или близких стратиграфических условиях. Это позволяет нам связывать все рубила с комплексом вещей четвертого самого древнего слоя Ахштырской пещеры.

Четыре рубила Ахштырской пещеры характеризуются совершенством формы, относительно плоским сечением и тщательностью вторичной отделки. Эти черты отличают их от подобных изделий открытых ашельских местонахождений Черноморского побережья Кавказа. С. Н. Замятнин¹⁰ придавал находке рубил в нижнемустьерском слое Ахштырской пещеры исключительное значение, рассматривая их в качестве пережиточных форм, посредством которых оказывалось возможным связывать между собой мустьерские слои пещерных стоянок с открытыми ашельскими местонахождениями этого же района. Не предвещая окончательного решения вопроса о возрасте нижнего слоя, заметим, что в свете новых данных не является исключением предположение о позднеашельском времени первоначального заселения Ахштырской пещеры.

Наше самое краткое изложение результатов раскопок за четыре полевых сезона было бы неполным, если бы мы не упомянули о находке единичных остатков костей ископаемого человека.

Изучая кости животных, собранные в 1961 г., большинство из которых, как и прежде, принадлежало пещерному медведю, Н. М. Ермолова определила три плюсневых кости и зуб человека. Находки эти происходят из двух верхних мустьерских слоев. Зуб — второй верхний левый моляр найден на кв. 726, в слое 3. Плюсневые кости встречены на разных квадратах в слое 3а—3. Находки были переданы на заключение антропологу А. А. Зубову, который, изучив зуб ахштырского человека, отметил в нем сочетание архаичных и прогрессивных черт. Преобладание же последних привело его к заключению, что зуб из Ахштырской пещеры принадлежал ископаемому человеку современного типа (*Homo sapiens foss.*). Таким образом, мы полагаем теперь вторым фактом (после Староселья), свидетельствующим о существовании человека современного типа в эпоху позднего мустья.

В заключение следует особо подчеркнуть специфические черты кремневого инвентаря мустьерских слоев Ахштырской пещеры. Первой его особенностью является преобладание связи приемов первичного раскалывания кремня — леваллуазской техники. Действительно, в материалах каждого из четырех слоев преобладают характерные формы ядрищ, леваллуазские острия без ретуши, пластины и отщепы и, наконец, большинство законченных орудий, изготовленных на леваллуазских заготовках (рис. 29, 3, 5—6).

Второй особенностью Ахштырской коллекции является своеобразие приемов вторичной отделки. Среди орудий мустьерских слоев наблюдается исключительное обилие зубчатых форм. Характерной крупной, чаще крутой ретушью, сочетающейся с противоположащей, которая подправляет от-

⁸ С. М. Замятнин. Указ. соч., стр. 116, табл. LIII, 1, 2.

⁹ М. З. Паничкина и Е. А. Векилова. Указ. соч., стр. 42, рис. 10. В настоящей работе рубило и два других изделия ошибочно отнесены к 7 слою.

¹⁰ С. Н. Замятнин. Указ. соч., стр. 116.

дельные участки поверхности орудия со стороны брюшка, обработаны как удлиненные массивные пластины, подобные изображенной на рис. 29, 3, так и отщепы различных размеров и форм. Этими своеобразными приемами ретуширования достигается образование выемчатого или зубчатого края у орудия, специального функционального назначения.

Отмеченные особенности характеризуют комплексы кремневых орудий всех мустьерских слоев Ахштырской пещеры, придавая им облик единой генетически развивающейся зубчатой мустьерской индустрии.

В последние годы усилиями многих исследователей центральной и местных учреждений в различных частях Кавказского перешейка открыты и изучены многие новые мустьерские нижнепалеолитические пещерные стоянки и открытые местонахождения. Группа Кударских пещер и Цона в Юго-Осетии, пещеры Джрочула и Цопи в Грузии, Азыхская и Тагларская пещеры в Азербайджане, Губские навесы и Хадыженская стоянка открытого типа и другие на Северном Кавказе.

В результате исключительного размаха разведочных работ и стационарных раскопок, развернувшихся в последние годы как на вновь открытых стоянках, так и на ранее известных, значительно пополнились отечественные материалы по нижнему палеолиту, и в частности по мустье Кавказа. Коллекции, происходящие из мустьерских стоянок разных районов Кавказа, выявили своеобразные комплексы мустьерских индустрий разных регионов. Это позволило В. П. Любину в докладе на Палеолитическом совещании впервые выдвинуть и обосновать тезис о существовании нескольких вариантов мустьерской культуры на Кавказском перешейке. Характеризуя мустье Черноморского побережья (р-н Сочи — Адлер), В. П. Любин выделил на этой территории группу стоянок зубчатого мустье, население которого обитало в Воронцовской, Хостинских и Ахштырской пещерах.

Не будет преувеличением сказать, что в группе стоянок зубчатого мустье материалы Ахштырской пещеры занимают по праву одно из первых мест.

Г. В. ГРИГОРЬЕВА

БОЛЬШАЯ АККАРЖА И ЕЕ МЕСТО
СРЕДИ ПОЗДНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ
ЮГА СССР

Вопрос о месте Большой Аккаржи среди позднепалеолитических памятников Причерноморья и Приазовья неоднократно освещался в литературе и до сих пор вызывает оживленные дискуссии.

П. И. Борисковский, исследователь Амвросиевки¹ и Большой Аккаржи², считает возможным относить стоянки позднего палеолита Северного Причерноморья и Приазовья к особой степной области развития позднепалеолитической культуры.

Все эти памятники, как полагает он, принадлежат охотникам на зубров или туров и имеют много сходных черт между собой. Эти признаки проявляются: 1) в однообразном характере культурных слоев всех стоянок; 2) в фауне (везде господствуют дикие быки); 3) в однородном кремневом инвентаре, «...в котором, кроме призматических нуклеусов представлены только небольшие скребки, резцы и миниатюрные остря с затупленным краем»³. Наряду со сходством П. Н. Борисковский отмечает и отличия между этими памятниками. Однако он считает их второстепенными по сравнению с общими признаками. На наш же взгляд эти отличия являются очень существенными, ибо они касаются основных типов большой серии орудий.

Наряду с точкой зрения П. И. Борисковского на эту группу памятников существует и другая, высказанная М. Д. Гвоздовер⁴, которая считает, что между этими памятниками существуют большие различия, делающие невозможным отнесение их к одной культурной группе.

В Большой Аккарже за два года работ (1959 и 1961 гг.) исследована площадь в 130 м² и заложено 20 шурфов. Выявлено, что культурный слой залегает в суглинке, на глубине 0,5—1,05 м, и не имеет четкой верхней и нижней границ. Мощность его 0,35—0,55 м. Распределение кремней по площади стоянки неравномерное. Обнаружены невыразительные скопления

¹ П. И. Борисковский. Палеолит Украины. МИА, № 40, 1953, стр. 328—362.

² Стоянка открыта В. И. Красковским в 1955 г. В. И. Красковский. Стоянка позднепалеолитического времени вблизи Одессы. КСИА АН УССР, вып. 7, 1957; П. И. Борисковский, Н. Д. Праслов. Палеолит бассейна Днепра и Приазовья. САИ, вып. А1-5, 1964; П. И. Борисковский. Проблема развития позднепалеолитической культуры степной области. Доклад на VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук. М., 1964 г.

³ П. И. Борисковский. Проблема развития позднепалеолитической культуры степной области, стр. 5.

⁴ П. И. Борисковский и Н. Д. Праслов. Палеолит бассейна Днепра и Приазовья. САИ, вып. А1-5, 1964. Приложение 1; М. Д. Гвоздовер. Позднепалеолитические памятники Нижнего Дона.

кремней и мелких осколков костей, кусочки охры и небольшое углистое скопление неправильной формы (15—31 см), заполненное мелкими обломками пережженных костей и углями. Фауна стоянки, по определению В. И. Бибиковой, Н. К. Верещагина и И. Г. Пидопличко, представлена исключительно зубром или туром.

Коллекция Большой Аккаржи, изученная мною, насчитывает 24 500 расщепленных кремней⁵. Орудия Большой Аккаржи составляют 3,9%, нуклеусы 2% от общего количества кремней. Нуклеусы стоянки, как правило, призматической формы, трех-, двух- и одноплощадочные. Площадки различные: прямые или скошенные. Длина нуклеусов 2—4 см, единичные экземпляры достигают 6 см. Пластинки, как правило, призматические, изогнутой формы.

В качестве сырья использовали небольшие днестровские кремневые гальки, размеры которых обуславливали часто и форму орудий. Для оформления рабочего края орудий применялась притупливающая ретушь.

Остановимся на основных группах орудий.

Скребки (92 экз.) изготовлены из отщепов и пластинок (62 из отщепов, 30 из пластинок). Длина орудий 1,8—4,3 см. Ретушь при формировании рабочего края не заходит далеко на спинку орудия. Двойных скребков 6. Некоторые имеют массивный рабочий край, еще больше подчеркиваемый притупливающей ретушью.

Резцы (161 экз.). Большинство изготовлено из отщепов. Длина 0,8—5 см. На стоянке представлены три типа резцов: боковые, угловые⁶ и срединные. 45% от общего количества составляют миниатюрные резцы, не более 2 см длиной. На резцах наиболее отчетливо прослеживается постепенная деградация формы (из 54 срединных резцов 16 маловыразительных, атипичных, из 47 угловых — 10 невыразительных и из 61 бокового — 11 атипичных). Среди орудий этого типа наиболее устойчивыми являются боковые резцы.

Микропластинки с притупливающей ретушью по краям — самая многочисленная серия. Среди них выделяются орудия с утолщенным круто ретушированным краем, микропластинки с мелкой притупливающей ретушью и экземпляры с волнистым неровным лезвием.

Острия (94 экз.) представлены двумя типами: острия из пластинчатых отщепов, тонкие, с естественным заострением на конце, подправленным ретушью, и орудия на утолщенных пластинках со скошенными ретушью концами.

Проколки (12 экз.) не образуют серии, хотя имеют хорошо выделенный рабочий конец. У пяти орудий жальце оформлено противоположащей ретушью.

Пластинки с притупливающей ретушью по краю — 55 экз. У них подправлен край ретушью только на отдельных участках. У 20 пластинок она нанесена с поверхности скола, у 5 — противоположащая ретушь. Длина пластинок от 2,5 до 5 см.

Отщепы с ретушью (216 экз.). Ретушь, притупливающая как и у пластинок, имеется только на отдельных участках.

Особого внимания заслуживают нуклевидные орудия, которые до сих пор не были выделены в Большой Аккарже. Они изготовлены из нуклеусов, нуклевидных отщепов и осколков. Ретушь у 11 экземпляров заходит далеко на край и образует скребковое лезвие различной формы: округлое, выпуклое и вогнутое. У нуклеусов ретушь наносили на конце, противоположном площадке, формируя таким образом лезвие концевого скребка, в ряде случаев — это боковые скребки, рабочий край которых расположен на реб-

⁵ В подсчеты вошел многочисленный подъемный материал, собранный В. И. Красковским, хранящийся в Одесском археологическом музее.

⁶ Угловые резцы — орудия с резцовыми сколами по одому краю или концу пластинок, отщепа, осколка.

ре нуклеуса. У семи орудий, помимо скребкового края, имеется сбоку резцовый скол. Эта группа орудий близка к нуклеидным формам из среднего и верхнего слоев Сюрени I.

Орудия, представленные единичными экземплярами, как резцы-скребки и другие, по своему техническому оформлению ничем не выделяются из общего комплекса стоянки.

Итак, для всех орудий Большой Аккаржи характерны меньшие размеры (по сравнению с Амвросиевкой и Каменными Балками I и II), что особенно хорошо прослеживается на резцах. Дифференциация орудий внутри групп носит неустойчивый характер.

На Амвросиевке вскрыта площадь около 400 м² (включая костыше и стоянку). Окраска культурного слоя выражена слабо, тем не менее мощность его доходит до 35—50 см, а скопления кремней и костей более выразительны, чем в Большой Аккарже; за пределами скоплений находки распределены довольно равномерно.

Фауна стоянки представлена зубром.

Орудия Амвросиевки отличаются от орудий из Большой Аккаржи уже по технике оформления, здесь преобладает приостряющая ретушь с крупными выразительными фасетками у скребков и даже резцов и мелкая приотпуливающая у микропластинок — острий. Пластинки широкие, до 7—8 см длиной, имеют правильную призматическую форму. Нуклеусы крупных размеров (4—8 см длиной), отличаются четкостью форм; наряду с призматическими и клиновидными имеется около 50 дисковидных нуклеусов. Клиновидные нуклеусы служили для получения микропластинок.

Основную группу орудий памятника составляют микропластинки-острия (более 400 экз.). Они отличаются миниатюрностью и исключительно мелкой ретушью, оформляющей края и острие. Среди них около 140 целых микроострий; более 240 микропластинок-острий при тщательном рассмотрении оказались обломанными, и обычно слом приходится на острый конец микропластинки. Более 30 микропластинок имеют неровный волнистый край, что следует объяснять, видимо, формой самой заготовки. Микроострия изготовлены из узких микропластинок, длиной 1—1,5 см. Ретушь, как правило, оформляет оба края, доходя иногда только до середины орудия по одной из сторон. Отдельные аналогии микроостриям из Амвросиевки находим в тонких игловидных остриях из второго слоя Тельманской стоянки, хотя и они по сравнению с амвросиевскими толще и больше размерами⁷.

Совершенно другое соотношение дают и типы резцов в Амвросиевке (около 270 экз., из них более 20 угловых, более 40 боковых и более 200 срединных). Резцы, изготовленные из крупных пластинчатых отщепов, длиной от 3 до 7 см, составляют четкую серию. Миниатюрные резцы, представленные в Большой Аккарже, здесь отсутствуют.

Скребки (около 40 экз.) изготовлены из отщепов и пластинчатых отщепов, имеют выпуклое утолщенное рабочее лезвие. Ретушь заходит далеко на спинку. Среди концевых скребков есть орудия с зауженным рабочим краем, со скошенным лезвием; округлый скребок пока один, двойных нет. У ряда боковых резцов конец напоминает скребковое лезвие; возможно, первоначально они использовались как скребки, а затем были превращены в резцы.

Значительную группу составляют пластинки и пластинчатые отщепы с приостряющей ретушью. Больше пластинок с ретушью по краю со стороны спинки (около 100), более 50 — с поверхности скола и около 10 — с противоположной ретушью.

Около 20 экз. нуклеидных орудий напоминают по форме скребла. Они совершенно отличны от нуклеидных форм Большой Аккаржи.

⁷ А. Н. Рогачев. Многослойные стоянки Костенковско-Боршевского района на Дону и проблема развития культуры в эпоху верхнего палеолита на Русской равнине. МИА, № 59, 1957, стр. 55.

Соотношение основных типов орудий в позднелолитических памятниках Северного Причерноморья и Приазовья

№№ п/п	Орудия	Большая Аккаржа			Амвросиевка			Каменная Балка I			Каменная Балка II					
		Исследо- ванная площадь	Количество орудий	Процент- ное соотно- шение орудий	Исследо- ванная площадь	Количество орудий	Процент- ное соотно- шение орудий	Исследо- ванная площадь	Количество орудий	Процент- ное соотно- шение орудий	Исследо- ванная площадь	Количество орудий	Процент- ное соотно- шение орудий			
1	Микропластинки с крутой притуп- ляющей ретушью (аккаржанско- го типа)	130 м²	354	22,9	около 400 м²	—	24	80 м² (1957— 1959 гг.)	—	36,9	358 м² (1959— 1962 гг.)	—	19,8			
2	Микропластинки-острия (амвроси- евского типа)		—	<270		24			—			—		—		
3	Пластинки с притупленным рету- шью краем и с одним или обо- ими ретушированными концами; «прямоугольники», «косоугольни- ки» и «треугольники»		1 (треу- гольник)	0,06		135			36,9			389		19,8		
4	Резцы:		161	10,45		<270			24			103		28	724	36,8
	боковые		61			<40						79			500	
	угловые,		47			<20						21			86	
	срединные		53			<200						3			138	
5	Скребки		92	6		≈40			3,6			54		14,7	265	13,4
6	Острия (различные)		94	6		—			—			18		4,9	30	1,5
7	Проколки		12	0,8		—			—			4		1	15	0,8
8	Нуклевидные орудия и нуклеусы	559	36	≈380	34	49	13,4	449	22,8							
9	Pièces écaillées	—	—	—	—	3	0,8	33	1,7							
10	Пластинки и отщепы с ретушью	271	17,5	<160	14,4	—	—	63	3,1							
	Итого		1544		≈1120		366		1968							

Обозначения: < — более, ≈ — около, — — нет.

Кроме кремневых изделий, в Амвросиевке были найдены костяные наконечники: три из них имеют боковые пазы. Из украшений следует указать на пять подвесок, четыре из члеников морской лилии и одна из песчаниковой гальки⁸.

Суммируя все сказанное, можно сделать вывод, что эти памятники (Большая Аккаржа и Амвросиевка) отличаются не только по основным типам орудий, но и по технике их изготовления.

В культурном слое Каменной Балки I прослеживались скопления кремней и раковин моллюсков, а также кусочки охры. В фауне стоянки, кроме зубра, появляется бурый медведь. Культурный слой Каменной Балки II «...местами выделяется в профиле скоплениями находок и характерной черноватой окраской», скопления представляют собой «брекцию из обломков определимых костей лошади и зубра, между которыми встречаются кремни»⁹.

Фауна стоянки разнообразна, наряду с зубром есть лошадь, северный олень, бурый медведь, заяц, баран.

Переходя к орудиям, следует подчеркнуть, что здесь имеются устойчивые серии (стоянки сходны по типам орудий). Очень существенным и показательным для Каменных Балок I и II являются правильные пластинки с притупленным краем и ретушью на концах, так называемые прямоугольники, косоугольники и треугольники, которых нет ни в Амвросиевке, ни в Большой Аккарже. Заготовками для орудий служили пластинки. Среди резцов преобладают боковые. Скребки изготовлены из широких пластинок и укороченных отщепов, среди них есть двойные скребки и комбинированные орудия. Скребки с массивным рабочим краем единичны. *Pièces ecaillées* и отщепы с ретушью (зубчатые орудия) составляют серии в Каменных Балках.

Таким образом, перед нами четыре памятника очень своеобразные, непохожие друг на друга, каждый со своими особенностями и характерной для него группой орудий (см. таблицу соотношения орудий). Безусловно, эти стоянки относятся к одному ареалу южных культур, но ни в коей мере их нельзя объединять в одну степную культуру. Кроме того, можно указать различные памятники близких территорий, к которым каждый из них тяготеет. Для Большой Аккаржи это будут позднепалеолитические памятники Крыма и прежде всего Сюрень I. В Сюрени I на протяжении трех слоев наблюдаются почти одни и те же технические приемы в изготовлении орудий. Крутая притупливающая ретушь на микропластинках верхнего слоя Сюрени I напоминает ретушь на орудиях из Аккаржи. Близки между собой и нуклевидные орудия, хотя в Сюрени I (среднем и верхнем слое) эта группа орудий более выразительна. Наконец и нуклеусы Большой Аккаржи находят более близкие аналогии с сюреньскими (верхним и средним слоями), чем Амвросиевкой и Каменными Балками I и II.

Что касается Каменных Балок I и II, то мы разделяем полностью точку зрения М. Д. Гвоздовер, указывающей на близость их к кавказским памятникам¹⁰.

Амвросиевка не имеет пока прямых аналогий. С одной стороны, ее микропластинки-острия напоминают острия второго слоя Тельманской стоянки, с другой — находят отдельные связи с кавказскими местонахождениями, в частности Девис-Хврели, а возможно памятники этого типа имеют местную основу.

Возвращаясь к Большой Аккарже, необходимо отметить, что она занимает особое место среди стоянок Северного Причерноморья и Приазовья, возможно, впервые мы сталкиваемся с намечающимися связями с Крымом.

⁸ П. И. Борисковский. Палеолит Украины, стр. 339, 340 и 361.

⁹ М. Д. Гвоздовер. Указ. соч., стр. 40.

¹⁰ Там же, стр. 41.

Н. И. ГУМИЛЕВСКИЙ, И. И. КОРОБКОВ

МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ ПАМЯТНИКОВ
КАМЕННОГО ВЕКА У СЕЛА ХЕЙВАНИ¹

В результате многолетней работы краеведческих кружков ряда школ Гагрского и Адлерского районов было обнаружено большое количество археологических памятников самого различного возраста. Некоторые из них привлекли внимание археологов и подверглись раскопкам, результаты которых нашли отражение в печати².

Палеолитические коллекции, хранящиеся в школьных музеях, комплексно не изучались и в печати имелись о них лишь отрывочные сведения³. Методика сбора материалов по отдельным участкам позволяет уточнить особенности индустрий древнего и среднего палеолита в данном районе.

Публикуемая работа посвящена результатам изучения коллекции лишь одного из таких памятников — Хейванского палеолитического местонахождения открытого типа. Оно расположено к северу от школы с. Хейвани и представляет собой ряд пунктов сбора археологического материала на поверхности 25 м (карангатской)⁴ и 80 м террас. Останцы древней (80 м) террасы сложены крупной галькой; коренные отложения этих террас перекрыты покровными глинами палево-желтого цвета с железистыми включениями. Эти глины, как и налегающие на них коричневые суглинки, плащеобразно покрывают террасы различного возраста⁵. С ними, по-видимому, и связано первоначальное залегание палеолитических находок. Материалы концентрируются на вершинах останцев 80 м террасы и у их подножий, на поверхности нижней террасы.

В целом местонахождение распадается на семь разных пунктов, следующих по дуге один за другим с северо-востока на северо-запад (рис. 30). Видимо, условия позднейшей эрозии покровных суглинков обеих террас как в результате действия естественных факторов, так и деятельности человека (распашка полей) привели к тому, что отдельные участки этого некогда единого местонахождения как бы концентрируют на своей поверхности палеолитические предметы. В том месте, где останцы высоких террас разделены небольшим ручейком позднейшего происхождения, создается естественная граница, разделяющая села Бароновка и Хейвани.

¹ Доклад прочитан на заседании Сектора палеолита 22 декабря 1964 г.

² А. А. Формозов. Неолит Крыма и Черноморского побережья Кавказа, МИА, № 102, 1962.

³ Л. Н. Соловьев. Следы нижнего палеолита на карангатской террасе между пос. Адлер и с. Гантиади. «Тр. Абхазского ИЯЛИ», XXX, 1959.

⁴ П. В. Федоров. Стратиграфия четвертичных отложений Крымско-Кавказского побережья и некоторые вопросы геологической истории Черного моря. Тр. Геологического ин-та, вып. 88. М., 1963, стр. 67—74.

⁵ Л. Н. Соловьев. Следы нижнего палеолита..., стр. 189—192; Он же. К вопросу о геологической датировке палеолита Абхазии. БКИЧП, 6—7, 1940, стр. 104.

Исходя из такого чисто административного принципа, отдельные пункты сборов археологического материала и получили первоначальное свое название, хотя, совершенно очевидно, что пункты Хейвани I—V и Бароновка I—II в палеолитическое время составляли единый комплекс мелких стоянок человека в местах его охоты. Это подтверждается полным тождеством палеолитических материалов на всех пунктах местонахождения, чем позволяет объединять их в типологические комплексы и производить оценку

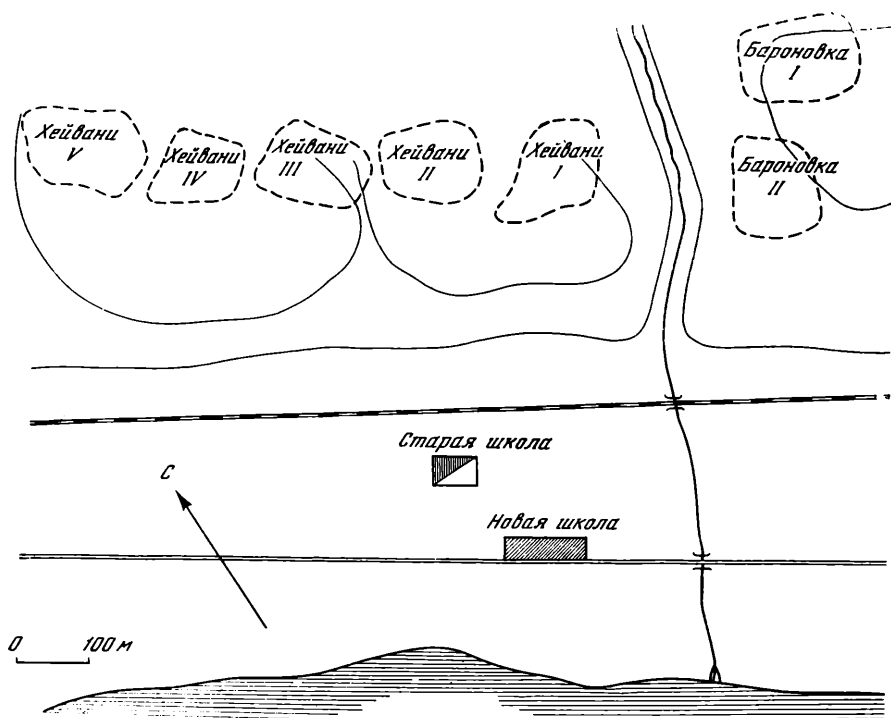

Рис. 30. Схематический план местонахождений у с. Хейвани

в целом, отмечая тем не менее отдельные особенности каждого пункта. Последнее стало возможно благодаря прогрессивному методу сбора материалов по отдельным участкам. Различные пункты дают неодинаковый количественный и качественный состав инвентаря. Количество предметов колеблется на разных пунктах от 100 до 700, вся коллекция состоит из 2 тысяч кремней (см. табл. на стр. 98).

Какие же выводы можно сделать на основе приведенных в таблице данных? Наибольший процент неолитического некремневого материала, включающего сланцевые мотыжки, заготовки и грузила, дает пункт X—XIII, а также X—I—II, которые лежат на склонах останцев высоких террас. Замечено, что неолитические находки встречаются даже там, где нет концентрации более древних предметов (на склонах останцев древних террас вместе с гальками). Это говорит за то, что сложение рельефа данной местности к неолитическому времени было уже закончено и что маломощная почва голоценового времени, налегавшая на уже эродированные ранее склоны останцев древних террас, легко размывалась. При этом неолитические вещи вполне могли попадать совместно с палеолитическими орудиями в делювий позднего голоценового времени и даже получить ожелезненность поверхности от контактов с переотложенным древним суглинком. Это, по-видимому, и послужило причиной ошибки, допущенной Л. Н. Соловьевым при оценке не-

кремневого инвентаря долины Мзымты нижнепалеолитическим возрастом⁶.

Поздний и маловыразительный кремь равномерно представлен на всех пунктах (15—20%), но процент⁷ его возрастает на пункте X—I—II, где наиболее четко представлен верхнепалеолитический комплекс и X—III, где 50% составляют неолитические некремневые находки. Следовательно, даже при недостаточной четкости типологической оценки подъемного материала вполне очевидно, что маловыразительный кремь Хейванской коллекции с белой патиной характерен именно для позднейших индустрий.

Древний комплекс очень невелик в процентном отношении, но заметно его тяготение к пунктам, где наиболее представлена эрозия высоких террас. Так, на пункте X—III слабо представлено мустье и большой процент древнего материала не может быть объяснен случайной типологической «древностью» отдельных мустьерских вещей. Именно здесь останец 80-м террасы расчленен древней балочкой, которая вскрывает нижние горизонты суглинков и концентрирует материал на ограниченной площади; на других пунктах (Б—1, например) такое же количество материала распределяется на большой площади и не дает процентной концентрации. Процентный состав мустьерского комплекса делает резкий скачок и остается на уровне 55—60% на тех пунктах (Б—I, X—IV, V), где долговременная эрозия (пахота, дождевые потоки) вскрывали наибольшие площади желтоземных покровных образований.

Перейдем теперь к исторической оценке отдельных археологических комплексов Хейванской коллекции. В ней очень хорошо представлен неолит «адлерского» типа, характеризуемый мотыжками-сечками, грузилами из уплощенных галек с двумя выемками на удлиненных концах, расколотыми вдоль гальками и заготовками шлифованных орудий. Этот материал хорошо известен по публикациям Л. Н. Соловьева и А. А. Формозова. Интересно подчеркнуть, что сходных неолитических предметов не встречено на открытых местонахождениях Абхазии, в частности на Яштухе. Инвентарь же более древних комплексов, наоборот, находит себе там больше аналогий. Наряду с некремневым, в Хейвани представлен хронологически слабо разграничиваемый кремневый комплекс позднейшего времени. Он характеризуется концевыми скребками, пластинками с выемками и с затупленным краем, узкими ножевидными пластинками, а также миниатюрными ядрищами типа килевидных скребков. Однако вследствие малого количества орудий о хронологических границах этого комплекса говорить трудно, хотя отдельные вещи находят себе аналогии в так называемых «верхнепалеолитических» комплексах других памятников Черноморского побережья (Ахштырская пещера, Яштух)⁸.

Несколько слов надо сказать о наиболее древнем комплексе Хейвани. Он немногочислен (рис. 31) — около 150 предметов, но типологически выделяется на каждом из семи пунктов местонахождения. Представлены в основном ядрища (рис. 31, 3) и отщепы, укороченные, массивные, с сильно скошенными площадками и усиленным рельефом брюшка (рис. 31, 1, 4). Весьма характерный облик имеют ядрища. Они очень стандартизованы. Оббивка массивного, чаще укороченного желвака идет с двух сторон по длинному краю, так что получается подобие лезвия. По этому признаку данные предметы можно принять за однолезвийные ручные рубила весьма древнего облика, но они никогда не имеют двух бифациально обработанных краев. Один экземпляр Хейванской коллекции позволяет интерпретировать всю группу подобных изделий (рис. 31, 5). У него при сходстве формы и

⁶ Л. Н. Соловьев. Следы нижнего палеолита..., стр. 189—192.

⁷ Здесь и ниже учитываются в основном процентные показатели, так как интенсивность сборов на разных пунктах местонахождения была неодинаковой, и количество предметов не отражает фактического соотношения индустрий.

⁸ С. Н. Замятин. Очерки по палеолиту, табл. XXI, XXV, X, VII; А. А. Формозов. Неолит Крыма и Черноморского побережья Кавказа, рис. 26, 1.

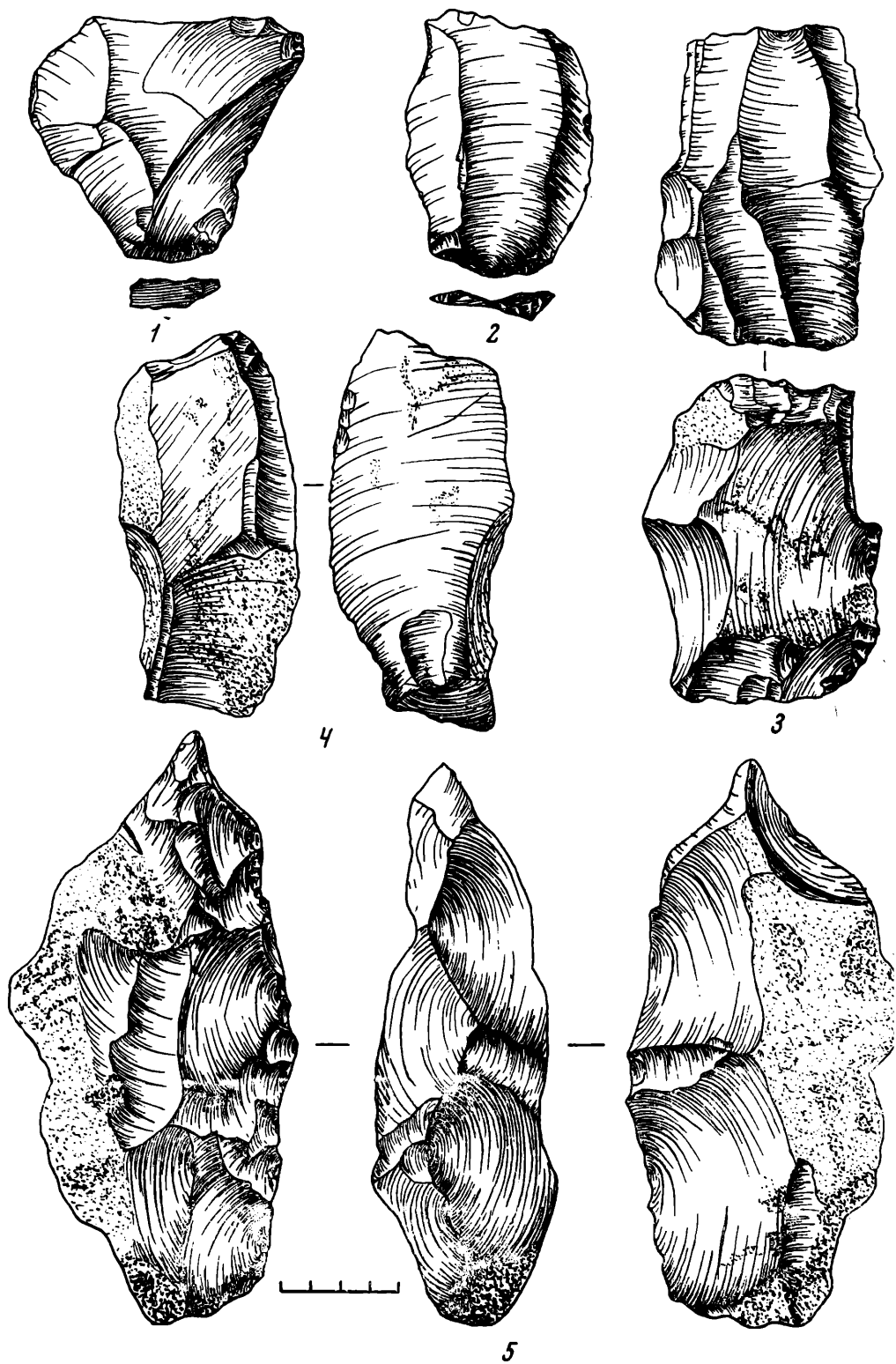

Рис. 31. Хейванское местонахождение. Древний комплекс:
 3, 5 — ядромы; 1, 2, 4 — отщепы

размеров «лезвие» асимметрично: одна часть расположена под прямым углом к другой.

При соответствующей ориентации очевидным становится назначение данного предмета как нуклеуса. Горизонтальная площадка давала возможность получать более правильные заготовки: (размеры негативов у ядрищ «с лезвием»: негативы площадки $7,5 \times 5$, 7×4 см, негативы плоскости скальвания 5×5 , 3×4 , 4×2 см; у ядрища же с «горизонтальной площадкой» соответственно 8×5 , 5×4 , но 4×7 , 3×7 , 2×5 см). К тому же типу вещей безусловно относится и «раскальыватель», опубликованный Л. Н. Соловьевым⁹. В то же время встречены и сработанные ашелло-леваллуазские экземпляры нуклеусов (рис. 31, 3). Все предметы данного комплекса имеют сильно ожелезненную поверхность.

Древний материал Хейвани обнаруживает полное сходство с частью ашелльского материала Яштуха, хотя такой комплекс и там представлен недостаточно полно. Он обнаруживает гораздо больше «клектонских» черт, чем яштухский «ашелло-леваллуазский комплекс с рубилом». Сравнение этих комплексов позволяет поставить вопрос о разграничении вариантов палеолитических индустрий Черноморского побережья Кавказа, начиная с ашелльского времени.

Рассмотрим теперь наиболее полно представленный в Хейванской коллекции комплекс мустьерского времени. Две особенности его бросаются в глаза при первом взгляде на материал: а) чрезвычайно большой процент леваллуазских форм, число которых возрастает с увеличением общего количества предметов; б) небольшое количество орудий со вторичной обработкой, причем число их не зависит от общего количества предметов и не отражается на облике техники. В целом техника явно леваллуазская и индекс леваллуа (IL) в среднем — 70%.

По форме орудия мало варьируют на различных пунктах местонахождения. Совершенных нуклеусов сравнительно с обилием прочего материала немного, причем доминируют очень показательные леваллуазские формы (треугольные, четырехугольные, с круговой площадкой). Из нелеваллуазских форм следует отметить типичные диски (3 экз.), шаровидные нуклеусы «причерноморского типа» (3 экз.), конусовидные. Все эти ядрища встречаются в мутье Ахштырской и Хостинских пещер и Яштухского местонахождения¹⁰.

Вышеупомянутые две особенности мустьерского комплекса Хейвани нагляднее можно выявить благодаря статистическим показателям техники (индексам Ф. Борда). Индекс леваллуа (IL), показывающий отношение леваллуазских отщепов и пластин к нелеваллуазским, составляет в среднем 74,5% для пунктов с многочисленным инвентарем и 60% — с малочисленным. Тем самым, он имеет тенденцию увеличиваться с возрастанием количества предметов, что указывает на хорошо выраженный леваллуазский характер техники. Эта деталь подчеркивает (согласно Борду), что здесь, возможно, имел место искусственный отбор предметов самими палеолитическими людьми — следовательно, тип данного местонахождения соответствует скорее охотничьему лагерю, нежели поселению.

Индекс пластинчатости (I lam) колеблется от 48 до 33,3% у пунктов с большим и малым количеством предметов, т. е. так же, как и IL увеличивается с возрастанием материала. Такой характер изменения этих двух индексов обычно указывает на постепенную стабилизацию техники: с возрастанием количества материала в леваллуазских комплексах увеличивается серийность заготовок, их стандартизация. Но в связи с этим очень интересно изменение показателя обработки площадок у отщепов (индекс фас-

⁹ Л. Н. Соловьев. Следы нижнего палеолита..., табл. II.

¹⁰ С. Н. Замятин. Очерки по палеолиту, табл. XXVI, 8, 17, 1961; И. И. Кобков. Нуклеусы Яштуха, МИА, № 131, 1965, табл. 9.

сетажа — IF). Он показателен не только сам по себе (IF общий — 52,3%. IFs тонкой подправки — 38,3%), но и благодаря тенденции к повышению цифры общего фасетажа с возрастанием количества материала (с 35—45% на малообильных пунктах до 55—65% на пунктах с большим числом предметов).

Увеличение IF является чертой скорее противоречащей чисто леваллуазскому характеру индустрии, так как в случае классического леваллуа естественно ожидать, наоборот, уменьшения числа подправленных площадок с возрастанием числа предметов. Это связано с серийностью получения заготовок: на леваллуазском нуклеусе можно получить до 10 отщепов без дополнительной подправки площадки (расчеты Ф. Брода). В то же время эта черта вполне соответствует некоторым мустьерским индустриям в леваллуазской фации (например, мустье типичному).

Типологические показатели нами статистически (по Ф. Борду) не подсчитывались, поскольку небольшое количество орудий и характер памятника (открытый тип местонахождения с подъемным инвентарем) наряду с возможностью смешения различных индустрий делает подсчет типологических индексов нечетким и во многом зависящим от случайностей. В этом случае надежнее проводить обычную типологическую оценку.

В Хейванской коллекции обращает на себя внимание комплекс пункта X—III, давший 6 орудий на 30 мустьерских предметов. Это мустьерские остроконечники (рис. 32, 2), 2 скребла высокого типа с прямым и выпуклым рабочим краем (рис. 32, 3), двугранные пластины с грубой противлежащей ретушью (рис. 32, 4). На пунктах X—I—II на 50 мустьерских вещей приходится лишь 1 леваллуазское острие, мустьерский остроконечник и небольшой бифас (рис. 32, 1), возможно, переоформленный из сработанного нуклеуса с круговой площадкой.

В комплексе Бароновки 1 на 56 экз.—4 орудия, в том числе двойное выпуклое скребло на изогнутой пластине и 3 леваллуазских острия без ретуши. Здесь та же картина: орудия со вторичной обработкой мустьерского облика и рядом с ним явно леваллуазские формы заготовок. На 145 предметов с X—V имеется 5 леваллуазских острий без ретуши (рис. 33, 3). 2 с ретушью и выемками-анкошами (рис. 33, 1—2), 2 мустьерских остроконечника (рис. 33, 4) и 3 пластины-ножа весьма своеобразного облика (с закругляющимся лезвием) (рис. 33, 10, 11), а также 2 орудия характерной только для Хейвани формы: скребло-нож с обушком и высоким асимметричным поперечным концом (рис. 32, 7); всего 13 орудий. В X—IV на 373 мустьерских предмета — 14 орудий: 5 леваллуазских острий без ретуши (рис. 33, 13), 4 мустьерских остроконечника (рис. 33, 6—8), 1 удлиненное асимметричное острие (рис. 33, 5), одно угловатое скребло (*dejetè*), 2 ножа — на леваллуазских отщепах (рис. 33, 12) и высокое боковое скребло типа Кина.

В Бароновке II на 400 мустьерских предметов приходится 10 леваллуазских острий, 3 мустьерских остроконечника, 1 остроконечник на леваллуазском отщепе (рис. 32, 6), 2 скребловидных выемчатых орудия и скребло на удлиненной пластине (рис. 32, 8); всего 17 орудий.

Нельзя не упомянуть и ряда других характерных форм: рубящих орудий-чопперов из галек, встреченных также в Ахштыре и на Яштухе, где находят себе аналогии большинство из вышеперечисленных форм орудий и нуклеусов¹¹. Вторичная обработка и формы орудий указывают на четко выраженный характер мустье типичного, в то время как леваллуазские заготовки, острия без ретуши еще более подчеркивают леваллуазское своеоб-

¹¹ С. Н. З а м я т н и н. Очерки по палеолиту..., табл. X, IX; И. И. К о р о б к о в. Разведочные работы в Хостинских пещерах в 1961 г. КСИА, вып. 92, рис. 13, 9, 11; М. Э. П а н и ч к и н а и Е. А. В е к и л о в а. Исследование Ахштырской пещеры в 1961 г. КСИА, вып. 92, рис. 9; И. И. К о р о б к о в. Нуклеусы Яштуха, табл. 8—9. МИА, № 131, 1965.

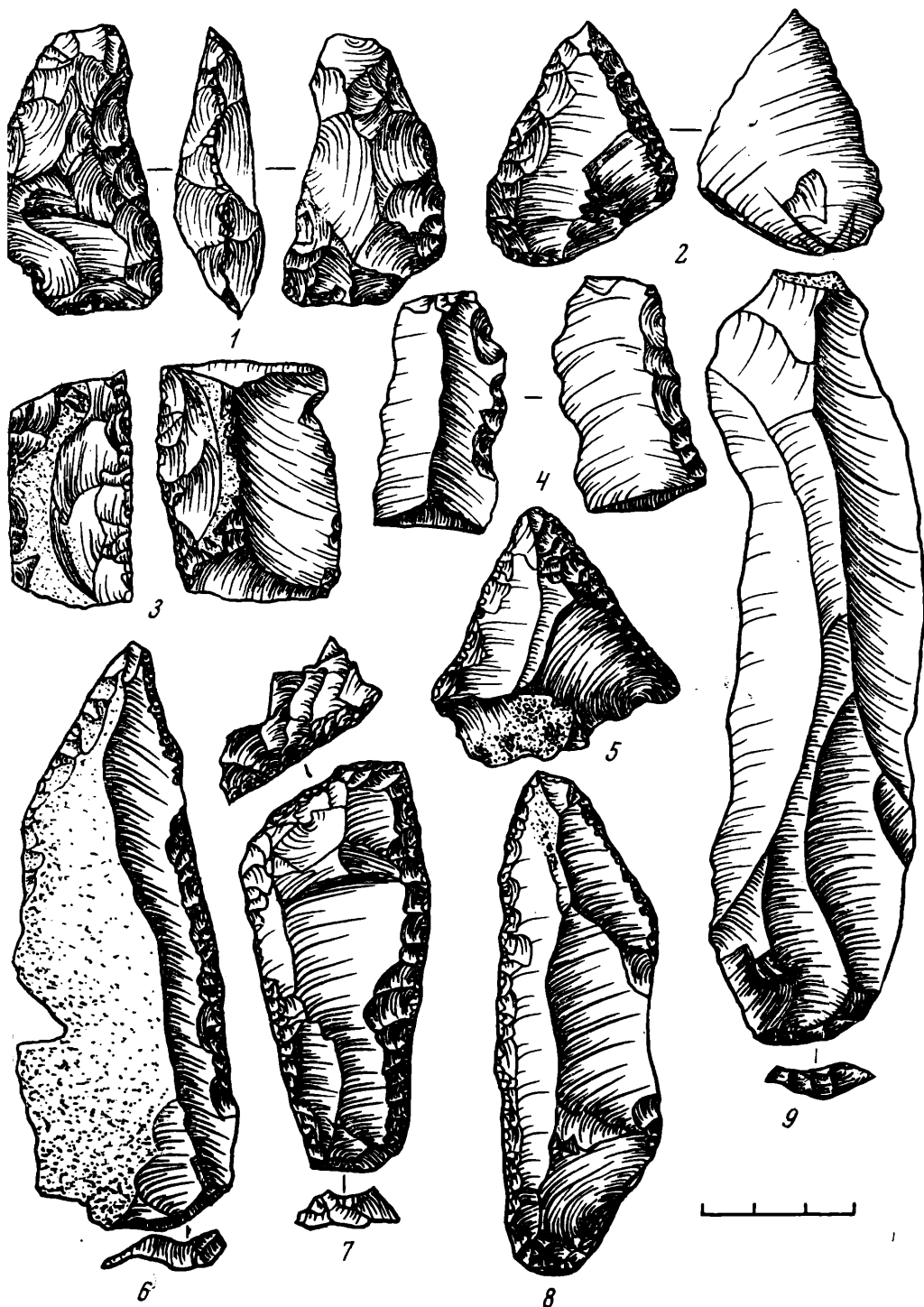

Рис. 32. Хейванское местонахождение. Мустьерский комплекс:

1 — миниатюрный бифас. Хейвани II; 2 — мустьерский остроконечник, Хейвани III; 3 — скребло высокого типа с прямым рабочим краем. Хейвани III; 4 — зубчатое орудие (denticulé) с противоположащей ретушью. Хейвани III; 5 — мустьерский остроконечник. Хейвани IV; 6 — пластина-нож. Бароновка II; 7 — скребло-нож «типа Хейвани». Хейвани V; 8 — боковое скребло. Бароновка I; 9 — леваллуазская пластина. Хейвани IV

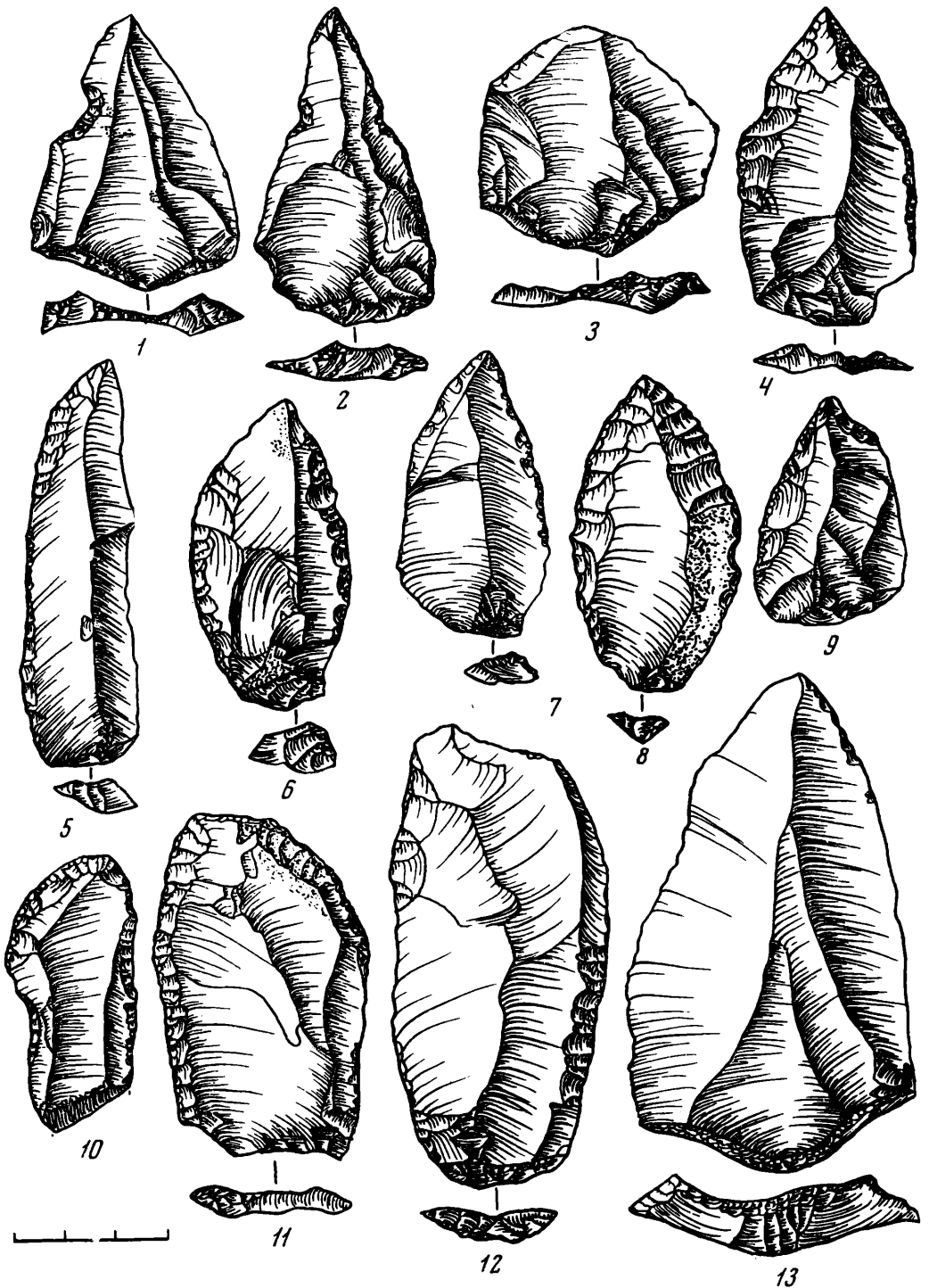

Рис. 33. Хейвани IV и V. Левауазские типы орудий. Мустьерский комплекс:
 1, 2 — левауазское острие (point) с выемкой; 3 — левауазский отщеп; 4 — мустьерский остроконечник;
 5 — асимметричное острие; 6—8 — мустьерские остроконечники, Хейвани IV; 9 — мустьерский остроконечник;
 10, 11 — ножи с закругленным лезвием; 12 — левауазский отщеп типа «нож с обушком», Хейвани IV,
 13 — левауазское острие, Хейвани IV

Числовое соотношение различных комплексов на местонахождениях Хейвани

Название пункта и его местоположение	Неолитический некремневый комплекс		Поздний и мало-выразительный кремль		Мустье		Древний палеолит		Всего	
	Количество вкз.	%	Количество вкз.	%	Количество вкз.	%	Количество вкз.	%	Общее число предметов	%
Бароновка I Крайний северо-восточный пункт, поверхность нижней террасы . .	72	10,1	155	22,5	400	58	60	9,2	688	100
Бароновка II К зап. от Б-I поверхность нижней террасы . .	13	14	20	21,2	56	62,2	2	2,2	93	100
Хейвани I-II Вершина и покатые склоны останцев 80-м террасы . .	87	35	108	53	26	50	5	2	250	100
Хейвани III У древней балочки между останцами 80-м террасы .	100	50	59	33	25	12,5	16	8	200	100
Хейвани IV Вершина крайнего с-з останца 80-м террасы . . .	152	25	65	12	373	60	30	4	620	100
Хейвани V Крайний северо-западный пункт местонахождения. На склонах и у подножия высокой террасы . .	60	22,6	40	15,4	145	56	16	6	260	100

разие техники данной индустрии, уже выявившееся ранее при статистических подсчетах.

Техническая сторона Хейванской коллекции не находит себе полной аналогии ни в одной из пещер Черноморского побережья, хотя в материале последних отчетливо заметны отдельные леваллуазские черты. В то же время материалы Хейвани и пещер в типологическом плане близки. Ряд оригинальных форм орудий Хейванского мустье (рис. 32, 7) еще раз подтверждает мысль о своеобразии мустьерских индустрий в каждом отдельном районе и о невозможности все типологическое многообразие индустрий среднего палеолита исчерпать с помощью 62 номеров лист-типа Ф. Борда и его технико-типологических индексов. Хотя сам статистический метод оценки является, несомненно, крупнейшим за последние годы достижением палеолитоведения, необходимо его дальнейшее усовершенствование, разработка специфики отдельных типологических форм и индексов в каждом отдельном регионе.

В результате технико-типологического изучения мустьерской индустрии Хейванского местонахождения мы приходим к весьма неожиданным выво-

дам, которые внешне кажутся несовместимыми. С одной стороны, ярко выраженная техника леваллуа и, с другой — ярко выраженный (при некоторых чертах своеобразия) индустриальный облик мустье, близкий типичному его варианту. Ничего подобного нет ни в одном пещерном памятнике на Черноморском побережье Кавказа. Следует, видимо, думать, что мы сейчас находимся в том же положении, что и французские археологи несколько десятилетий назад, с «мустье гротов» и «леваллуа открытых мест». Причины такого различия еще неясны, но само оно налицо. Скрываются ли за ним различные варианты мустьерской культуры или же влияние сезонности обитания мустьерских общин — покажут дальнейшие исследования и открытия. Один вывод все же остается ясным: Хейванское местонахождение дает нам совершенно своеобразный комплекс мустье «на открытом воздухе», который не встречен ни в одном пещерном местонахождении Черноморского побережья Кавказа. Уже одно это свидетельствует о важной роли данного и многих других местонахождений открытого типа, исследованию которых надо придавать не меньшее значение, чем изучению пещерных памятников.

И. В. ГАВРИЛОВА

НОВЫЕ МЕЗОЛИТИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ
КОСТРОМСКОЙ ОБЛАСТИ¹

Вопрос о мезолите Верхней Волги возник в 30-е годы нашего столетия, когда подверглись исследованию стоянки Скнятино и Соболево². Одновременно с этим в Костромской и Ярославской областях П. Н. Третьяковым были выделены комплексы микролитических изделий. В течение многих лет датировка этих микролитических коллекций оставалась спорной и лишь в последнее время новые сведения о древнейших памятниках Верхнего Поволжья позволили исследователям более решительно отнести их к мезолитической эпохе³.

Настоящая статья касается этой сложной проблемы в связи с новыми материалами, полученными в результате раскопок автора, а также исследованием музейных коллекций, неизвестных в археологической литературе. Сюда относятся микролитический комплекс из поселений Федоровского, Святыцы и Юг, расположенных на берегах Чухломского озера, и стоянки Умиленье на Галичском озере. На Федоровском поселении из материалов раскопок 1962—1964 гг. к такому комплексу принадлежат 143 предмета из валунного кремня — ножевидные пластины, их сечения и различные изделия из пластин: острия, вкладыши, резцы и скребки (рис. 34).

Три острия, изготовленные из сравнительно широких пластин с мелкой крутой ретушью на концах, по-видимому, являются обломками наконечников стрел. Столько же пластин со скошенным краем. Пластинки с выемками на боковых сторонах имеют по две-три, реже одну крошечную выемку. Много ножевидных пластин с ретушью на боковых сторонах, нанесенной со спинки или с брюшка, а в некоторых случаях с обеих сторон по двум противоположащим граням. Из 11 резцов 10 сделаны на углах сломанных пластинок и лишь 1 — срединный. Как правило, на каждой пластинке по одному резцовому сколу, изредка по два, в одном случае они лежат по

¹ Доклад, прочитанный на заседании Сектора палеолита 19 октября 1965 г.

² М. В. Воеводский. К вопросу о ранней (свидерской) стадии эпипалеолита на территории Восточной Европы. «Тр. II Международной конференции по изучению четвертичного периода», вып. V, 1934; Он же. Мезолитические культуры Восточной Европы. КСИИМК, вып. 31, 1950, стр. 96—119; П. Н. Третьяков. Эпипалеолитические поселения Скнятинских дн. МИА, № 13, 1950, стр. 15—25; О. Н. Бадер и М. В. Воеводский. Стоянки родового общества. Археологические работы Академии на новостройках в 1932—1933 гг., т. 1. «Изв. ГАИМК», вып. 109, 1935, стр. 146—149, 152—153; П. И. Борисковский. Палеолитические и эпипалеолитические местонахождения бассейна р. Оки. «Тр. ССМАИЧПЕ», вып. 1, стр. 302—317.

³ А. А. Формозов. Периодизация мезолитических стоянок Европейской части СССР. СА, XXI, 1954, стр. 38—51; П. Н. Третьяков. Позднемезолитические местонахождения костромского и ярославского Поволжья. МИА, № 110, 1963, стр. 9—24; Д. А. Крайнов. Некоторые спорные вопросы древнейшей истории Волго-Окского междуречья. КСИИМК, вып. 97, 1964, стр. 3—19.

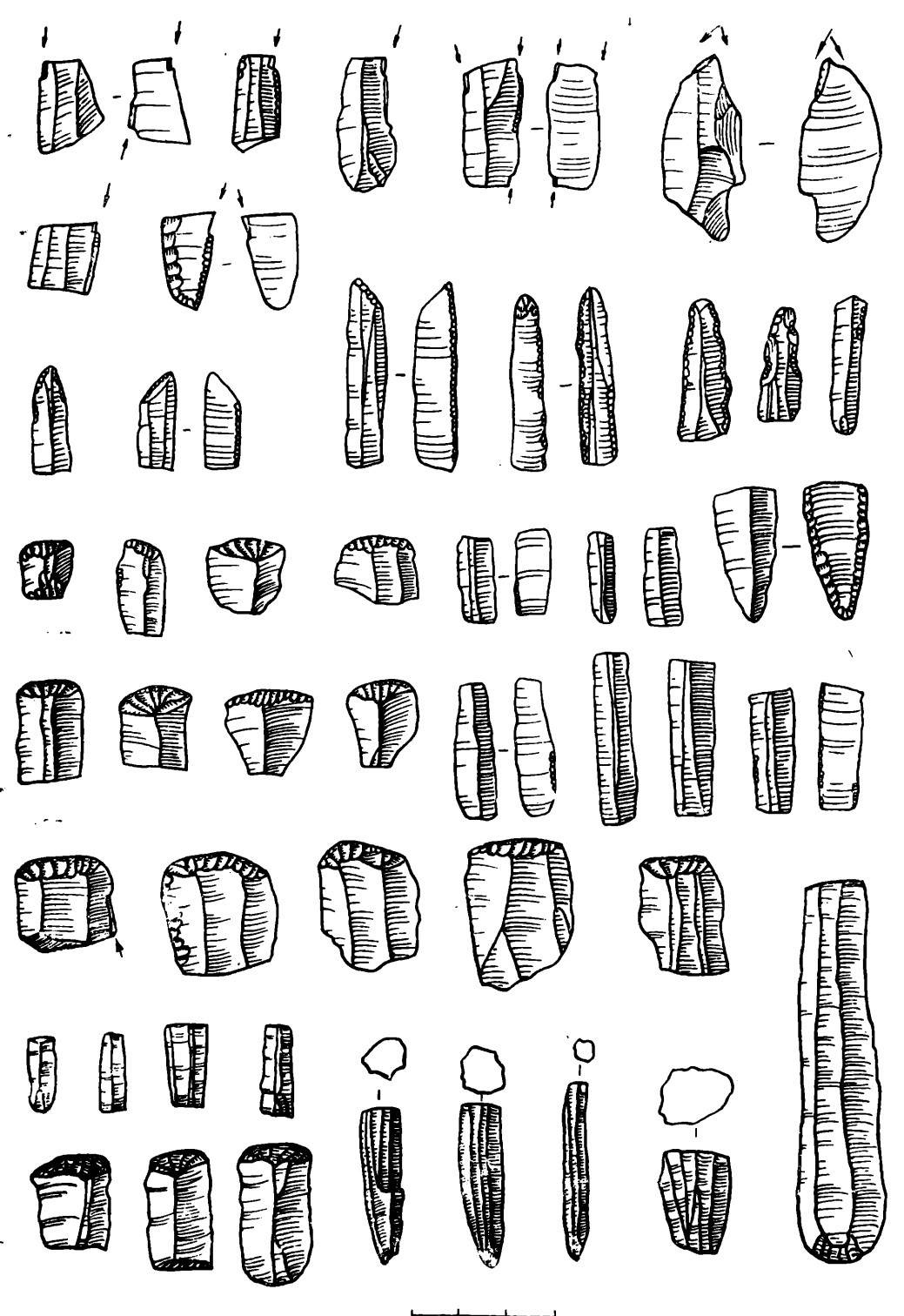

Рис. 34. Микролитические орудия Костромской области из поселения Федоровского и стоянки при устье р. Святыцы

диагонали на противоположных концах пластины. Срединный резец оформлен двумя сколами, направленными под углом друг к другу.

Самую многочисленную группу составляют концевые скребки. Среди них преобладают небольшие орудия с прямым рабочим краем, значительно меньше — с округлым. Для изготовления скребков использованы ножевидные пластины и подчетыреугольные отщепы. Заслуживают внимания три скребочка. Один крохотного размера (11 × 10 мм), другой — с выемкой на боковой стороне, третий — с острием-проколкой.

На Федоровском поселении наибольшее количество микролитических орудий встречено в северной части мыса и вдоль древнего берега. Если учесть разнообразие керамики данного памятника (ямочно-гребенчатая, гребенчатая, волосовская, фатьяновидная и сетчатая) и локализацию некоторых ее типов в определенных частях поселения, то возникает вопрос — возможно ли связать рассмотренные кремневые предметы с каким-либо из перечисленных видов керамики. Ямочно-гребенчатая керамика была обнаружена на всей площади стоянки, сетчатая локализовалась в ее центральной части, гребенчатая, волосовская и фатьяновидная — в северной.

Учитывая указанное выше сосредоточение микролитических орудий в северной части мыса наиболее возможным казалось бы увязать этот кремневый материал с ямочно-гребенчатой керамикой. По стратиграфическому залеганию керамика этого типа на всей площади преобладает в нижних горизонтах. Подсчеты микролитических орудий по глубинам в раскопе, расположенном в северной части мыса, как наиболее полно раскопанном, дали следующие результаты: в верхнем горизонте таких изделий было 22, во втором — 41, в третьем — 64.

Однако площадь, занятая ямочно-гребенчатой керамикой, значительно шире чем та, на которой встречались микролитические орудия. В раскопах, расположенных в центральной части стоянки, обнаружено всего 15 таких предметов, вместе с тем отсюда получен богатый материал совсем иного облика: двухсторонне обработанные наконечники стрел, различные скребки на отщепе, в том числе много округлых, шлифованные рубящие орудия, ножи и скобели из крупных отщепов. При допущении мысли об одновременности ямочно-гребенчатой керамики и микролитических изделий оказалось бы, что однородная на всей площади стоянки ямочно-гребенчатая керамика сопровождается различным по характеру кремневым инвентарем. Разновременность этих двух комплексов находит подтверждение и в ряде памятников, содержащих ямочно-гребенчатую керамику, аналогичную федоровской, в которых, однако, полностью отсутствуют микролиты — Борань, Половчинская, Сокольское, Серково⁴. Изделия микролитических типов одновременно ямочно-гребенчатой керамике: на стоянке Золоторучье 1 Ярославской обл. и в Сущеве Московской обл.,⁵ но керамика упомянутых памятников гораздо проще и, по-видимому, древнее Федоровской.

Помимо Федоровского поселения микролитические орудия в Костромской области найдены на Умиленье, где ямочно-гребенчатая керамика вообще отсутствует (рис. 35).

Ножевидные пластинки из Умиленья такие же тонкие, правильного очертания, с мелкой притупляющей ретушью, как и на предыдущем памятнике, но большая часть их без подработки. Среди изделий имеются пластины с двумя-тремя или одной выемкой на боковых сторонах, пластинка со

⁴ Н. Н. Гуркина. Неолитическое поселение Борань. МИА, № 79, 1960, стр. 188—238; Она же. Половчинская неолитическая стоянка. КСИИМК, вып. 75, 1959, стр. 70—76; Л. Я. Крижевская. Неолитическая стоянка Сокольское I на Волге. МИА, № 110, 1963, стр. 30—48; И. В. Гаврилова. Неолитическая стоянка у с. Серково. МИА, № 110 стр. 49—53.

⁵ Д. А. Крайнов. Некоторые спорные вопросы древнейшей истории Волго-Окского междуречья, стр. 3—19; В. М. Раушенбах. Древнейшая стоянка льяловской культуры. СА, 1964, № 2, стр. 188—191.

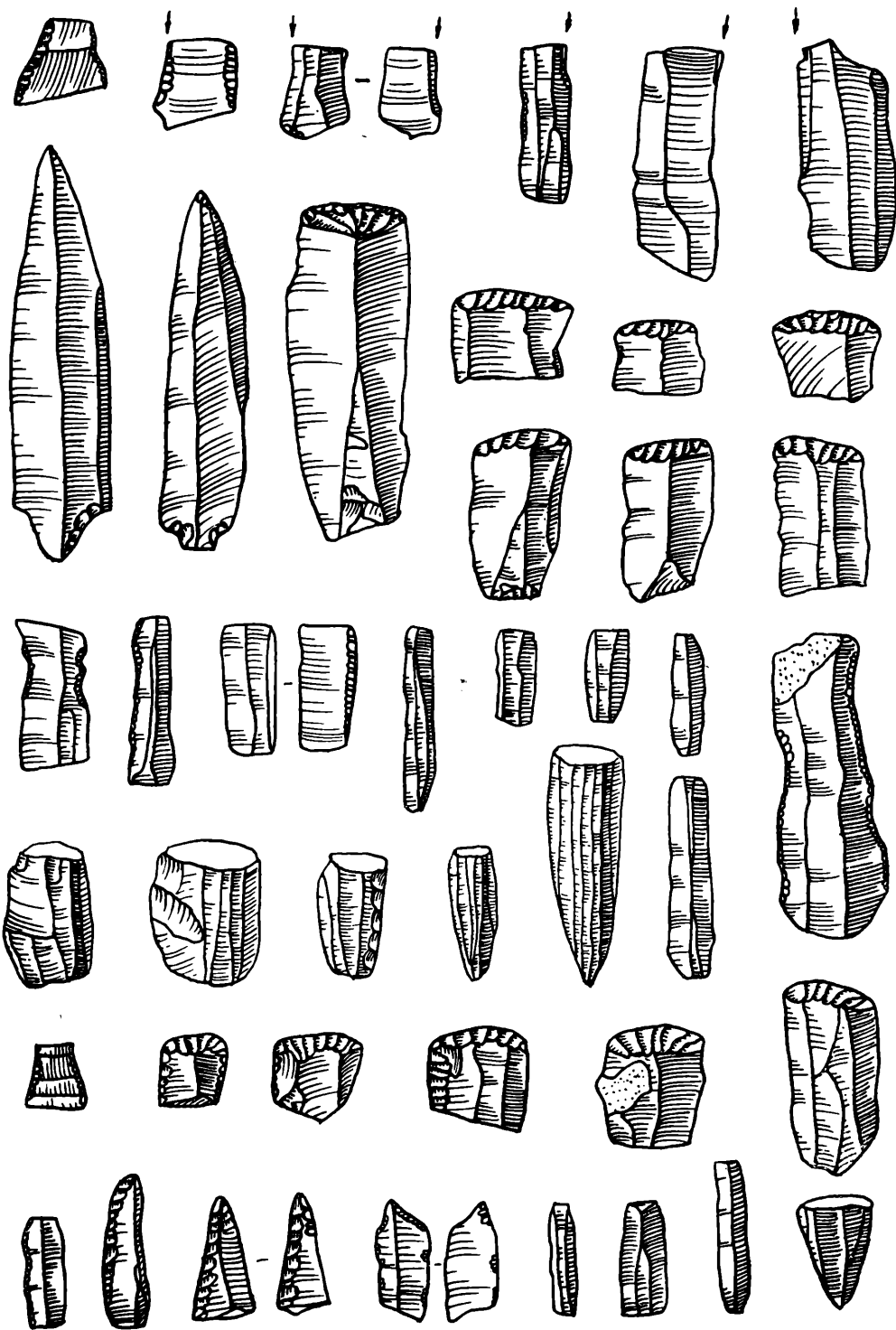

Рис. 35. Микролитические орудия Костромской области: из стоянки Умиленье и стоянки на реке Юг

скошенным краем, резцы на углу сломанных пластин и один резец на массивном отщепе. Здесь больше наконечников стрел. Все они сделаны при помощи подправки концов из тонких пластин с ребром на спинке и снабжены коротким черешком. Скребки концевые из ножевидных пластин, значительно меньше из тонких подчетырёхугольных и треугольных отщепов. Среди них почти нет маленьких скребочков, таких, как на Федоровском, поселении. Существенна находка асимметричной трапеции, изготовленной из сечения пластины. Края ее слегка вогнуты и покрыты крутой ретушью. Нуклеусы Умиленья имеют небольшие размеры, четкие грани, коническую или призматическую форму. Микролитические изделия встречались по всей площади стоянки, тогда как гребенчатая и сетчатая керамика, обнаруженные здесь же, локализовались лишь на определенных участках.

Таким образом, мы сталкиваемся с фактом, когда два различных вида керамики сопровождаются одним и тем же кремневым инвентарем.

Микролитические изделия в одном слое с гребенчатой и сетчатой керамикой были обнаружены при раскопках стоянки Юг (рис. 35, 30—43). Найденные там ножевидные пластинки и их обломки имеют правильные геометрические очертания и средние размеры. Мелкая крутая ретушь обычно располагается на боковой стороне, но иногда заходит на сечение. Из микролитических орудий привлекает внимание обломок острия с ретушью на конце и по одной из сторон, который, возможно, являлся наконечником стрелы, тонкая длинная пластинка со скошенным закругленным концом и пластина, сочетающая в себе функции скобеля и, возможно, резчика. Несомненно, большой интерес представляет находка трапеции совершенно правильной равнобедренной формы (10 × 7 мм). Скребки — на конце ножевидных пластин, на подчетырёхугольных пластинах или плоских отщепках с прямым рабочим краем и миниатюрные орудья на четырёхугольных отщепках, какие встречались на двух предыдущих стоянках. Нуклеусов три — один конический и два призматических.

Вся эта коллекция выделена типологически. По тому же признаку выделен и микролитический комплекс из материалов стоянки на правом берегу речки Святицы при впадении ее в Чухломское озеро (рис. 34). Он состоит из ножевидных пластин и их сечений, концевых скребков прямоугольной формы с прямым или чуть скругленным рабочим концом, пластины со скошенным краем и наконечника стрелы из ножевидной пластинки, а также конических и призматических нуклеусов.

Рассмотренный комплекс резко отличается от прочего кремневого инвентаря стоянки. В устье Святицы найдена и керамика, в том числе гребенчатая. Если вспомнить, что такая же керамика сопровождает микролиты на стоянках Юг, Умиленье и Федоровской, может возникнуть представление об их одновременности. Однако мы уже упоминали, что на Федоровском поселении, как и на Умиленье, площадь распространения микролитов шире территории, занятой гребенчатой керамикой. Микролитические изделия в одном случае сопровождаются обломками ямочно-гребенчатых и сетчатых сосудов, в другом — только сетчатых. Уже одно это обстоятельство ставит под сомнение одновременность микролитов и гребенчатой керамики.

Важным аргументом в пользу разновременности гребенчатой керамики и микролитов служит отсутствие последних в материалах известного памятника с гребенчатой керамикой — Туровского на Галичском озере. Несмотря на то, что керамика этого типа найдена там в изобилии и превалирует над другими типами посуды, кремневый инвентарь Туровского состоит только из двусторонне обработанного кремневого инвентаря и рубящих орудий из сланца⁶.

Вопрос о связи микролитических изделий с сетчатой керамикой неодно-

⁶ В. А. Городцов. Галичские клад и стоянка. «Тр. секции археологии РАНИОН», вып. III, 1928, стр. 13—54.

кратно обсуждался исследователями. За последнее десятилетие благодаря археологическим работам на Верхней Волге получен новый материал для его решения.

Как упоминалось выше, работами М. Е. Фосс на стоянке Умиленье выявлено несовпадение площади распространения микролитических орудий и сетчатой керамики⁷. На Федоровской же стоянке планиграфические данные дополняются подсчетом материала по глубинам. Как мы уже видели, количество микролитов увеличивается с глубиной и больше всего их найдено на глубине 0,60—0,80 м. Сетчатая же керамика распределялась следующим образом: 0,20—0,40 м — 17 черепков; 0,40—0,60 м — 170; 0,60—0,80 м — 14⁸.

Большое значение для решения этого вопроса имеют результаты изучения Н. Н. Гуриной поселений с сетчатой керамикой в Костромской обл.: Борань, Станок 1-П, Ватажка и Шуньга. Ни в одном из перечисленных поселений микролитические изделия не были обнаружены⁹. По мнению Н. Н. Гуриной, в Шуньге представлен чистый комплекс керамики, относящийся к сравнительно ранней фазе эпохи железа, о чем свидетельствует орнамент на сосудах, сохранивший многие черты предшествующей эпохи¹⁰. Кремневый же материал, многочисленный и аморфный, не имеет ничего общего с микролитическим.

Нам кажется, приведенные выше факты достаточно убедительно доказывают одновременность микролитов и сетчатой керамики. Что касается фатьяновской и фатьяновидной керамики, то в Костромском Поволжье одновременно с микролитическими изделиями она встречается лишь на Федоровском поселении. Среди материалов Туровского, Борани и Станка 1-П, где керамика этих типов представлена сравнительно обильно, микролитических орудий нет; наоборот, на стоянках с микролитами Умиленье и Юг отсутствует фатьяновская и фатьяновидная керамика. Таким образом, нет оснований считать их одновременными.

Все выше изложенные факты свидетельствуют о том, что микролитические изделия, найденные в Костромском Поволжье, как впрочем и на всей Верхней Волге, не следует связывать с кремневым инвентарем неолитических или более поздних памятников. Они должны рассматриваться самостоятельно и датироваться более древним периодом — эпохой мезолита. Таким образом, на территории Костромского Поволжья встречаются мезолитические памятники, характеризующиеся микролитическим инвентарем. Подавляющее большинство орудий здесь изготовлено из ножевидных пластин при помощи мелкой притупляющей ретуши, присутствуют вкладыши, резцы, скребки, наконечники стрел. Изделия геометрических форм обычно отсутствуют или как исключение представлены единичными экземплярами — трапецией. Эти памятники обнаруживают сходство прежде всего с орудиями таких известных стоянок, как Скнятино, Елин Бор и Борки¹¹, характерной чертой которых является большое количество ножевидных пластин и изготовленных из них орудий.

⁷ М. Е. Ф о с с. Новые памятники в районе Галичской культуры. КСИИМК, вып. 17, 1947, стр. 61—69; «Результаты Галичской экспедиции 1946 г.», КСИИМК., вып. 20, 1948, стр. 58—66; «Итоги Галичской экспедиции». КСИИМК, вып. 26, 1949, стр. 34—39.

⁸ При этом показатели верхнего горизонта решающего значения не имеют, так как он подвергался распахке. Несовпадение в плане и по глубинам этих двух комплексов не может быть случайным явлением.

⁹ Н. Н. Гу р и н а. Указ. соч.; Она же. Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Костромском Поволжье (по материалам Горьковской экспедиции). МИА, № 110, 1963, стр. 85—203.

¹⁰ Н. Н. Гу р и н а. Памятники эпохи бронзы..., стр. 138—145.

¹¹ П. Н. Т р е т ь я к о в. Эпипалеолитические поселения Скнятинских дюн, стр. 15—25; П. И. Б о р и с к о в с к и й. Палеолитические и эпипалеолитические местонахождения бассейна р. Оки, стр. 302—317; М. Э. П а н и ч к и н а. Мезолитическая стоянка Борки. МИА, № 2, 1941, стр. 149—157.

Однако в отличие от верхневолжских материалов микролитические коллекции Костромской области насчитывают значительно меньше наконечников стрел и содержат трапеции. Наши материалы обнаруживают большое сходство с мезолитическим инвентарем Вычегодского края: такие же нуклеусы, многочисленные ножевидные пластины и вкладыши из них, резцы на углу сломанной пластинки, скребки, трапеции и наконечники стрел из ножевидных пластин ¹².

Редкие находки орудий геометрических форм отмечались и в Прикамском мезолите ¹³. Но в мезолитических памятниках Прикамья нет наконечников стрел ¹⁴, что отличает их от памятников той же эпохи в Костромской обл.

Прослеживается общность и со Средним Поволжьем, однако там не встречается геометрических форм ¹⁵. Таким образом, мезолитические памятники Костромской обл. наибольшее сходство имеют со стоянками на р. Вычегде. Возраст костромских памятников, по-видимому, позднемезолитический, о чем свидетельствует хорошо выработанная микролитизация изделий.

¹² Г. М. Буров. Вычегодский край. М., 1965, стр. 42—59; Он же. Двуслойная стоянка в урочище Кузьвомын на Верхней Вычегде. «Иzv. Коми филиала ВГО», вып. 5, 1959, стр. 161—168; Он же. Новые материалы по археологии бассейна р. Вычегды. «Иzv. Коми филиала ВГО», вып. 7, 1962, стр. 88—97.

¹³ О. Н. Бадер и В. А. Обори́н. На заре истории Прикамья. Пермь, 1958, стр. 13—14.

¹⁴ О. Н. Бадер. Стоянки Нижнеадишевская и Боровое озеро I на р. Чусовой. МИА, № 22, 1951, стр. 7—14; О. Н. Бадер и Б. Г. Тихонов. Кама-Жулановская мезолитическая стоянка. «Уч. зап. МГУ», вып. 166, 1954, стр. 93—110.

¹⁵ А. Х. Халиков. Материалы к изучению истории населения Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья в эпоху неолита и бронзы. «Гр. Марийской археологической экспедиции», т. 1. Йошкар-Ола, 1960, стр. 11—24.

И. М. ТЮРИНА

НЕОЛИТИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ ПОСОЖЬЯ¹

В 1965 г. Белорусским отрядом Приднепровской экспедиции ИА АН СССР² проведено обследование среднего течения р. Сож на отрезке Чечерск — Ветка. В результате разведки обследовано около 25 неолитических стоянок. На двух из них (у деревень Залесье и Себровичи Чечерского района) нами произведены небольшие раскопки.

Поселение у дер. Залесье расположено в урочище Остров, представляющее собой мыс вытянутой формы, ограниченный с восточной и западной сторон озерами Уступ и Казенное, а с южной — Сожем. Северная часть в половодье затапливается, и мыс превращается в остров, отсюда, вероятно, и название урочища. Поселение располагалось в юго-западной части мыса на небольшой возвышенности, вытянутой с юга на север (длина 110 м, ширина 25 м).

В настоящее время южная часть поселения размыта. Раскоп был заложен в южной части возвышенности и составлял 65 м².

Поселение однослойное; под дерновым слоем (8—10 см) залегал культурный слой желтовато-серого оттенка, в котором и сосредоточены находки — керамика и кремневые орудия. Мощность культурного слоя невелика: на вскрытом участке она не превышает 0,2—0,22 м. В кв. 5 на глубине 0,2 м обнаружена очажная яма конусовидной в профиле формы (рис. 36) диаметром 0,5—0,6 м, глубиной 0,48 м. Яма заполнена золой и мелкими пережженными камнями. Среди золы и камней обнаружено несколько фрагментов керамики с ямочным орнаментом. Подобные фрагменты были и в культурном слое поселения.

В 70 см к юго-западу от очажной ямы (кв. 6) появилась выкладка из камней диаметром 24—33 см (рис. 36). Выкладка состояла из 14 камней, 8 из которых имели на себе следы использования их для шлифовки; на одном камне четкие следы охры; очень интересен округлый камень песчаника с глубокими нарезками, возможно грузило (рис. 37, 24). В некотором отдалении (кв. 10, 11, 12) обнаружено еще четыре камня (отбойники и терочники) (рис. 36). Несомненно, что все эти камни составляют единый комплекс с очажной ямой и представляют собой, вероятно, остатки наземного жилища. Подтверждением этого может служить тот факт, что основная масса керамики и кремневых орудий сосредоточена вокруг очажной ямы и каменной выкладки. Определить планировку жилища не удастся, но на Верхнем Днепре известно наземное неолитическое жилище из раскопок И. И. Артеменко в урочище Сосонка близ с. Лучин Гомельской обл.³

¹ По исследованиям 1965 г.² Начальник отряда И. И. Артеменко. В работе отряда принимала участие автор.³ И. И. Артеменко. Неолитическое поселение в урочище Сосонка. КСИА, вып. 101, 1964, стр. 115.

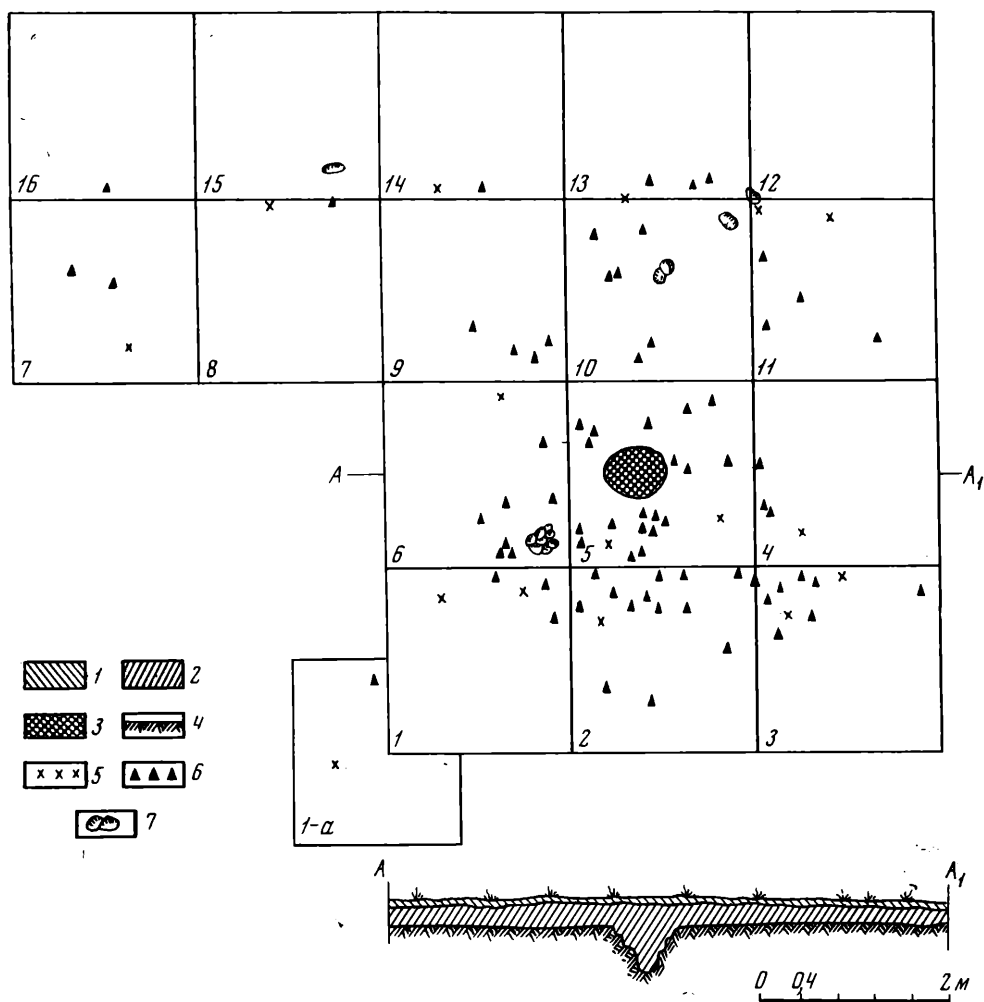

Рис. 36. Дер. Залесье. План раскопа поселения:

1 — дерновый слой; 2 — культурный слой; 3 — очажная яма; 4 — материк; 5 — кремневые орудия; 6 — обломки сосудов; 7 — выкладка из камней

На площади раскопа в урочище Остров найдено всего 16 кремневых орудий и несколько десятков отщепов. Орудия изготовлены из темно-серого кремня. Среди них наиболее значительную группу составляют преимущественно округлые скребки (8 экз.). Почти все они изготовлены на отщепах и лишь 2 экз. на пластинах (рис. 37, 2). Несколько ножей изготовлено на пластинах, боковые стороны которых обработаны ретушью (рис. 37, 3, 4). Из остальных орудий нужно отметить обломок ретушированного топорика и несколько пластинок.

Керамика представлена 80 фрагментами сосудов. Сосуды были толсто-стенными, в тесте растительная примесь, реже встречается примесь кварца. Наружная поверхность черепков желтого и красновато-коричневого цвета. Венчик прямой, под ним, как правило, горизонтальный ряд глубоких круглых ямок (рис. 38, 20). Орнамент покрывает всю поверхность сосудов. Преобладает гребенчатый штамп (41 фрагмент), оттиски которого образуют или горизонтальные ряды или же «елочку» (рис. 38, 1, 21, 24), а также орнамент из глубоких ямок, нанесенных щепкой с нажимом на один конец (рис. 38, 22, 23, 25).

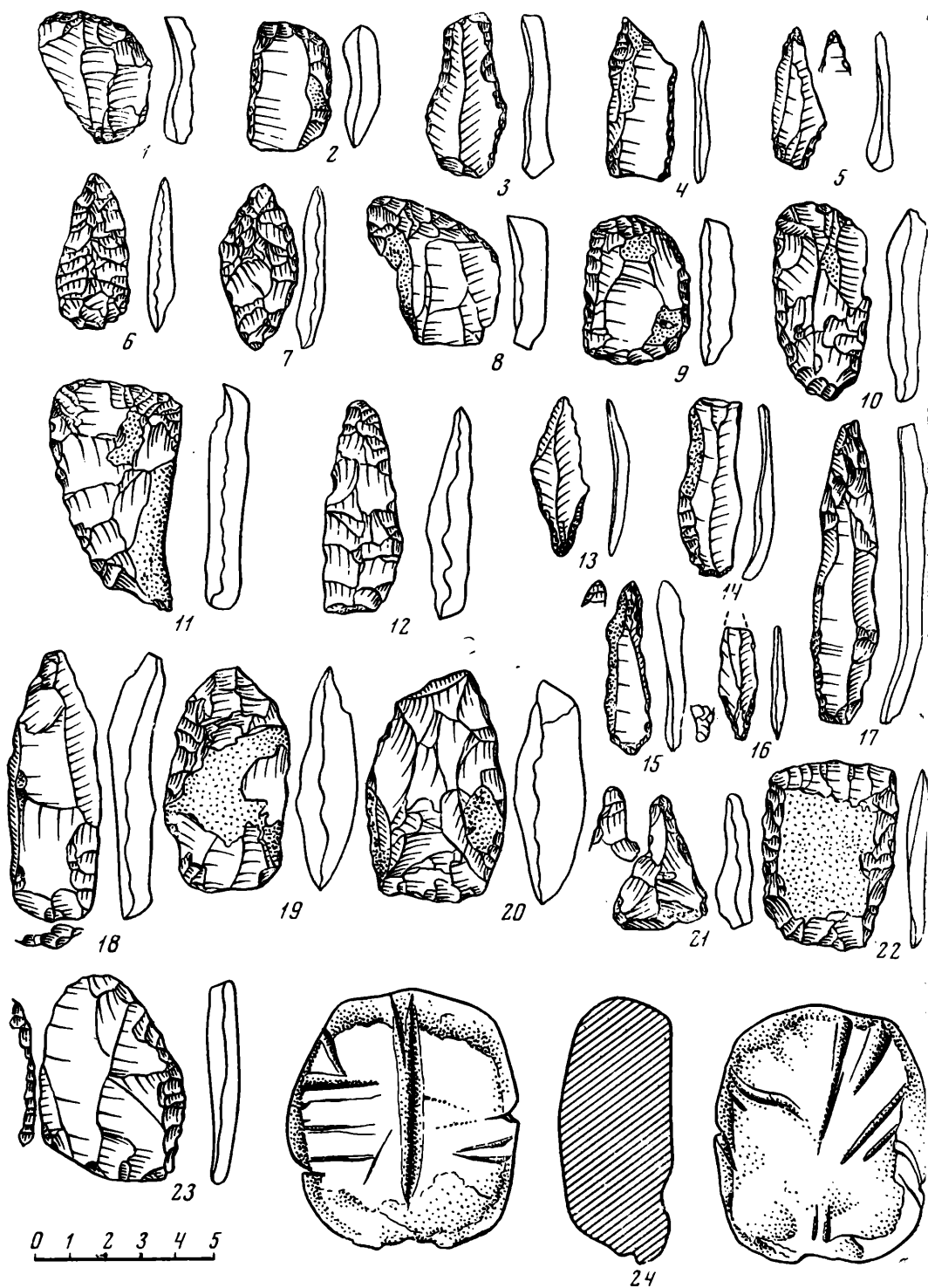

Рис. 37. Кремневые орудия с неолитических поселений Посожья:

1-4, 24 — Залесье; 5-12, 17, 18, 20, 23 — Липовый Брод; 13, 14, 16 — Попово; 15, 21, 22 — Курган; 19 — Оношки

Небольшая площадь поселения, незначительная мощность культурного слоя и слабая насыщенность его находками говорят о том, что люди жили здесь в течение сравнительно короткого времени.

Второе поселение, на котором были проведены раскопки, расположено в урочище Липовый Брод, в пойме правого берега Днепра, напротив дер. Се-ребровичи.

Урочище представляет собой возвышенность, состоящую из нескольких небольших песчаных дюн. На самой северной из них (Липовый Брод I), вытянутой с востока на запад, еще в 1928 г. К. М. Поликарповичем было обнаружено неолитическое поселение, на котором он произвел небольшие раскопки (14 м²), давшие некоторое количество неолитической керамики, кремневых орудий и сосуд эпохи бронзы⁴.

В поисках могильника эпохи бронзы Белорусским отрядом были произведены раскопки (100 м²) на более южной дюне, вытянутой с юга на север (длина 140 м, ширина 40 м). На площади раскопа был обнаружен могильник среднеднепровской культуры, расположенный на неолитическом поселении с довольно мощным культурным слоем (0,4—0,6 м).

В данной публикации мы остановимся лишь на рассмотрении неолитического материала.

Основную часть находок составляют фрагменты сосудов (около 400). Кремневых орудий немного (около 90). Все орудия изготовлены из мелового кремня, распространенного в этих местах, преимущественно серого цвета. Наиболее многочисленную группу (50 экз.) составляют скребки. Большинство из них изготовлено на отщепах и только единичные экземпляры — на пластинах. Отретушированы обычно только лезвия, но иногда и боковые края (рис. 37, 8—11.). Ножи (12) изготовлялись из длинных пластин правильных очертаний с почти параллельными гранями. Боковые стороны пластин, как правило, обработаны ретушью (рис. 37, 12, 17). Наконечники стрел представлены двумя экземплярами: оба тщательно обработаны ретушью с обеих сторон. Один несколько вытянутых пропорций с закругленным основанием, другой иволистной формы (рис. 37, 6, 7). Из остальных орудий следует отметить тесловидное орудие с характерной обработкой лезвия и два топора с сильно суженным обухом и более широким лезвием, с овальным сечением (рис. 37, 18, 20).

Большой интерес представляет керамика. Поверхность ее темно-коричневого цвета, в тесте примесь кварца, встречается и растительная примесь. Стенки сосудов сравнительно тонкие (0,6—0,8 см), на внутренней поверхности их — следы заглаживания зубчатым штампом. Сосуды были большого размера, закрытой формы, с прямым или слегка отогнутым наружу венчиком и острым дном. Под венчиком имеется горизонтальный ряд глубоких цилиндрических ямок, по краю венчика гребенчатые оттиски или ямочные вдавления (рис. 39, 4, 8, 11). Эта деталь характерна почти для всей неолитической керамики Верхнего Поднепровья.

В большинстве орнамент покрывает всю внешнюю поверхность сосудов. Почти половина всех фрагментов (160) украшена гребенчатыми отпечатками, образующими разнообразными орнаментальные мотивы — «елочку», зигзагообразные линии, или же горизонтальные, вертикальные или диагональные ряды (рис. 39, 2, 9, 15, 16, 18, 20, 21, 24). Иногда диагональные ряды гребенчатых отпечатков чередуются с горизонтальными рядами круглых или овальных ямок (рис. 39, 10). Обращают на себя внимание фрагменты, украшенные оттисками тонкой гребенки, образующие как бы заштрихованные треугольники (рис. 39, 25).

⁴ К. М. П а л і к а р п о в і ч. Дагістарычныя стаянкі сярэдняга і Ніжняга Сажа, т. I. Менск, 1928, стр. 249; О н ж е. Дагістарычныя стаянкі Сярэдняга Сажа, т. II. Менск, 1930, стр. 404, табл. 8, 2.

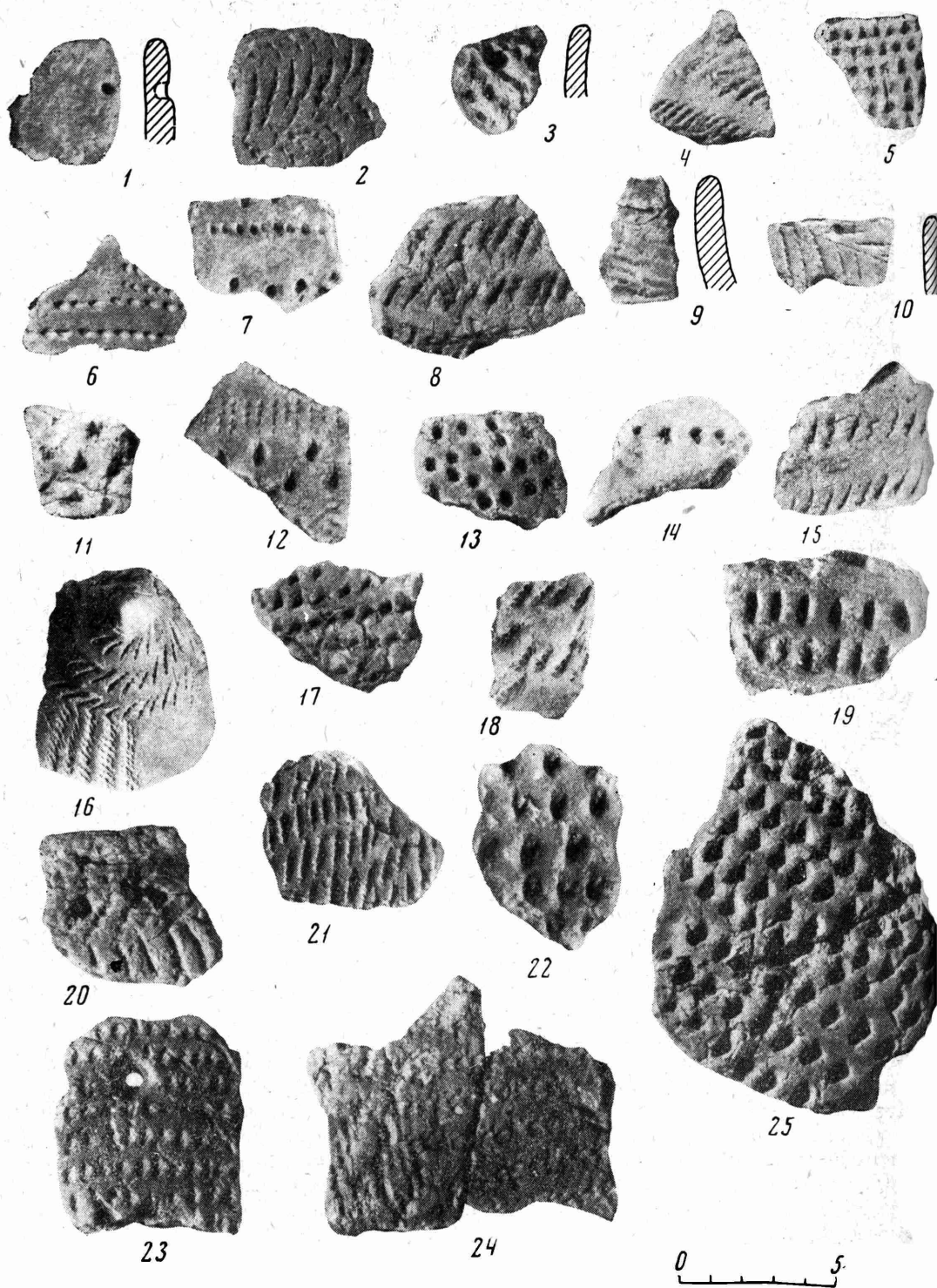

Рис. 38. Обломки сосудов из стоянок на р. Сож:

1, 2, 19—25 — Залесье; 3, 8, 16 — Цыганский бугор; 9, 12, 13 — Курган; 10, 14 — Попово; 15 — Пуня;
11, 17, 18 — Шепотовичи

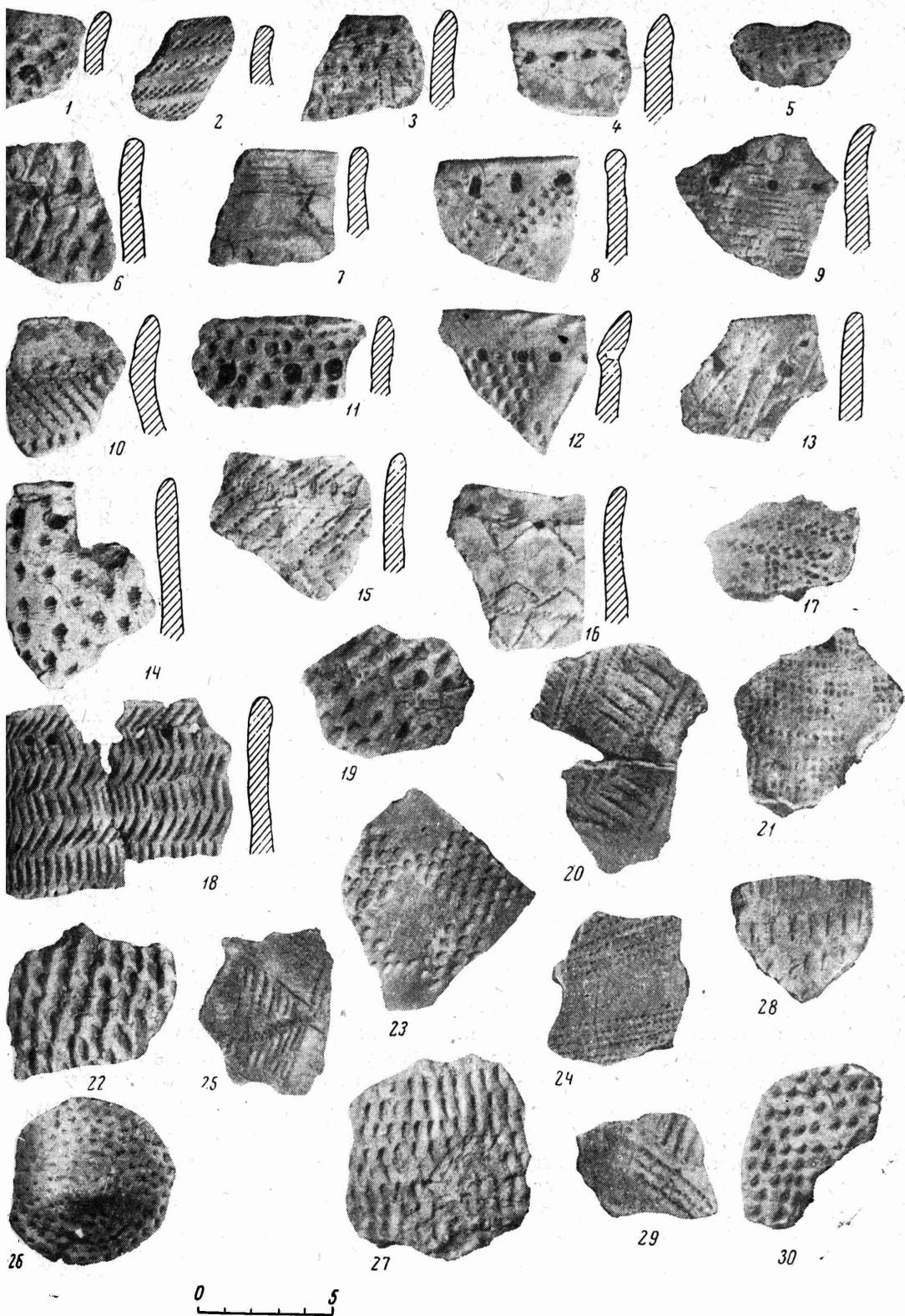

Рис. 39. Поселение у дер. Себровичи. Обломки сосудов

Кроме гребенчатого штампа, значительная группа фрагментов (116) украшена ямочными вдавлениями. Ямки круглые или овальные, неглубокие покрывают сплошь всю поверхность сосуда (рис. 39, 3, 11, 27, 30). «Лапчатые» отпечатки (40 фрагментов) — орнамент нанесен концом палочки, обмотанной ниткой или веревкой, — чаще всего равномерно покрывают всю поверхность сосудов (рис. 39, 18), значительно реже они образуют горизонтальные или вертикальные ряды или треугольники (рис. 39, 8, 12, 23).

Несколько фрагментов украшено отпечатками «отступающей» лопаточки, образующими горизонтальные линии, иногда в сочетании с ямками (рис. 39, 13, 29).

Нужно еще отметить несколько фрагментов, украшенных различными сочетаниями гребенчатого и ямочного, гребенчатого и «лапчатого» отпечатков (рис. 39, 3, 8, 9).

Все остальные исследованные нами неолитические стоянки расположены на краю надпойменной террасы и на отдельных песчаных возвышенностях в пойме Сожа. Культурный слой на большинстве из них разрушен, но на некоторых хорошо задернован (урочище Ямище у дер. Присно, урочище Пуня у дер. Смедин). На развеечных участках нами собраны коллекции кремневых орудий (около 250 экз.) и керамики. Орудия изготовлены из кремня серого цвета, преимущественно светлых тонов. Наиболее значительную группу составляют скребки, изготовленные в основном на отщепках и часто сохраняющие остатки корки. Обработано, как правило только лезвие, но иногда и боковые края (рис. 37, 22, 23); тонкие удлиненные пластины с ретушью по продольным краям (рис. 37, 14), топоры с зауженным обухом и более широким лезвием, оформленным продольными сколами (рис. 37, 19). Остальные орудия — наконечники стрел, проколки и др. представлены единичными экземплярами.

Керамика неолитических стоянок представлена в основном фрагментами сосудов желтого цвета с примесью кварца в тесте. Только керамика, собранная у дер. Шепотовичи, содержит в тесте растительную примесь. Характер орнамента тоже иной. Для Шепотович характерен орнамент из глубоких ямок, нанесенных щеткой с нажимом на один конец, и горизонтальные ряды косых насечек из оттисков гребенки (рис. 38, 11, 17, 18). Для остальных же исследованных стоянок характерен орнамент из гребенчатых отпечатков, образующих «елочку», диагональные ряды отпечатков по типу «отступающей» лопаточки (рис. 38, 6, 9, 15). Встречается и «лапчатый» орнамент (рис. 38, 3).

На основании характера керамики и кремневого инвентаря, обследованные нами поселения разделяются на две разновременные группы. К первой группе следует отнести поселения у деревень Залесье и Шепотовичи. Полное отсутствие «лапчатых» отпечатков и зональности в орнаменте, характерных для поздненеолитических поселений Верхнего Поднепровья, а также наличие растительной примеси в тесте, толстостенность сосудов позволяют считать эти памятники наиболее ранними из известных нам неолитических поселений Посожья.

Для поселений 2-й группы (Липовый Брод 2, Цыганский Бугор, Попово, Курган и т. д.) характерны тонкостенные остродонные сосуды с примесью кварца в тесте, часты на сосудах следы от заглаживания зубчатым штампом. В орнаментации преобладают оттиски гребенки, кроме того, в довольно большом количестве встречается керамика с лапчатым орнаментом. Наблюдается зональность в орнаментации, а также горизонтальные, вертикальные и диагональные ряды. Все эти признаки, а также появление в кремневом инвентаре поселений небольших топориков с округлым лезвием

и овальным сечением дают возможность сопоставить эти поселения с рядом поздненеолитических памятников Верхнего Поднепровья⁵. Сходство керамики Липового Брода 2 по характеру орнамента и составу теста с керамикой неолитического поселения в урочище Стрелица, на площади которой также располагается могильник среднеднепровской культуры⁶, позволяет датировать это поселение концом III — началом II тысячелетия до н. э.

⁵ И. И. Артеменко. Неолитические стоянки и курганы эпохи бронзы близ с. Ходосовичи Гомельской обл. БССР. «Памятники каменного и бронзового веков Евразии». М., 1964, стр. 70—73; Он же. Неолитическое поселение у с. Веть Могилевской обл. КСИА, вып. 97, 1964, стр. 120—126.

⁶ И. И. Артеменко, И. М. Тюркина. Неолитическое поселение в ур. Стрелица Гомельской обл. КСИА, вып. 106, 1966.

В. П. ЛЕВЕНКО

НЕОЛИТИЧЕСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ
НА Р. МАТЫРЕ ПОД ЛИПЕЦКОМ

В 1963—1965 гг. были проведены раскопки неолитических поселений Рыбное Озеро I и Ярлуковская Протока, находящихся в долине речки Матыры (притока р. Воронежа) Грязинского района Липецкой обл.¹

Пойма р. Матыры в районе стоянок высокая, сухая, покрыта слоем мощного чернозема и в настоящее время на всей площади распахивается под посевы. Стоянка Рыбное Озеро I находится на правом берегу реки, в 200 м к западу от старицы Рыбное Озеро и 1 км к югу от поселка Егупов². Раскопанная площадь равна 150 м².

Наибольший интерес представляет четвертый раскоп. В перепаханном слое найдена разновременная керамика, в том числе фрагмент светлоглиняной узкогорлой античной амфоры с реберчатой ручкой римского времени³, кремневые орудия и отщепы (рис. 40, 12, 13, 19), накольчатая керамика (рис. 41, 5), пряслица, кости животных. Под пахотным слоем лежал плотный слой светло-коричневого цвета; в нем встречались кремневые орудия (рис. 40, 10, 20, 27, 32, 35), отщепы, кости животных, фрагменты керамики и пр. Находки в основном локализовались в четырех овальных в плане пятнах (диаметр 2—4 м), утопанный слой которых и углистая окраска позволяют предполагать, что это остатки жилищ. Среди керамики, найденной здесь, преобладала накольчатая (рис. 41, 9).

Поселение Рыбное Озеро II находится в 200 м к юго-востоку от поселения Рыбное Озеро I и отделено от него широкой низиной, к северо-западу от небольшого озера. С севера стоянку пересекает ирригационная канава. Раскопанная площадь равна 123 м².

Толщина перепаханного слоя 0,30—0,35 м. В верхнем перепаханном слое найдена была керамика эпохи бронзы — катакомбной культуры «харьковско-воронежского» типа, и «многоваликовая», с защипами и оттисками шнура и веревочки, а также керамика железного века. Кроме керамики в этом слое обнаружены две цельные железные крицы и древний железный серп. Под слоем запашки в нераспаханном слое темного суглинки были найдены следы овальных в плане жилищ с наземными очагами в центре и кучами золь на периферии. Этому слою соответствовали находки преимущественно ямочно-ребенчатой керамики, ближе всего напоминающие волго-окскую (рис. 41, 1—4, 12, 13, 14); в меньшем числе здесь встречалась керамика эпохи бронзы, а также накольчатая (рис. 41, 21).

¹ Работы проводились Верхне-Донской экспедицией ЛОИА АН СССР совместно с Липецким областным краеведческим музеем под руководством автора.

² Стоянка открыта учителем Г. В. Бобровым в 1963 г.

³ Определение Г. М. Падва.

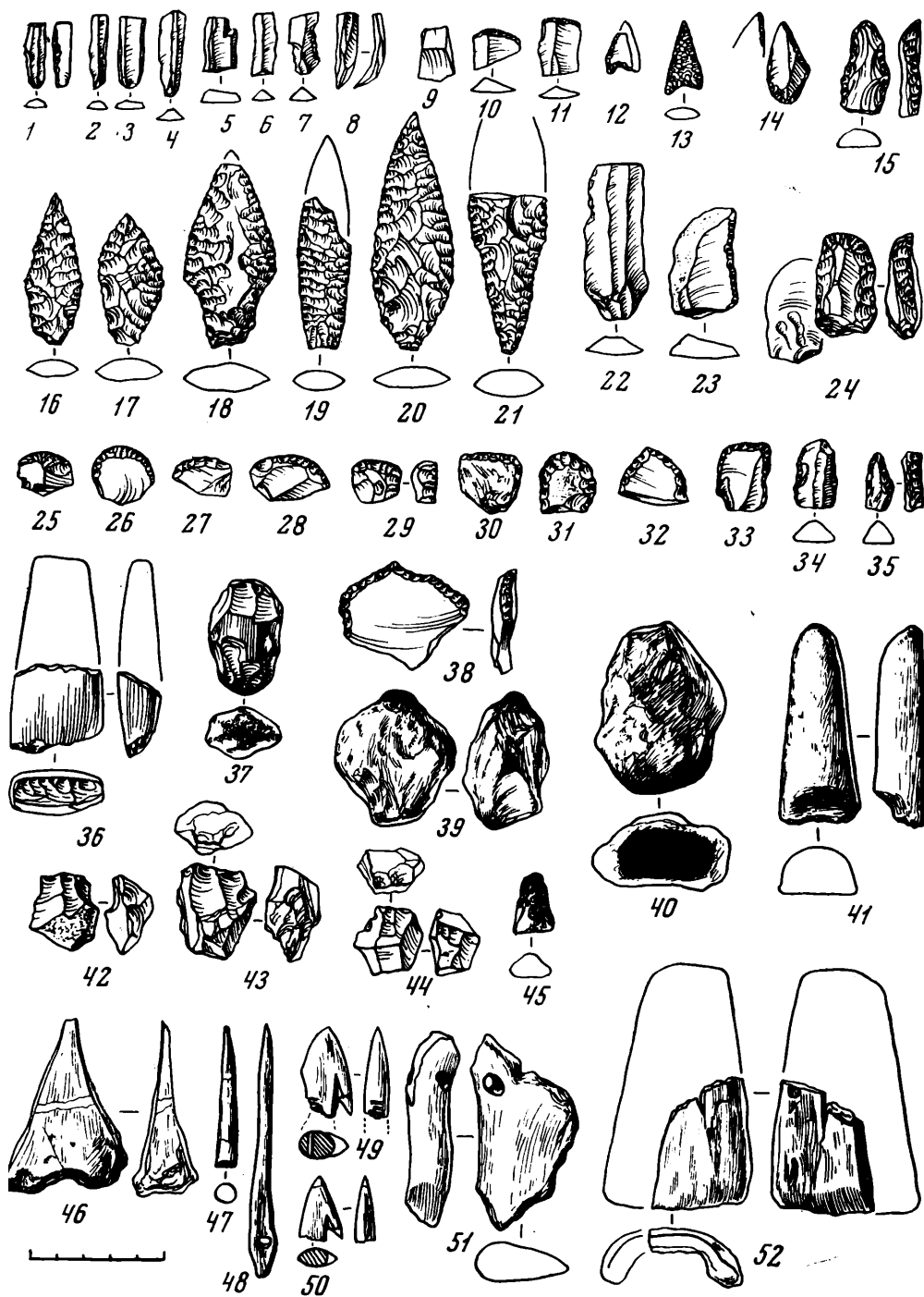

Рис. 40. Кремневые и костяные орудия:

10, 12, 13, 19, 20, 27, 32, 35 — Рыбное Озеро I; 21, 28, 34, 36, 39, 45, 51 — Рыбное Озеро II; 1—9, 11, 14—18, 22—26, 29—31, 33, 37, 38, 40—44, 46—50, 52 — Яруковская Протока

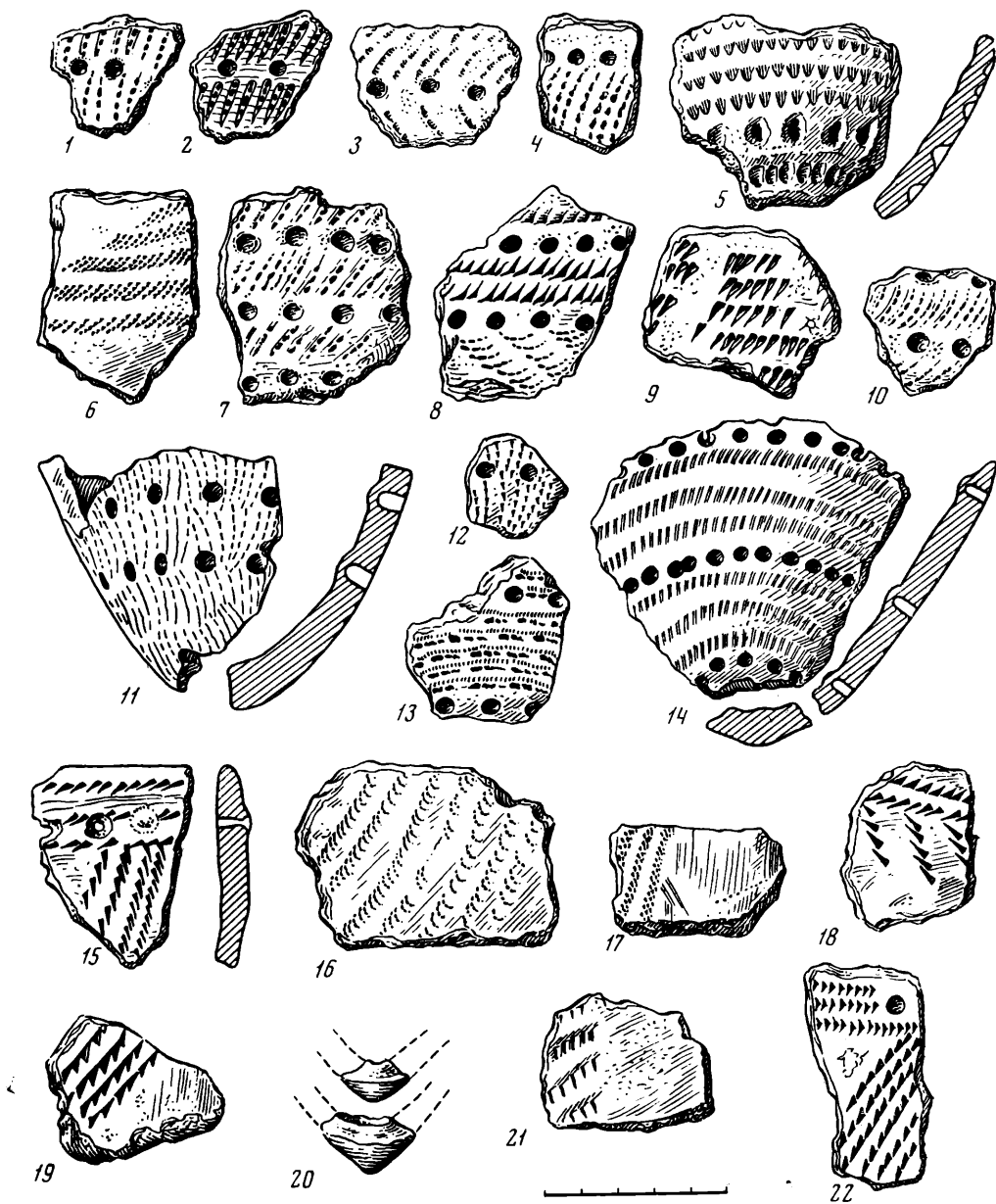

Рис. 41. Керамика:

5, 9 — Рыбное Озеро I; 1—4, 6, 12—14, 16, 21 — Рыбное Озеро II; 7, 8, 10, 11, 15, 17—20, 22, 23 — Ярлуковская Протока

Особый интерес вызывают находящиеся в этом слое раздавленные сосуды. Один из них оказался остродонным с накольчатым орнаментом. Под слоем почвы в подстилающем ее суглинке обнаружена только гребенчато-накольчатая керамика (рис. 41, 6, 16). Основная масса кремневых орудий найдена во втором и третьем слоях (рис. 40, 21, 28, 34, 36, 39), вместе с неолитической керамикой.

Поселение Ярлуковская Протока находится в 6 км к востоку от поселения Рыбное Озеро I и II, также на распаиваемой пойме р. Матыры, в 1 км к западу от с. Ярлуково.

На стоянке было раскопано 73 м². Культурный слой достигал местами 2 м толщины; в нем прослежены жилые площадки, остатки жилищ и зольные очаги, один из которых был глинобитным. Залегал он в слое с неолитической ямочно-гребенчатой керамикой.

В верхней части культурного слоя чернозема обнаружена керамика эпохи бронзы и железа, обломки глиняных рубчатых «булав», куски пережженной глины, камни и пр. В нераспаханной части чернозема — более всего неолитической ямочно-гребенчатой (рис. 41, 7, 8, 10, 11) и накольчатой керамики. Здесь же большинство кремневых орудий (рис. 40, 1—9, 11, 14—18, 22—26, 29—31, 33, 37, 38, 40—44), а также костяные орудия — массивное острие, шило, игла, гарпуны, фрагмент костяного тесла (рис. 40, 46—50, 52) и большое количество костей животных. В суглинке — только гребенчато-накольчатая керамика (рис. 41, 15, 17—20, 22).

Статистический подсчет залегания различных типов керамики по горизонтам слоя дал следующую картину ⁴.

Т а б л и ц а

Стоянки и горизонты их слоя	Рыбное Озеро I			Рыбное Озеро II			Ярлуковская протока		
	I	II	III	I	II	III	I	II	III
Железного века	40	—	—	24	11	—	51	13	—
Эпохи бронзы	30	27	—	314	379	5	57	70	9
Ямочно-гребенчатая неолитическая	21	19	—	35	307	15	7	156	19
Накольчатая неолитическая	38	243	58	—	230	89	—	241	184

Характер поглубинного залегания керамики наряду с другими данными может быть использован для некоторых выводов.

В поселениях на р. Матыре, кроме кремня и керамики, как указывалось, найдено также много костей животных. В Рыбном Озере I — кости собаки и лошади. На поселении Рыбное Озеро II — лося, кабана, коровы, лошади. На поселении Ярлуковская Протока — лося, коровы, косули, бобра, оленя, полевки, крысы серой, а также кости рыб семейства карповых ⁵. Из растительных остатков обнаружена скорлупа лесного ореха и желудей, иногда обуглившиеся.

Поскольку нижние слои всех исследованных нами памятников на р. Матыре содержат преимущественно накольчатую керамику, следует полагать, что данные места лесостепи впервые были освоены переселенцами из области Среднего Поднепровья. Об этом свидетельствует микролитоидность части кремневых изделий, находка на поселении Ярлуковская Протока так называемого «челнока», изготовленного из мягкого глинистого сланца (рис. 40, 41). Такие предметы неизвестны среди материалов неолитических поселений Волго-Окского междуречья, но они широко распространены на Украине ⁶ и встречаются на Урале. На относительно более позднее время поселения Рыбное Озеро I среди описываемых стоянок указывают наконечники с выемкой у основания (рис. 40, 12, 13) и деградирующий характер накольчатой орнаментации (рис. 41, 5).

⁴ В графах таблицы римскими цифрами указаны горизонты культурного слоя на стоянках, арабскими — число фрагментов различной керамики по горизонтам.

⁵ Определение Н. М. Ермоловой.

⁶ В. М. Даниленко. До питання про ранній неоліт Південно Надніпрянщини. «Археологія», III, 1950, стр. 139, табл. II, 24; Д. Я. Т е л е г и н. К вопросу о днепро-до-нецкой неолитической культуре. СА, № 4, 1961, стр. 35, рис. 7, 8, 23 36, 45.

В средних горизонтах стоянок Рыбное Озеро I и Ярлуковская Протока к накольчатой керамике примешивается, а в поселении Рыбное Озеро II преобладает ямочно-гребенчатая керамика (рис. 41, 1—4, 12—14), заносившаяся сюда, по-видимому, из находящихся недалеко стоянок рязанского течения р. Оки. В верхних горизонтах преобладает шнуrowая, защитная и многоваликовая керамика эпохи бронзы.

Хозяйство исследованных поселений представляется скотоводческим, в котором на раннем этапе видную роль еще играла охота, о чем свидетельствует наличие охотничьего оружия — стрел, дротиков, копий, каменного «челнока», а главное костей диких животных. Во всех поселениях известное значение имели рыболовство и собирательство, что подтверждается находками иглы для вязания сетей, гарпунов (Ярлуковская Протока), костей рыб, скорлупы орехов и обуглившихся желудей на всех трех памятниках.

Н. Н. ГУРИНА

НОВОЕ В ИССЛЕДОВАНИИ БЕЛОРУССКИХ ШАХТ

Полевые работы на р. Росси в Волковисском районе Гродненской обл. БССР¹ в 1965 г. велись на новом участке меловой линзы, ближе к реке, на расстоянии 800 м от раскопа 1963—1964 гг. и более чем 200 м. от группы шахт, частично исследованных в 1964 г. (раскоп II).

За время, отделяющее два раскопочных сезона, разработка заводом меловой линзы значительно продвинулась вперед; участок с раскопанными нами шахтами выбран, оставшаяся часть линзы в сторону реки подготовлена к эксплуатации (с нее удалена вскрыша).

Поскольку возможность прекращения заводом разработки меловых линз исключалась, возникала необходимость проведения максимальных работ по исследованию шахт в предельно короткие сроки. Исходя из этого, помимо собственно раскопок, которые лимитировались, были организованы тщательные наблюдения над той частью линзы, где работал бульдозер. Систематические наблюдения² дали возможность установить конструкцию разобранных шахт не только в разрезе, но и в плане.

Подчистка поверхности мелового слоя³ на протяжении всей линзы, позволила обнаружить и зафиксировать на плане огромное количество темных пятен, соответствующих устьям шахт. Они заметно концентрировались в южной половине линзы, в то время, как в северной пятна на всем протяжении отсутствовали.

Благодаря тому, что наблюдения производились на обширной площади, а мы располагали опытом, накопленным в процессе предшествующих раскопок, удалось выявить большое количество мастерских (преимущественно размещенных в полузасыпанных шахтах)⁴, которые заметно группировались по самой южной оконечности линзы со стороны «шахтерского поселка».

Помимо выявления устьев шахт, удалось проследить также простирающие цепочки конкреций кремня, что чрезвычайно существенно для понимания конструкции новых шахт.

Основной раскоп был заложен на участке, расположенном в непосредственной близости от края действующего карьера⁵. Здесь на площади 1224 м² (36 × 34 м) отчетливо прослеживались 25 темных округлых или слегка

¹ Полевые работы были начаты нашей экспедицией в 1962 г. и продолжены в 1963—1964 гг.

² Это достигалось фиксацией всех изменений с помощью фотографирования и чертежей.

³ На всем оставшемся пространстве вскрыша была снята несколько лет тому назад.

⁴ Они выявлялись благодаря сильной концентрации мелких отщепов и сколов, залегающих нередко сплошной массой в контурах интенсивно темных округлых пятен.

⁵ К моменту окончания наших работ от крайней шахты карьер находился всего лишь в 8 м.

овальных пятен; все они, как показали раскопки, соответствовали устьям шахт (рис. 42).

В расположении и конструкции их наблюдались новые черты по сравнению с размещением и архитектурой шахт, изученных в предшествующие годы.

Прежде всего обращала на себя внимание удивительная последовательность в расположении шахт, вытянутых в одном направлении — запад-восток, строго совпадающих с простиранием цепочек кремня. Прослеживались

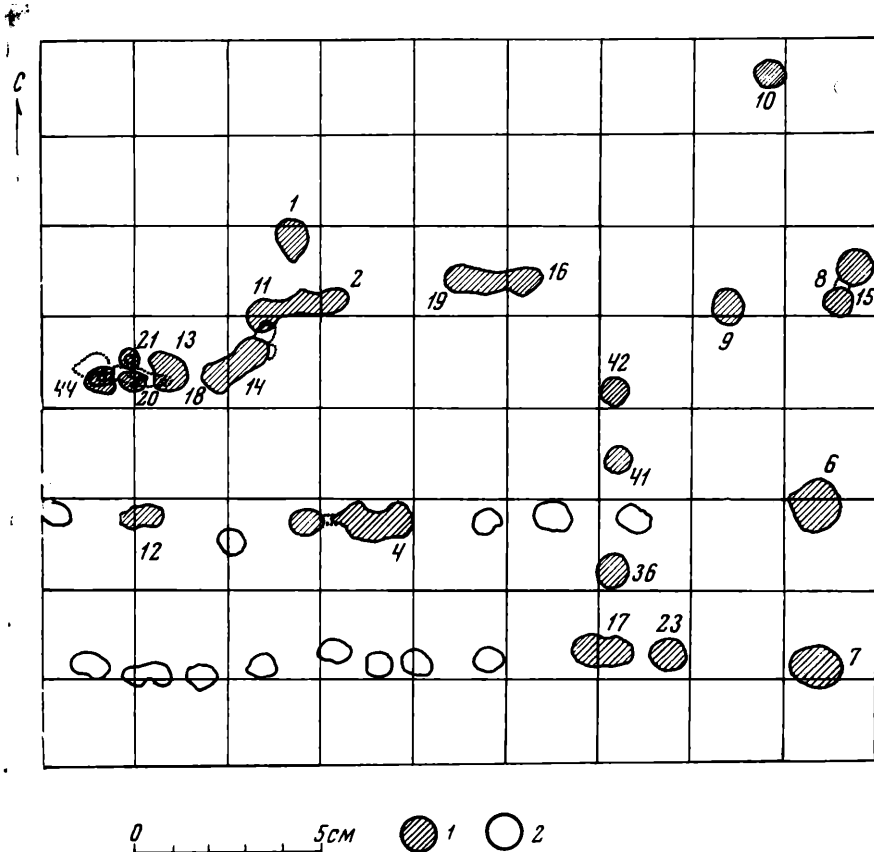

Рис. 42. План расположения шахт в раскопе 1965 г.:

1 — раскопанные шахты; 2 — нераскопанные, но заметные с поверхности

три основные цепочки кремня и им соответствовали три основные цепочки шахт. Единичные шахты, лежащие между ними, оказались очень мелкими, без подбоев и штреков, что заставляет рассматривать их как разведочные.

Характер расположения конкреций кремня — предмета добычи древних горняков — определил в основном и форму шахт. Многие из них имели овальные очертания, были соединены штреками, вытянутыми обычно в направлении запад-восток. Некоторые из них вплотную примыкали друг к другу и на определенном горизонте сливались вместе. Так, прослеженные по верху два темных овальных пятна (№ 16 и 19) оказались при окончательной разборке, одной шахтой резко вытянутых очертаний.

Особого интереса в этом плане заслуживает комплекс шахт № 2, 11, 14 и 18. После окончательной разборки их оказалось, что шахта № 2 на уровне средней части и выше слилась с шахтой № 11 и приобрела вследствие этого резко вытянутую форму (1—1,5×5 м). Дно этой шахты было неров-

ным, поскольку выработка ее шла уступами, в соответствии с залеганием кремня. В восточной части шахта № 2 резко сужалась и заканчивалась небольшим подбоем.

С запада к шахте № 11 примыкали шахты № 14 и 18, соединяясь штреками с ней и между собой.

Новым в конструкции шахт явились и полые помещения в виде камер или навесов, оказавшиеся почти незасыпанными, овальные отверстия — входы, которыми обычно начинались и оканчивались штреки, небольшие ниши со следами костров, окошечки для освещения помещения и следы от кольев.

Особенно впечатляющим был комплекс шахт № 13, 20, 21, 44 и камера 13а под ними, находящиеся в западной части раскопа, в непосредственной близости от края карьера.

При выборке содержимого шахты № 13, имеющей неправильно округлые очертания с глубоким подбоем в северной стороне, выбранном на уровне середины шахты, в юго-западной части ее на небольшой возвышенной ступеньке дна⁶ обрисовывалось овальное отверстие, через которое можно было заглянуть в небольшое почти незасыпанное помещение; однако проникнуть туда человеку не позволяла незначительная величина отверстия. Стало очевидно, что оно могло служить лишь для освещения или вентиляции, а вход в камеру вел из какой-то другой шахты. Разборка соседней шахты № 20 позволила найти еще одно маленькое отверстие, ведущее в ту же камеру, которое однако также не могло служить входом. Последний был обнаружен после вскрытия шахты 21 — узкой и глубокой правильной округлой формы. Вход, располагавшийся у самого дна шахты, имел полуциркульную форму, делая свободным доступ в пустое помещение.

Проникнув туда, мы обнаружили овальную камеру, лежащую ниже расположенных над ней шахт № 13 и 20, в полу которых и были пробиты отверстия. Они пропускали достаточно света для того, чтобы можно было рассмотреть и даже сфотографировать бесчисленные следы от рогового кайла, покрывающие сплошь стены и потолок.

С западной стороны камеры прослеживалась меловая крошка, частично просыпавшаяся и на пол. Стало очевидно, что под ней скрыт второй вход, ведущий в западном направлении. Необходимо было приступить к его поискам. Несмотря на трудность и опасность разборки, ее пришлось вести изнутри камеры. В результате была открыта еще небольшая, округлая шахта (№ 44), в северной стенке которой оказалось отверстие, достаточное для того, чтобы пропустить человека еще в одну небольшую камеру типа навеса (44а) с округлым потолком, который так же, как и стены, был покрыт глубокими следами от кайла древнего шахтера. Поверх их видна была сильная закоптелость от некогда горевшего здесь костра. Остатки от него прослеживались на полу в виде скопления углей. Так оказалось, что из шахты № 44 вело два входа в камеры 13а и 44а.

Отчетливые следы костра открыты были и в шахте № 35. Там разводили огонь в небольшой нише.

Впервые в этом году в стенах двух шахт № 17 и 22 обнаружены следы от кольев, служивших, возможно, для крепления. Так, в южной стенке шахты № 17 при выборке ее заполнения, выявились три отверстия, расположенные по диагонали, диаметр наибольшего из которых равнялся 12 см. Основание их лежало на грани коренной породы и меловой крошки, заполнявшей шахту. Следы от кольев уходили в стену на глубину 60 см. Внутри отверстий прослеживались мельчайшие угольки: по-видимому, поверхность кола была предварительно обожжена.

⁶ Дно шахты было неровным, с резкими уступами. Наибольшей глубины шахта достигала в восточном направлении.

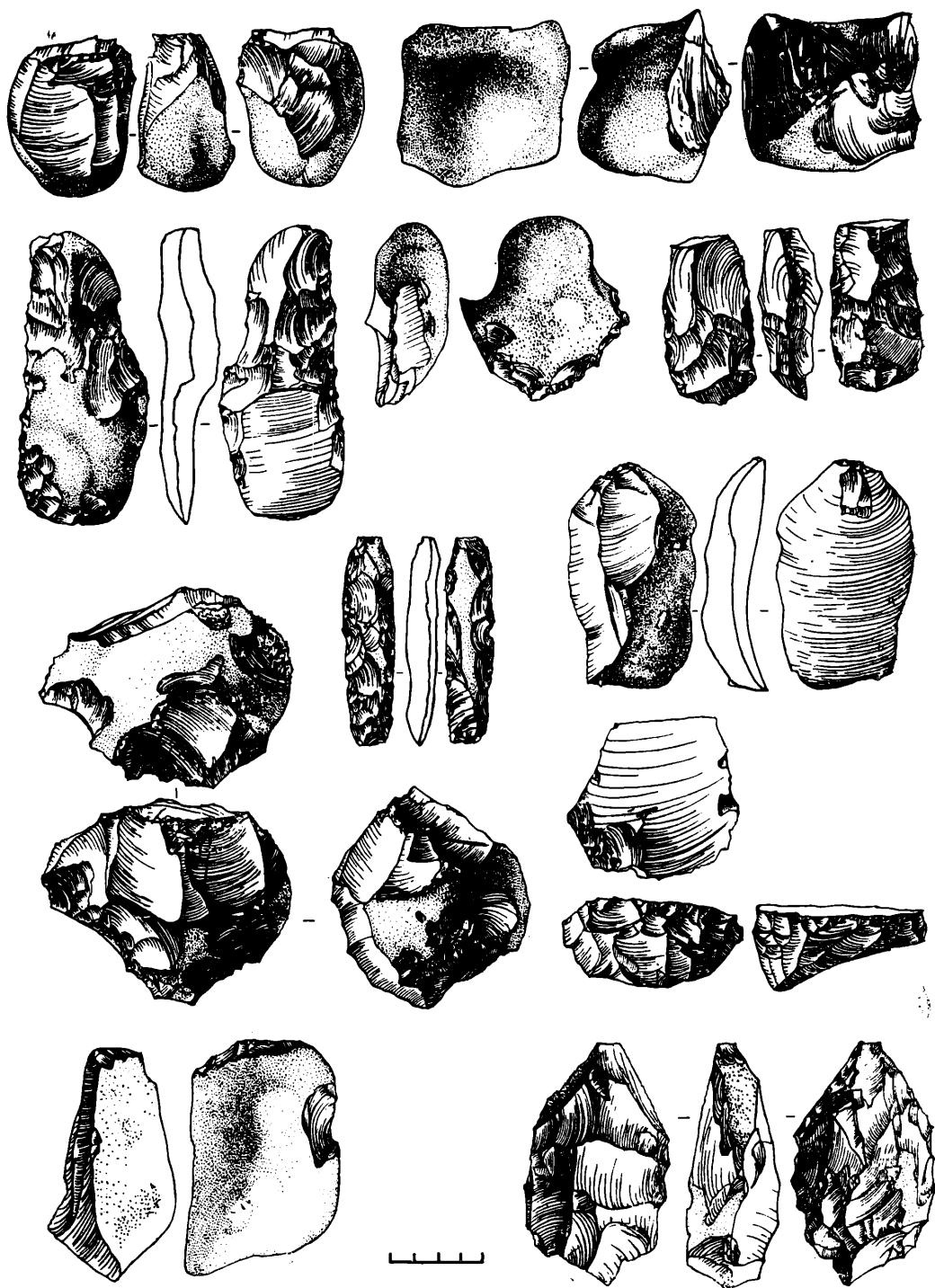

Рис. 43. Каменные орудия из шахт и мастерских

В 1965 г., так же как и в предшествующие годы, найдены полужасыпаные шахты, служившие мастерскими, что с наибольшей очевидностью вы-
явилось в шахте № 12. В середине заполнения ее в восточном углу на силь-
но сцементированной меловой площадке сосредоточивались мелкие отщепы
кремня (более тысячи), полученные при изготовлении орудий, совер-
шенно не типичные для заполнения шахт и, наоборот, очень характерные для
мастерских. По-видимому, древний горняк в полужасыпанной шахте произ-
водил первичную обработку конкреций с целью изготовить из них заготов-
ки топоров (рис. 2).

Помимо исследования шахт на указанной площадке, были произведены
также раскопки древних горных выработок и в пределах той же меловой
линзы, ближе к реке. По конструкции в общем они близки к только что
рассмотренным шахтам, хотя каждая из них и имела свои индивидуальные
особенности.

То обстоятельство, что в этом году имелась возможность произвести
довольно широкие раскопки на большой площади, сделать массу наблюде-
ний за разрезами шахт и составить план расположения их, дало богатый
материал для понимания этого важного культурно-исторического памят-
ника⁷.

Раскопки шахт, отделенных значительным расстоянием друг от друга,
позволяют уловить архитектурные различия в конструкции, на основании
которых удается сделать заключение об их хронологической последователь-
ности.

⁷ Существенным в этом году явился выбор площадки с шахтами (в несколько га),
которая отведена заводом для консервации и строительства над шахтами охранного зда-
ния-музея. Организационное руководство этими работами взял на себя Гродненский ис-
торико-археологический музей (директор Н. И. Соболев).

III. ХРОНИКА

СЕКТОР ПАЛЕОЛИТА в 1963—1965 гг.

Сектор палеолита продолжал разработку тем, связанных с проблемами происхождения человека, становления и развития первобытного общества в каменном веке, а также с вопросами сложения этнических общностей на территории нашей страны в эпохи мезолита и неолита. В целях улучшения разработки плановых тем в рамках сектора работали две группы: палеолитическая (руководитель П. И. Борисковский) и неолитическая (руководитель Н. Н. Гурина).

Были закончены работы Э. А. Абрамовой «Антропоморфные изображения эпохи верхнего палеолита», П. И. Борисковского «Первобытное прошлое Вьетнама», В. П. Любина «Мустье северных предгорий Кавказа», А. Н. Рогачева «Верхний палеолит Среднерусской возвышенности и проблема развития культуры в эпоху палеолита в Восточной Европе», Г. Ф. Коробковой «Функциональное определение каменных и костяных орудий неолитического поселения Усть-Нарым», Л. П. Хлобыстина «Неолит и бронзовый век Байкала», Л. Я. Крижевской «Каменный век Южного Урала», Р. В. Козыревой «Древний Сахалин», С. А. Семенова «История древнейшей техники», И. И. Коробкова «Нижний палеолит Черноморского побережья Кавказа», а также совместная книга Н. А. Береговой и А. П. Окладникова «Древнее поселение Баранова мыса».

В 1963—1965 гг. вышли из печати подготовленные в секторе монографические работы А. П. Окладникова «Древнее поселение на полуострове Песчаном у Владивостока» (МИА, № 112) и П. И. Борисковского «Очерки по палеолиту Дона» (МИА, № 121), сборник «Палеолит и неолит», том V, объемом в 30 п. л. В серии САИ опубликована работа П. И. Борисковского и Н. Д. Праслова «Палеолит бассейна Днепра и Приазовья».

На заседаниях сектора было заслушано большое число докладов и сообщений по различным вопросам и полевым исследованиям.

Ряд докладов, сделанных А. Н. Рогачевым, Н. Д. Прасловым, В. Г. Григорьевой и Л. М. Тарасовым, связан с исследованием палеолита на территории Европейской части СССР и Украины. Вопросам палеолита Кавказа были посвящены доклады В. П. Любина, Е. А. Векиловой и И. И. Коробкова. Э. А. Абрамова и С. Н. Астахов в своих выступлениях сообщили об исследовании палеолита на Енисее. П. И. Борисковский ознакомил сектор со своими исследованиями по первобытному прошлому Вьетнама. В серии докладов Г. П. Григорьева рассматривались вопросы происхождения человека современного типа и возникновения и взаимовлияния культур верхнего палеолита на территориях СССР и зарубежных стран. С. А. Семенов доложил об исследованиях по изучению способов охоты в первобытном обществе.

В секторе регулярно обсуждались доклады сотрудников других научных учреждений об исследованиях по каменному веку.

Неолитическая группа сектора вела подготовку коллективного труда «Этнические общности в эпоху неолита на территории лесной и лесостепной зоны СССР». Собраны и систематизированы материалы по неолиту большей части европейской территории Советского Союза.

Тесно связаны с этой работой и доклады по основным плановым темам: Л. Я. Крижевской о неолите Южного Урала, Н. Н. Гуриной о кремнедобывающих шахтах СССР и неолитических поселениях Нарва I—III, Р. В. Козыревой о культурах Сахалина, И. В. Гавриловой о мезолитических и неолитических памятниках Верхнего Поволжья.

В феврале 1965 г. состоялось расширенное заседание сектора по вопросам изучения палеолита в нашей стране, в котором приняло участие около 90 исследователей палеолита, причем свыше 50 человек представляли научные учреждения Москвы, Киева и др. городов СССР. Было заслушано 37 докладов.

Материалы заседания свидетельствуют о быстром росте современной науки о палеолите, а также о все большем увеличении методологических и методических требований, предъявляемых к современному исследователю палеолита в деле раскопок и изучения добытого раскопками материала. Заседание способствовало обмену опытом, знакомству с новейшими исследованиями, содействовало большему объединению советских исследователей палеолита и координации их работы в разных частях Советского Союза.

В 1963—1964 гг. были проведены следующие полевые исследования.

1. Многолетняя Костенковская палеолитическая экспедиция, работавшая под руководством А. Н. Рогачева, в отчетный период продолжала исследования многослойной стоянки Костенки XI (Аносовка II). В верхнем культурном слое завершено вскрытие остатков жилища, построенного с использованием костей мамонта. Остатки жилища были законсервированы, над ними сооружен павильон. В нижнем, II культурном слое найдено значительное число орудий и миниатюрные фигурки мамонтов, вырезанные из мергеля. Кроме того, доследовались Тельманская и Гмелинская (Костенки XXI) стоянки.

2. Группа Палеолитической экспедиции, руководимая Н. Д. Прасловым, в 1963 г. провела раскопки мустьерских стоянок Рожок II и Герасимовка, а также Ильской стоянки (КСИА, вып. 101). В 1964 г. группа выявила в устье Сев. Донца остатки первой на Русской равнине позднеашельской и раннемустьерской стоянок с сохранившимся культурным слоем. На Мураловской стоянке (побережье Миусского лимана) обнаружены следы небольшого лагеря позднепалеолитических охотников. В 1965 г. отряд Н. Д. Праслова, работавший в составе Астраханской экспедиции (начальник В. П. Шиллов), обследовал «белое пятно» на территории Волго-Донского междуречья, открыл несколько раннепалеолитических местонахождений (у пос. Логовского, у хут. Цыган, у ст. Нагавской и др.) и стоянок эпохи верхнего палеолита (у хут. Ивановки, Похлебкино и др.).

3. Одесский палеолитический отряд (руководитель П. И. Борисковский) обследовал в 1965 г. Одесскую и Николаевскую области. Открыл одно позднепалеолитическое и два мезолитических местонахождения близ дер. Трикрата, Слободка и Васильевка. Тем самым установлено, что граница распространения мезолитических памятников проходит восточнее, чем считалось раньше. На территории г. Курска П. И. Борисковским в 1963 и 1964 гг. были проведены раскопки двух позднепалеолитических стоянок.

4. Гагаринский палеолитический отряд под руководством Л. М. Тарасова проводил исследование Гагаринской стоянки и жилища.

5. Задачей Северо-Кавказской палеолитической экспедиции в 1965 г. было изучение пещер вблизи Черноморского побережья. Е. А. Векилова в Ахштырской пещере вскрыла нижние культурные слои мустьерского времени. Обнаружен самый ранний культурный горизонт с изделиями, возможно, ашельского возраста, что позволяет уточнить дату первоначального

заселения этой пещеры. В. П. Любиным исследовались Малая Воронцовская и Навалишинская пещеры. В первой из них вскрыты напластования мощностью в 1,8 м. В мустьерских слоях, представляющих наибольший интерес, найдено 1176 каменных изделий, и, кроме них, орудия из костей и клыков пещерного медведя. Найденные в Навалишинской пещере верхнепалеолитические и мустьерские орудия близки к изделиям из Воронцовской пещеры.

6. Палеолитический отряд (руководитель Э. А. Абрамова) Красноярской экспедиции продолжал раскопки поселения Кокорево I (Забочка). Культурные напластования вскрыты на площади 180 кв. м. Обнаружены еще два нижних культурных горизонта, найдены большой и разнообразный инвентарь. Открыты новые верхнепалеолитические стоянки у с. Куртак и Новоселово.

7. Экспедиция по изучению кремнедобывающих шахт, руководимая Н. Н. Гуриной, продолжала исследования древних шахт близ пос. Красное село Волковысского р-на Гродненской области БССР. Раскопано 115 шахт. Выявлены типы их конструкции, найдены орудия труда шахтеров и заготовки орудий из добывавшегося кремня. Рядом с шахтами обнаружен сезонный поселок, а на берегу р. Росси — постоянный поселок древних шахтеров. Шахты датируются концом неолита и связываются с племенами шнуровой керамики, обитавшими на территории Прибалтики и Белоруссии.

8. Кольская экспедиция (руководитель Н. Н. Гурина) в 1965 г. произвела обследование зоны будущего водохранилища Патсо-Юокской ГЭС. Вблизи пос. Никель обнаружено четыре ранне-неолитических стоянки. На морском побережье у заливов Большая Лютке и Цин — Наволок открыт ряд кратковременных стоянок, относящихся к мезолиту и раннему неолиту. Самые высокие отметки заняты наиболее древними стоянками «арктического палеолита».

9. Верхне-Донская экспедиция (руководитель В. П. Левенок) исследовала на территории Липецкой и смежных с ней областей памятники различных эпох, начиная с мезолита и кончая поселениями и могильниками I тыс. н. э. (главным образом неолитические). Полученный материал показывает большое разнообразие древних культур, существовавших на данной территории.

10. Череповецкий отряд (руководитель Р. В. Козырева) начал в 1965 г. работы в Белоозерском и б. Шольском р-нах Вологодской области. Раскапывались стоянки Яглоба I и II близ с. Зубово и стоянки у с. Пальцево, открыто еще несколько стоянок, относящихся к каргопольскому варианту ямочно-гребенчатой культуры неолита.

11. Костромской неолитический отряд (руководитель И. В. Гаврилова) в 1963—1964 гг. исследовал стоянки близ Галичского озера. Получены также новые данные о стратиграфии Федоровского поселения.

12. Южно-Уральская экспедиция, руководимая Л. Я. Крижевской, в 1963 г. в Белорецком р-не Башкирской АССР производила раскопки стоянок на оз. Учалы и Карагайлы. Полученные материалы свидетельствуют о длительном сосуществовании техники ножевидных пластин и техники отщепов. В Челябинской области было закончено исследование жилища на одной из стоянок черкаскульской культуры, расположенной на Большом Миассовом озере, на берегах которого открыт ряд древних стоянок.

В 1963—1965 гг. Л. Я. Крижевская принимала участие в работах Уральской экспедиции Уральского университета. Ею проведены разведки и раскопки памятников неолита и энеолита в Абатском и Ишимском р-нах Тюменской области. Раскопки стоянок Пахомово III, Одино и Кокуй II дали большой материал для характеристики неолита и энеолита этого почти не изученного в археологическом отношении р-на. Ритуальное парное захоронение молодых бычков является свидетельством неолитического животноводства.

13. В 1963—1964 г. Л. П. Хлобыстин обследовал побережье Малого моря и северо-восточную и северо-западную части оз. Байкал. Открыт ряд одновременных памятников, из которых наибольший интерес представляют Лударские стоянки, давшие энеолитические и раннеолитические материалы. Совместно с П. П. Хороших и В. В. Свиным проведены раскопки стоянок у пос. Нижне-Ангарск и пещер в Лударской бухте.

В работе секции палеоэтнологии VII Международного конгресса антропологов и этнографов, состоявшегося в 1964 г. в Москве, принимали участие и выступили с докладами П. И. Борисковский, А. Н. Рогачев, С. А. Семенов, Н. Н. Гурина, Г. П. Григорьев.

Как и в предыдущие годы, С. А. Семенов и Г. Ф. Коробкова вели большую работу по определению функционального использования древних орудий и консультировали многих сотрудников как ЛОИА, так и других научных учреждений.

Общие научные интересы связывают сотрудников сектора с зарубежными археологами. В 1963 г. П. И. Борисковский вторично посетил ДРВ, где обследовал открытые вьетнамскими археологами древние памятники и участвовал в обсуждении плана их раскопок. В 1964 г. в Польшу была командирована Н. Н. Гурина, обследовавшая кремневые шахты и ознакомившаяся с методами их исследований. Во время командировки во Францию П. И. Борисковский имел возможность посетить ряд палеолитических памятников, подробно ознакомиться с коллекциями, хранящимися в Париже и Бордо, а также с организацией исследовательской работы в основных археологических учреждениях страны. В Париже и Бордо П. И. Борисковским был прочитан ряд лекций о достижениях советской археологии в изучении палеолита. В. П. Любин участвовал в работе IV Международного конгресса спелеологов в Любляне (Югославия, сентябрь 1965 г.), где выступил с докладом о палеолитических пещерах Кавказа.

В секторе побывало много зарубежных ученых, знакомившихся с коллекциями по каменному веку СССР, а также с лабораторией С. А. Семенова. Некоторые из иностранных ученых выступили на заседаниях сектора с докладами. Так, проф. С. Р. Ружицкий (Польша) сделал доклад о новом применении фторового метода для определения возраста костей.

В 1964 г. в Англии и в США двумя изданиями вышла на английском языке книга С. А. Семенова «Первобытная техника».

В 1963 г. сотрудники сектора Н. Н. Гурина и А. Н. Рогачев защитили докторские диссертации и утверждены в ученой степени доктора исторических наук. В 1964 г. защитил кандидатскую диссертацию Л. П. Хлобыстин. В 1965 г. успешно закончили аспирантуру и защитили кандидатские диссертации Г. П. Григорьев и Н. Д. Праслов. Состав сектора пополнился в 1963 г. аспирантом В. П. Третьяковым, подготовляющим диссертационную работу «Неолитические племена Волго-Окского междуречья» (руководитель Н. Н. Гурина).

С 1965 г. при секторе проходит аспирантуру без отрыва от производства Ю. А. Карагоз, работающий под руководством Н. Н. Гуриной над темой «Из истории неолитических племен Западной Прибалтики».

При секторе проходила подготовку по палеолиту аспирантка Института истории АН БССР Л. М. Литовченко (руководитель А. Н. Рогачев).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

БКНИИ	— Бурятский комплексный научно-исследовательский институт
БМОИП	— Бюллетень Московского общества испытателей природы
ВГО	— Всесоюзное географическое общество
ВНИГРИ	— Всесоюзный нефтяной научно-исследовательский геолого-разведочный институт
ГАИМК	— Государственная Академия истории материальной культуры
ГЖ	— Геологичний журнал Академії наук УРСР
ГЭ	— Государственный Эрмитаж
ДАН	— Доклады Академии наук СССР
ЭНОЕ	— Записки Новороссийского общества естествоиспытателей
КИЧП	— Комиссия по изучению четвертичного периода
КСИА	— Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры
КСОПИ ОГАМ	— Краткие сообщения Одесского педагогического института и Одесского государственного археологического музея
ЛГУ	— Ленинградский государственный университет
ЛОИА	— Ленинградское отделение Института археологии
МАЭ	— Музей антропологии и этнографии
МГУ	— Московский Государственный университет
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР
РАНИОН	— Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук
СА	— Советская археология
САИ	— Свод археологических источников
ССМАИЧПЕ	— Советская секция Международной ассоциации по изучению четвертичного периода Европы
СЭ	— Советская этнография
BSPF	— Bulletin de la Société Préhistorique Française
SMYA	— Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja

СОДЕРЖАНИЕ

I. Доклады и дискуссии

А. П. Черныш. О номенклатуре позднепалеолитических орудий	3
Э. А. Абрамова. О вкладышевых орудиях в палеолите Енисея	12
С. Н. Астахов. Тесла в позднем палеолите Енисея	19
Н. Д. Праслов, А. К. Филиппов. Первая находка палеолитического искусства в южнорусских степях	24
Л. М. Тарасов. О датировке палеолитической стоянки Гагарино	31
Т. С. Пассек, М. М. Герасимов. Новая статуэтка из Вулканешт	38
В. И. Цалкин. Фауна из раскопок поселений культуры Гумельницы в СССР	43
В. Ф. Петрунь. К петрографическому определению состава и районов добычи минерального сырья раннеземледельческими племенами Юго-Запада СССР	50
Е. К. Черныш. Трипольские мастерские по обработке кремня	60
В. П. Третьяков. Об уральских элементах на ямочно-гребенчатой керамике «геометрического» стиля	67

II. Полевые и лабораторные исследования

В. П. Любин, В. Е. Щелинский. Исследование Навалишенской пещеры в 1965 г.	73
Е. А. Векилова. Краткие итоги раскопок Ахштырской пещеры в 1961—1965 гг.	80
Г. В. Григорьева. Большая Аккаржа и ее место среди позднепалеолитических памятников юга СССР	86
Н. И. Гумилевский, И. И. Коробков. Местонахождение памятников каменного века у села Хейвани	91
И. В. Гаврилова. Новые мезолитические памятники Костромской области	101
И. М. Тюрина. Неолитические памятники Посожья	108
В. П. Левинок. Неолитические поселения на р. Матыре под Липецком	116
Н. Н. Гурина. Новое в исследовании белорусских шахт	121

III. Хроника

Сектор палеолита в 1963—1965 гг.	126
--	-----

Исследование памятников каменного века

**Краткие сообщения
Института археологии № 111**

*Утверждено к печати
Институтом археологии АН СССР*

*Редактор М. А. Борисов
редактор издательства Г. В. Моисеенко
Технический редактор В. В. Волкова*

Сдано в набор 29/III 1967 г. Подписано к печати 4/Х 1967 г.
Формат 70×108^{1/16}. Бумага № 1. Усл. печ. л. 11,55. Уч.-изд. л. 10,9
Тираж 2000 Т-13792. Тип. зак. 2539

Цена 69 к.

Издательство «Наука»
Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

2-я типография издательства «Наука»
Москва, Г-99, Шубинский пер., 10